

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
Институт филологии и журналистики

**ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ:
ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ
И ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Сборник статей

Нижегород
2022

УДК 81 (082)
ББК 81я43
Я 41

Рецензенты:

М.Ю. Колокольникова – доктор филологических наук, профессор
Т.В. Харламова – кандидат филологических наук, доцент

Я 41 **Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингво-прагматический аспекты:** Сборник статей / Отв. ред. Н.А. Воскресенская. – Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2022. – 135 с.

ISBN 975-5-91326-739-9

Статьи, представленные в сборнике, представляют результаты теоретических и прикладных исследований в русле современной лингвистики.

Для исследователей русского, английского, французского, немецкого языков, преподавателей филологических факультетов вузов, учителей-словесников, аспирантов, студентов и всех интересующихся вопросами изучения языка.

Редакционная коллегия:

Н.А. Воскресенская (отв. ред.) – к. филол. н, зав. кафедрой зарубежной лингвистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Л.А. Бушуева – д. филол. н., профессор кафедры зарубежной лингвистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Печатается по решению Ученого совета ННГУ

ISBN 975-5-91326-739-9

УДК 81 (082)
ББК 81я43

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Аверкина С.Н., Морженкова Н.В.</i> Романтический дискурс в романе Дж. Кутзее «Бесчестие».....	5
<i>Аль-Кадим Мохаммед Убайд Хашиим.</i> Использование фольклорных прецедентных высказываний для усиления воздействия в тексте газет	11
<i>Бушуева Л.А.</i> Английские лексемы со значением поступка и связанные с ними оценки	17
<i>Воскресенская Н.А.</i> Реноминация советизмов во французских переводах романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».....	21
<i>Голованова Е.И.</i> Лексические маркеры тревожащих событий в повседневной интернет-коммуникации (на материале текстов благопожеланий)	29
<i>Дмитриева А.М.</i> Интернет-мемы как репрезентанты гештальт-концепта «НАРУШЕНИЕ / СОБЛЮДЕНИЕ ЛИЧНЫХ ГРАНИЦ» в условиях роста цен на бензин в Германии в начале 2022 года (на материале немецкого языка).....	35
<i>Дьяконова Е.А.</i> Психологический подход к семантизации топонимов	39
<i>Егорова В.Н., Постникова С.В.</i> Интенсивность как лингвопрагматическая категория и способы ее реализации в когнитивно-дискурсивном пространстве.....	42
<i>Епимахова А.С., Берендяев М.В., Коканова Е.С., Куликов Н.Ю.</i> Из истории отечественного военного перевода и лексикографии	45
<i>Епифанова В.В.</i> Семантические типы сочетаний русского и немецкого языков в сопоставительном аспекте	51
<i>Зинцова Ю.Н., Матвеева И.В., Саможенов С.Н.</i> Семантика и специфика функционирования цветообозначения <i>ROT</i> в современном немецком публицистическом дискурсе	57

Ибраимова А.Е. Различение тонов в китайской речи носителями русского языка, изучающими китайский язык: экспериментальное исследование.....	61
Иванова Т.В. Коммуникативные барьеры рекламного политического текста (на примере листовок и газет).....	66
Кристиано Никола Отелло. Socio-Political Lexical Units In Russian Mass Media: An Approach To Its Study.....	72
Лоханов В.С. Статья с точки зрения коммуникативного и когнитивного подходов к изучению грамматики	76
Малышева Т.С. Формирование социальной компетенции студентов-филологов на занятиях по иностранному языку	80
Мамонова Н.В. Дискурсивные практики сетевых медиа сообществ	86
Рогова М.Ю., Сорокина Э.А. «Язык для специальных целей» как предмет исследования: основные проблемные вопросы	89
Ростовцева С.А., Таскаева А.В. Формирование лингвокультурного типажа ВРАЧ-ХИРУРГ в национальном сознании: постановка проблемы	95
Рулевская Е.С. Вопрос о терминах-эпонимах как переводческая проблема на материале терминологии водного транспорта)	100
Суюнбаева А.Ж., Сарсенбаева А.Е. Русский язык в роли средства профессиональной коммуникации (на примере сферы авиации в РК)	105
Фатуева Ю.Н., Максимова Т.Г. Неологизмы в современном английском языке.....	109
Шелкова И.А. Глаголы ЖАТИ ¹⁻² и их омонимичные производные в русском языке XI–XVII вв.....	115
Шидловская Д.Ю. Образы кругового движения в английской фразеологической картине мира	122
Шутёмова Н.В. Хронологический принцип реализации категории оценки в англоязычном энциклопедическом дискурсе об изобразительном искусстве России XX века.....	127
Авторы	132

РОМАНТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В РОМАНЕ ДЖ. КУТЗЕЕ «БЕСЧЕСТИЕ»

С.Н. Аверкина (Нижний Новгород)

*Нижегородский государственный лингвистический университет
averkina.svetlanalunn@mail.ru*

Н.В. Морженкова (Москва)

*Российский государственный гуманитарный университет
natalia.morzhenkova@gmail.com*

Аннотация: Статья посвящена творчеству лауреата Нобелевской премии, афроамериканскому писателю Дж. Кутзее. В статье отмечается отнесенность данного автора к, так называемым, homo postmodernicus, существующим на разломе разнонаправленных культурно-идеологических парадигм. Анализируются структура, жанровые доминанты и мотивный рисунок романа «Бесчестье». Доказывается, что данный текст является художественной рефлексией над постколониальной рецепцией романтизма, а главный герой романа отходит от идеи романтической исключительности, переходя к надындивидуальной архаике.

Ключевые слова: дискурс, романтизм, постколониальная литература, лейт-мотив, рецепция.

Удостоенный Букеровской премией роман «Бесчестье» (Disgrace, 1999) южноафриканского писателя, лауреата Нобелевской премии 2003 года, Дж. Кутзее с его ключевыми темами расового и гендерного неравенства, общего пессимизма эпохи пост-апартеида, давно прочно вошел в канон постколониальной литературы. Разговор об этом многоплановом в проблемно-тематическом и художественном аспектах романе можно вести в самых разнообразных направлениях. Можно рассмотреть его как постколониальную модификацию жанра университетского романа, и как разновидность южноафриканского фермерского романа, и как социальный роман, и даже как антироман становления. Главный герой романа, Дэвид Лури, белый 52 летний университетский преподаватель литературы из Кейптауна, вовлекший в интимную связь свою чернокожую студентку, потерявший из-за этого место в университете и вынужденный переселиться на ферму к своей дочери, является типичным homo postmodernicus, существующим на разломе разнонаправленных культурно-идеологических парадигм [Head, 2009, с. 1–2].

Но роман можно рассмотреть и как художественную рефлексию над постколониальной рецепцией романтизма [Изер, 2004]. Многочислен-

ные романтические подтексты обусловлены уже тем, что главный герой специализируется именно на литературе романтизма. Дэвид превращает Байрона и Вордсворта в своеобразные камертоны, с которыми он сверяет свой собственный строй жизни, становясь заложником идеи свободной суверенной личности [Wagon Lord, 1973]. Следуя своей романтической матрице, он даже наперед знает, как будет чувствовать себя в незнакомой ситуации. А будет он себя чувствовать, конечно же, как романтический герой. Пытаясь практиковать романтическую свободу, сделав ее принципом своего жизнеустройства, Дэвид по сути выпадает из жизни, утрачивая контакт с реальностью [Goetzee, 1995].

Он ведет себя так, как будто бы он свободен от хода времени и возрастных изменений, игнорируя новые задачи и требования, которые возникают в профессиональном пространстве. Парадокс заключается в том, что, пытаясь воплотить романтический идеал свободной от всяких социальных условностей жизни Дэвид утрачивает какой-либо контроль над событиями, а его жизнь превращается в пародийную версию байронических любовных походов и тихого сельского уединения а-ля Вордсворт после переезда на ферму дочери. Переключка этого хронотопа фермы с природным локусом поэзии Вордсворта очевидна. Очень показательно здесь и имя дочери Дэвида – Люси. Вспомним, что героиня цикла стихов Вордсворта Люси Грей, прекрасная девушка, живущая на лоне природы и растворяющаяся в этом мире через смерть. Именуя дочь Люси, Дэвид как бы назначает ее на роль эфемерной романтической героини. Встретившись с дочерью после долгой разлуки, он отмечает черты, отличающие ее от этого образа – крепкое тело, привыкшее к физическому труду на земле, сноровка в практических делах фермерской жизни [Goetzee, 1999].

Очевидно, что все эти многочисленные романтические аллюзии указывают на природу образа Дэвида Лури как на постколониальную пародийную версию романтического героя. Уже в самом начале романа герой представлен как конструирующий свою идентичность именно на фоне элитарной культуры европейского романтизма через знакомые ему романтические клише. Он очень серьезно относится к эротическим наслаждениям и изо всех сил (несмотря на свой возраст) пытается соответствовать амплуа Дон Жуана, циничного искусителя, бросающего вызов общепринятой морали и самому Богу. При этом эротизация Дэвида своей жизни идет скорее от ума, чем от чувственных желаний. Это такая интеллектуально выпестованная чувственность [Залесова-Докторова, 2004].

В самом тексте есть прямая отсылка к этому произведению Байрона, отрывок из которого Дэвид задает своим студентам. Вспомним, что донжуановский сюжет был очень востребованным в романтической литературе 19 века. Именно для романтической трактовки донжуановского мифа типичен мотив рокового увлечения Дон Жуана (Донна Анна у Пушкина, в испанской драме Хосе Соррильи «Дон Хуан Тенорио» – донья Инес). В результате этой роковой встречи искусное дьявольское оболъщение начинает переходить в истинное чувство, ранее неизвестное Дон Жуану, что и ведет к его гибели. По аналогичному сценарию развивается и история Дэвида, которая является своеобразным пародийным перифразом донжуановского сюжета. Увлечение самого дон Жуан инспирируется случайным спором. Связь Дэвида с Меланией начинается со случайной встречи во вне аудитории. Дон Жуан гибнет в результате этого увлечения, начавшегося как обычная любовная интрижка. Символически гибнет и Дэвид в результате его связи с Меланией. Именно угадываемость донжуановского сюжета в его романтической трактовке в романе Кутзее делает образ Дэвида пародийным.

Проводя параллели истории Дэвида с донжуановским сюжетом, прежде всего, стоит отметить, что всё же Дэвид незадачливый Дон Жуан; несмотря на все его стратегии и академическое красноречие (донжуановская черта), ему не удается зажечь огонь страсти ни в Сарайе, ни в Мелани. Дэвид заложник этой роли. Играя в Дон Жуана, он ждет от своих любовниц поклонения, отказываясь замечать их истинное отношение к нему. В самом начале романа Дэвид саморепрезентует себя в демонических тонах, говоря о том, что, если бы у него было тотемное животное, это была бы змея. Но все же истинным искусителем он не является. Он не столько искушает и хитро оболъщает, сколько использует свой статус преподавателя.

Очевидно, что Дэвид, принимая романтическую установку творчества как девиз к действию и объявляя этические требования современного общества продуктом приземленного мировоззрения, утрачивает всякую свободу и превращает свою жизнь в заезженный сюжет, дурную стилизацию. Не случайно в тексте романа звучит эпитет «донкихотский». Так коллега называет горделивое нежелание Дэвида тихо извиниться и замазать скандал во время университетского разбирательства. Кстати, именно романтики заговорили в свое время о том, что Дон Кихота нельзя сводить к чистой пародийности, и расширили понимание этого образа до символического борца против пошлости и обыденности. Действительно, сама структура образа Дэвида отсылает к специфике

сознания Дон Кихота, который относится к рыцарским романам как к самой подлинной жизни, не замечая прозу реальности. Претензия Дэвида на надмирность и его нежелание нисходить до окружающей его жизни легко угадываются коллегами как игра в идеализм. Известно, что смысл высказывания во многом определяется контекстом, в котором оно воспринимается. Именно в современном южноафриканском контекст с его жёсткими проблемами и поиском нового языка и новых коммуникативных механизмов высказывания Дэвида звучат дурновкусно, нелепо, комично [Моссман, 1990].

Но нелепо в своей высокопарности звучит не только «возвышенное» обоснование Дэвида своих неблагоприятных поступков в терминах романтической необузданной страсти. Сомнительна и его академическая риторика. Читая лекции о романтизме, Дэвид звучит высоколобо, но при этом весьма анахронично. Он оказывается точкой пересечения старой колониальной идеологии, традиционного взгляда на европейскую культуру и нового постколониального запроса на иные режимы чтения и способы говорения о литературе в изменившемся социо-историческом контексте. Он не видит, что ценность транслируемых им фактов очень сомнительна в этой новой аудитории, не способен прочертить какие-то живые связи между тем, что было там и тогда и происходит здесь и сейчас. Складывается впечатление, что он словно не в курсе смены академической парадигмы. Вспомним, что, начиная с 1980-х гг., многие исследователи отходят от традиционного понимания романтизма как эстетического и литературного течения, внутри которого формируется романтический канон, и начинают обсуждать романтизм в свете идеологической, политической, классовой, расовой, гендерной проблематики. В этот период осмысления романтизма как идеологического явления большое число работ начинает фокусироваться на конкретных исторических условиях и культурных контекстах, в рамках которых происходило формирование романтической идеологии. В поле исследовательского внимания часто попадают тексты, которые ранее не включались в романтический канон. Но все эти изменения и новые способы говорения о романтизме проходят мимо «уединенного» сознания Дэвида, совершенно неспособного к коммуникации с миром. Кстати, само использование героем романтического слова с целью обольстить и показать свое интеллектуальное превосходство раскрывает манипулятивный потенциал романтического дискурса, который в терминах Фуко можно определить как дискурс власти. Примечательно, что его труды о романтизме не вызвали в профессиональной среде особого. Его взгляд на литературу

очень статичен. Он не понимает и не принимает, что литература – это прежде всего коммуникация, обмен, а не хранилище зафиксированных смыслов. Как преподаватель литературы он не видит, что в современном литературоведении в рамках рецептивной эстетики давно произошел поворот от автора к читателю, и что вопрос о читательском опыте интерпретации текста превратился в не менее актуальный, чем вопрос об интенциях автора. Дэвид очень боится тривиальности, но на деле в силу своей ригидной монологичности он оказывается посредственным обольстителем, ретроградным ученым, скучным преподавателем и сомнительным писателем.

Объектом пародии в романе оказывается не только сам герой, утративший связь с окружающей его южноафриканской реальностью и пытающийся противопоставить этому неевропейскому миру систему ценностей европейского романтизма, но и сам романтический дискурс, и традиционные академические способы говорения о нём. В культурно-историческом контексте современной ЮАР эпохи постапартеида традиционная романтическая риторика звучит как нагруженный отрицательными коннотациями господства белых и расового превосходства. Поиск новых способов говорения о литературе колониального периода в пост колониальную эпоху подразумевает осознание определённого социокультурного вызова. Не случайно комментируя стихи Вордсворта, Дэвид останавливается на слове *usurp*, спрашивая студентов, знают ли они значение этого слова [Wordsworth, 1995]. Он поясняет, что здесь поэт пишет о том, что чувственно воспринимаемый зрительный образ узурпирует чистую мысль, порожденную воображением. Очевидно, что дело не в интеллектуальной пассивности студентов, равнодушно смотрящих на Дэвида, а в неспособности самого лектора рассуждать о литературе 19 века, избегая клишированных теоретических ходов и образов. Безучастие студентов заставляет Дэвида искать понятные для них аналогии, и он приводит в качестве примера чувства влюбленного, которому его избранница всегда видится сквозь преобразующую вуаль в своей архетипической роли. Но в этот момент его задача – скорее произвести эффект на Мелани, которая сидит среди других студентов. Дэвид сам признается себе, что ничего такого у Вордсворта нет, но его личная заинтересованность в Мелани заставляет его пытаться хоть как-то достучаться до своих слушателей. Это объяснение многое проясняет в романтической слепоте героя, который под этим чарующим поэтическим покровом не замечает неромантические составляющие своей страсти, в результате чего слу-

жение Эросу превращается фактически в изнасилование, а прекрасная юная возлюбленная в обвинительницу.

Но если Дэвид отгораживается от жизни посредством романтических масок и клише, то сама жизнь вовлекает его в свой круговорот. Вовлекает грубо, через насилие и боль, не оставляя ему никаких шансов укрыться в эстетизации и интеллектуализации происходящего. Трое местных чернокожих обманом проникают в дом дочери Дэвида, грабят ферму, убивают собак, насиляют Люси, избивают и поджигают самого Дэвида. Это очень жестокая постмодернистская пародия на романтический хронотоп идиллической жизни на лоне природы. Люси воспринимает эту трагедию как неизбежную дань, которые должны заплатить белые в процессе деколонизации. Она идет не европейским путем, считая, что в этом нападении нельзя рассматривать саму себя и своих насильников как индивидуальных субъектов, нельзя видеть в нем личную драму. Если она хочет оставаться на этой земле, она должна отказаться от своей европейской идентичности и слиться с африканским ландшафтом, стать его частью. Она рождает ребенка, зачатого в насилии, и выходит замуж за чернокожего соседа, понимая, что его основная цель носит чисто практический характер – присоединить ее землю к своему клану. При этом Люси отказывается видеть в этом какое-либо личное поражение или трагедию. Действительно, такая трактовка событий возможна лишь в контексте западной культуры индивидуализма. В контексте же коллективистской неиндивидуалистской африканской матрицы в решение Люси нет ничего необычного. Растворяясь в африканском ландшафте, становясь частью этой земли, она словно на постколониальный манер проживает магистральный романтический сюжет растворения в природе.

В символическом плане нападение и изнасилование выступают моментом инициации, пройдя через которую Люси «умирает» в своем старом статусе носителя европейской культуры, чтобы возродиться в статусе новом, став частью южноафриканского черного коллективизма. События жизни Люси действительно четко вписываются в традиционную трех частную модель ритуала инициации. Первая фаза – отделение от предыдущего социального сословия (Люси отправляется с друзьями хиппи на ферму, где они намереваются образовать коммуну), вторая фаза – переходный период, когда индивид находится между социальными состояниями и не принадлежит никакой группе (период, когда Люси живет на ферме одна), третья фаза – фаза реинтеграции, когда индивид оказывается в новой социальной ро-

ли (жизнь Люси после рождения ребенка в качестве полноправного члена черного клана).

По схожему сценарию от романтической исключительности к надындивидуальной архаике трансформируется и сам Дэвид. Он поселяется во дворе захолустной ветлечебницы, где работает его чернокожая знакомая. Его логово напоминает бочку древнегреческого киника Диогена. Теперь его работы – сжигать трупы усыпленных собак. Если в начале романа он именуется служителем бога Эроса, то в конце он превращается в «собачьего человека» (dog-man). Акцентируемая фонетической игрой в словах god и dog, символическая инверсия от бога к собаке маркирует движение вниз от рафинированного сознания обособленного индивида в глубины архаичного мифологического сознания. Но это и путь от романтического цинизма, проистекающего из идей личностной исключительности романтического ирониста, к архаичному кинизму (цинизму) собакоподобного Диогена.

Литература

1. Залесова-Докторова Л. Мир Джозефа Максвелла Кутзее // «Звезда». № 3. М., 2004.
2. Изер В. Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория. Антология / Сост. И.В. Кабанова. М., 2004.
3. Моссман Р. Южноафриканская литература: глобальный урок в одной стране // Английский журнал. № 79 (8). М. 1990.
4. Coetzee J.M. Disgrace. London: Secker & Warburg. 1999.
5. Head D. The Cambridge Introduction to J.M. Coetzee. Cambridge: Cambridge University Press. 2009.
6. Byron Lord G.G. Don Juan. London: Penguin Books, UK Paperback. 1973.
7. Wordsworth W. Lyrical Ballads. New York: Routledge. 1991.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ДЛЯ УСИЛЕНИЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ В ТЕКСТЕ ГАЗЕТ

М.У.Х. Аль-Кадим (Багдад)

Южно-Уральский государственный университет

moh.rossy@yahoo.com

Аннотация: Статья посвящена изучению роли прецедентных феноменов в текстах арабских газет. В статье раскрывается понятие прецедентного высказывания; исследуется лингвокультурное значение прецедентных высказываний;

проанализированы результаты эксперимента, в ходе которого методом экспертной оценки были выявлены фольклорные прецедентные высказывания, наиболее важные в арабской культуре, наиболее актуальные для современных носителей арабского языка, показана их роль в газетных текстах.

Ключевые слова: прецедентные феномен, прецедентное высказывание, арабская культура.

Прецедентные высказывания являются важнейшим объектом исследования в лингвокультурологии, поскольку они указывают на интеллектуальные, эмоционально-оценочные и ценностные особенности мировидения народа, поставляя модели, структурирующие поведение представителей лингвокультурного сообщества. Прецедентные высказывания как продукт речевой деятельности «хранятся» в сознании, частотно воспроизводятся в дискурсе и указывают на ценностно-смысловые центры культуры, а также на способ трансляции этнокультурных ценностей.

Ю.Н. Караулов, исследуя прецедентные тексты, рассматривает прецедентные высказывания как средство введения прецедентных текстов в дискурс языковой личности. По его мнению, прецедентные тексты функционируют в дискурсе главным образом в свернутом, сжатом виде (пересказ, фрагмент или намек). Актуализация прецедентных текстов происходит при восприятии названия произведения, цитаты из него, имени персонажа или имени автора. Высказывание в дискурсе может носить характер формулы, правила или может естественным образом продолжать и развивать течение оригинального дискурса. Главная роль высказывания состоит в облегчении способа аргументации [Караулов, 1987, с. 230].

Большинство исследователей полагает, что прецедентные высказывания определяются как единицы, полученные в результате текстовой редукции. Ученые утверждают, что за прецедентным высказыванием всегда стоит прецедентный текст или прецедентная ситуация, играющие важную роль в формировании смысла высказывания. Прецедентное высказывание служит удобной формой свертывания и хранения прецедентных текстов и ситуаций [Костомаров, Бурвилова, 1994, с. 73–76]. К числу прецедентных высказываний ученые относят цитаты (фрагмент текста, название произведения), пословицы. Некоторые крылатые выражения, литературные цитаты, пословицы и поговорки неоднократно воспроизводятся в дискурсе и хорошо знакомы любому члену лингвокультурного сообщества, что позволяет отнести их к прецедентным высказываниям.

В данной статье мы рассматриваем прецедентное высказывание как фразу, известную носителям какого-либо национального языка и используемую для характеристики реальной ситуации. Прецедентное высказывание часто связано с прецедентным текстом или прецедентной именем.

Нами проведено исследование, в ходе которого методом экспертной оценки были выявлены прецедентные высказывания, наиболее важные в арабской культуре, известные всем ее носителям. В результате был выявлен список прецедентных высказывания арабской культуры, наиболее актуальных для современных носителей арабского языка: 40 прецедентных высказываний, наиболее частотные из которых представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Прецедентные высказывания в арабской культуре

Номер	Имя	Частотность
1.	Рай под ногами матерей (الجنة تحت اقدام الأمهات)	14
2.	Кто научил меня букву, дал мне раба (من علمني حرفا ملكني عبدا)	13
3.	Господь брат не родил тебе твою мать (رب اخا لم تلده لك امك)	11
4.	Терпение - ключ к облегчению (الصبر مفتاح الفرج)	8
5.	Хорошая краткость имеет смысл (خير الكلام ما قل ودل)	7
6.	Держись за веревку к Аллаху всем (واعتصموا بحبل الله جميعا ولا تفرقوا)	6
7.	Халима вернулась к своей безжизненной привычке (عادت حليلة لعاداتها القديمة)	6
8.	Подстрекательство жестче убийства (الفتنه اشد من القتل)	5
9.	Просите знания от колыбели до могилы (اطلب العلم من المهد الى اللحد)	5
10.	Гвоздь Джуха (مسمار جحا)	5
11.	Не откладывайте сегодняшнюю работу на завтра (لا تؤجل عمل اليوم الى الغد)	4
12.	Не толстей и не пой от голода (لا تسمن ولا تغني من جوع)	4
13.	Если слово - серебро, то молчание - золото (اذا كان الكلام من ذهب فضة فالسكوت من ذهب)	4
14.	Рубашка Османа (قميص عثمان)	4
15.	Наука – свет и тьма – невежество (العلم نور والجهل ظلام)	4

16.	Господи, объясни мне мою грудь (ربي اشرح لي صدري)	3
17.	Если бы бедность была человеком, я бы его убил (لو كان الفقر رجلا لقتلته)	3
18.	Обучение в детстве похоже на гравировку на камне (التعلم في الصغر كالنقش على الحجر)	3
19.	Люби для себя то, что любишь для своего брата (حب لاختيك ماتحب لنفسك)	2
20.	Лучшие люди помогают людям (خير الناس من نفع الناس)	2
21.	Лучший друг времени - это книга (خير رفيق في الزمان الكتاب)	2
22.	Друзья познаются в беде (الصديق وقت الضيق)	2
23.	Один день для вас и один день против вас (يوما لك ويوم عليك)	2
24.	Скажи, о мой Господь, увеличь мои знания(قل ربي زدني علما)	2
25.	Дайте работнику плату, пока его пот не высохнет (اعطي الاجير اجره)	2
26.	У Джухайны достоверные новости (عند جهينه الخبر اليقين)	2
27.	Ищи знания, если был в Китае (اطلب العلم لو كان في الصين)	1
28.	Верните секретариат его людям (رد الأمانة الى أهلها)	1
29.	прощения в время способности (العفو عند المقدرة)	1
30.	Мудрость - это страх перед Богом (راس الحكمة مخافة الله)	1
31.	Время похоже на меч, если вы его не режете, оно вас порежет (الوقت كالسيف ان لم تقطعه قطعك)	1
32.	Кто изучает язык другого народа, спасается от их зла (من تعلم لغة قوما امن شرهم)	1
33.	На один день старшего чем тебе, он понимает больше тебя (اكبر منك بيوم افهم منك بسنه)	1
34.	Аллах прощающий, милосердный(الله غفور رحيم)	1
35.	Мы все от Адама, а Адам из праха (كلنا من ادم وادم من تراب)	1
36.	Тратьте то, что есть в кармане, получите в будущем (اصرف ما في الجيب ياتيكم ما في الغيب)	1
37.	Поддержите своего брата, если он был справедливым или несправедливым (انصر اخاك ظلما او مظلوما)	1
38.	Ни один человек, несущий бремя, не может нести чужую ношу (لا تزر وازرة اخرى)	1
39.	Невинность волка в крови сына Иакова (براءة الذئب من دم ابن يعقوب)	1
40.	У меня нет ни элегантности, ни верблюда (لا ناقة ولا جمل)	1

Рассмотрим историю некоторых из этих прецедентных высказываний.

Гвоздь Джуха – это одна из самых известных историй в фольклоре арабской культуры. В этой истории рассказывается о человеке по имени Джуха, который хотел продать свой дом и поставил условие, что этот человек продает дом, за исключением гвоздя, висящего на стене комнаты, и он имеет право прийти посмотреть на гвоздь, когда захочет. Покупатель согласился, думая, что это несущественное условие, но он был удивлен присутствием Джухи каждое утро и вечер, который приходил, чтобы проверить свой гвоздь. Мужчина каждый раз был вынужден приглашать Джуху к столу, поэтому он решил покинуть дом и убежать, бросив все, что у него было. С тех пор люди начали использовать эту поговорку и называть ею человека, который хочет достичь своих целей, используя надуманные предлоги для достижения своей цели. Джуха – одна из самых известных исторических и полемических фигур, в то же время упоминаемая в популярных рассказах в арабской культуре.

Если слово – серебро, то молчание – золото. Происхождение этой поговорки связано с историей старика, который страдает от одиночества и уже давно ни с кем не разговаривает. Однажды он задумался, как избавиться от одиночества и скуки такой жизни. Этот человек нанял человека, чтобы тот рассказывал ему истории и рассказы за плату. Сказочник начал ежедневно рассказывать старику истории и сказки с первого дня, не останавливаясь. Он рассказывал ему много интересных историй с утра и до вечера, пока старик не устал и тогда человек заплатил сказочнику деньги по уговору. Старик был щедр со сказочником, что заставило сказочника прийти рано утром и уйти вечером, рассказав много сказок без остановки. Это продолжалось несколько дней, и старику надоели сказки, а сказитель все говорил и говорил. Тогда старик попросил сказочника молчать, пообещав, что он даст ему больше денег чем он давал ему в обмен на разговоры. Мужчина молчал, не говоря ни слова до вечера. Действительно, старик дал сказочнику больше денег в обмен на его молчание. Итак, этот человек посмотрел на деньги, которые он заработал в обмен на свое молчание во время выступления, и это было намного больше, чем деньги, которые он заработал, когда он говорил.

Рассмотрим, как функционируют эти прецедентные высказывания в тексте арабских газет. В ежедневной газете Аль-Заман в статье «Абдул

Халек Аль-Шахер» «Ирак..Иран..Афганистан» употребляется прецедентное высказывание (Гвоздь Джуха) مسمار جحا

ننتقل الى الاكتشاف الخطير الثاني وهو ان التجربة ستتكرر في العراق وكان الموضوع قصة كفضة (السعولة) تكررنا علينا امهاتنا لكي ننام قبل اشتداد الظلمة عندما كنا صغارا .. امريكا بقت في افغانستان 21 عاما وقتلت بن لادن ومنعت تهديد طالبان لها خلال تلك المدة ، وقتت في مقال لي قبل اشهر ان انسحابها سيكون لتهيئ لصراعها المقبل مع التهديد الاكبر الذي هو الصين تأتي بعدها التهديدات الاخرى ومنها ايران التي تسبق روسيا بحجم التهديد ونوعه ، وهي رغم انها اخطأت كثيرا إلا ان اخطائها علمتها ان المصدر الحقيقي لتهديدات ايران لمصالحها يكمن في عراق قوي متوازن قادر على النأي بنفسه عن الصراعات الدولية والاقليمية ، وهذا ما لم يترسخ لحد الآن عمليا ، وستعمل الولايات المتحدة على عدم تركه بالطريقة التي تركت فيها افغانستان الا اذا ارادت ترك مصالحها في الشرق الاوسط برتمته ، وأن تركته ستتترك مسمار جحا وتضع خطة العودة .

Мы обращаемся к опасному открытию, заключающемуся в том, что этот опыт будет повторяться в Ираке, как если бы речь шла о истории, подобной истории о злой ведьме, которую повторяли наши матери, чтобы мы могли заснуть до того, как темнота сгустится... Америка оставалась в Афганистане в течение 21 года и убила Бен Ладена и предотвратила угрозу талибов в течение этого периода, и я сказал в статье для меня несколько месяцев назад сказал, что ее уход будет означать подготовку к следующему конфликту с самой большой угрозой. Это Китай, за которым следуют другие угрозы, в том числе Иран, который опережает Россию по размеру и типу угрозы. Хотя он совершил много ошибок, его ошибки научили его тому, что реальный источник угроз Ирана его интересам кроется в сильном, сбалансированном и дееспособном Ираке. Дистанцироваться от международных и региональных конфликтов, а это то, что еще практически не закрепилось, и США будут работать над тем, чтобы не оставить его таким, каким они оставили Афганистан, если только не захотят оставить свои интересы на Ближнем Востоке в целом, и что, покинув его, Джуха оставит гвоздь и разрабатывает план возвращения.

В этом фрагмента употребление прецедентного высказывания в конце статьи в сильной позиции текста, является наиболее сильным аргументом, поскольку образно, эмоционально и емко передает идею автора о сложившейся политической обстановке.

Другим примером роли прецедентных высказываний в газетном тексте может служить использование прецедентного высказывания *Если слово серебро, то молчание – золото*. Например, в популярной иракской газете «صباح جديد» («Новое утро») в статье «Суха Аль-Шейхли» «политический хаос» автор пишет:

فماذا يعني الكتلة الاكبر ، والكل يتذكر ان النائب اباد علاوي كان قبل اربع سنوات يشكل الكتلة الاكبر ف" المفهوم السياسي الى ان جرى اقصاؤه بلعبة لا اريد التطرق الى خيوطها التي يعرفها كل فرد من افراد هذا الوطن المنكوب ، واليوم يصمت نواب البرلمان في انتظار ما سينتج من تشكيلة الحكومة لكي يتم تقاسم السلطات ، وسينالون مكانات متميزة جراء هذا السكوت على قاعدة (اذا كان الكلام من فضة فالسكوت من ذهب) ، وفوق هذا وذاك يتلقى المواطن التهديدات المباشرة من فتح باب جهنم .

Так что же означает самый большой блок, и все помнят, что представитель Ияд Аллави четыре года назад был самым большим блоком в политической концепции, пока он не был устранен игрой, я не хочу касаться нитей, которые знает каждый член этой страны, а сегодня парламентарии молчат ожидая что получится в результате формирования правительства, для того чтобы разделить полномочия, и они получают высокие посты в результате этого молчания на основе [принципа] если слово серебро, то молчание золото.

В этом фрагменте прецедентное высказывание также употреблено в сильной позиции текста, в конце абзаца, что показывает восприятие автором статьи этой единицы как средства, обладающего большим воздействием потенциалом.

Литература

1. Костомаров В.Г. Как тексты становятся прецедентными / В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова // Русский язык за рубежом. 1994. №1. С. 73–76.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

АНГЛИЙСКИЕ ЛЕКСЕМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПОСТУПКА И СВЯЗАННЫЕ С НИМИ ОЦЕНКИ

Л.А. Бушуева (Нижний Новгород)

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
sebeleva@yandex.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются английские лексемы со значением поступка с точки зрения оценки. Наиболее значимой характеристикой любого поступка является оценка. Именно оценка позволяет провести грань между простым действием и поступком. Представлена классификация английской лексики со значением поступка с точки зрения оценочного признака.

Ключевые слова: поступок, действие, оценка, классификация.

Поступок как важнейшая составляющая поведения является предметом специального изучения различных наук. Поступок в нашем понимании – это целенаправленное действие человека, вызывающее определенную реакцию со стороны окружающих и получающее их оценку (см. подробнее [Бушуева, 2019]). Оценка – квалификация действительности относительно определенного стандарта по признаку «хорошо / плохо» [Карасик, 2013, с. 16]. Оценивается то, что важно (физически и духовно) человеку и человечеству. Хорошее значит соответствующее идеализированной модели макро- или микромира, сознаваемой как цель бытия человека, а, следовательно, и его деятельности: плохое значит не соответствующее этой модели по одному из присущих ей параметров [Артунова, 1994, с. 105].

В английском языке поступки обозначаются именами существительными (*exploit, betrayal, barbarity*) и глаголами (*to betray, to prank*). Основным отличием лексемы со значением поступка от лексемы со значением действия является то, что первое обязательно содержит в себе оценку совершаемого. Ср.: «to run – when you run, you make your way quickly on foot, leaving the ground during each stride» [Collins, 1996, с. 561] – действие; «to betray – if someone you trust betrays you, they do something disloyal» [Collins, 1996, с. 60] – поступок. Оценка, в том числе и моральная, составляет главное содержание существительного и глагола со значением поступка. Моральной оценке подлежат не действия сами по себе, а только поведение человека и поступки, как его составляющие.

Люди оценивают поступки с разных точек зрения. Аксиологические значения представлены в языке двумя основными типами: общеоценочным и частнооценочным. Первый тип реализуется прилагательными хороший (good) и плохой (bad), а также их синонимами с разными стилистическими и экспрессивными оттенками. Во вторую группу входят значения, дающие оценку одному из аспектов объекта с определенной точки зрения.

Частнооценочные значения могут быть разделены на следующие категории:

1. сенсорно-вкусовые, или гедонистические оценки (*приятный – неприятный, вкусный – невкусный, привлекательный – непривлекательный, delicious – disgusting, attractive – unattractive*) – это наиболее индивидуализированный вид оценки;

2. психологические оценки, в которых сделан шаг в сторону рационализации, осмысления мотивов оценки:

а) интеллектуальные оценки (*интересный, увлекательный, захватывающий, глубокий, interesting, exciting, captivating, thought-provoking*),

б) эмоциональные оценки (*радостный – печальный, веселый – грустный, желанный – нежеланный, joyful – sad*),

3. эстетические оценки, вытекающие из синтеза сенсорно-вкусовых и психологических оценок (*красивый – некрасивый, прекрасный – безобразный, уродливый, beautiful – ugly, hideous*);

4. этические оценки (*моральный – аморальный, нравственный – безнравственный, добрый – злой, добродетельный – порочный, morally wrong, immoral, virtuous*);

5. утилитарные оценки (*полезный – вредный, благоприятный – неблагоприятный, favourable, inauspicious*);

6. нормативные оценки (*правильный – неправильный, корректный – некорректный, нормальный – аномальный, right – false, normal – anomalous*);

7. телеологические оценки (*эффективный – неэффективный, целесообразный – нецелесообразный, effective – ineffective*) [фон Вригт, 1986].

Следуя классификации, разработанной Г.Х. фон Вригтом, поступки можно оценить с этической точки зрения (*моральный поступок, безнравственный поступок, morally wrong deed, evil deed*) и нормативной точки зрения (*правильный поступок, рациональный поступок, irrational act, wrongful act*). Этические оценки связаны с удовлетворением нравственного чувства, которое составляет одну из основных частей духовного начала человека. Это еще раз подчеркивает моральную сторону поступка: поступок – это не просто разумное, целенаправленное действие человека, это действие, оцениваемое обществом с различных точек зрения и главным образом с точки зрения моральной.

Оценка поступка не может быть только нравственной, ее границы охватывают также социально-психологические и правовые аспекты. В социально-психологическом плане оценка – определение значимости (положительной или отрицательной) для личности данных действий и других составляющих поступка. Подобные оценки закрепляются в ценностных установках и ориентациях личности. Наиболее сложны оценки в нравственных границах поступка и зависят от субъекта оценки и нравственного самосознания личности. Оценка в правовых границах может быть: а) в составе общества – реализуется в соответствии с нормами и традициями общества (правовыми, политическими, рели-

гиозными); б) в составе личности – ценностные установки и ориентации личности.

Поступок получает характеристику с точки зрения того, чем действие является для тех лиц или групп лиц, на кого оно направлено. В этике существует мнение, что моральная оценка – явление чисто социальное: оценить поступок – значить установить его ценность, полезность для общества. При этом оценка людей состоит из двух ступеней: эмоциональной и логической.

Нами разработана классификация лексики со значением поступка в английском языке с точки зрения оценочного признака. В соответствии с данным признаком выделяются три основные группы: 1) лексемы, обозначающие положительно оцениваемые поступки; 2) лексемы, обозначающие отрицательно оцениваемые поступки; 3) лексемы, обозначающие амбивалентно оцениваемые поступки.

В группу единиц, выражающих положительную оценку, включены такие единицы, как *kindness, benevolence, beneficence, feat, heroism, exploit*. Положительная оценка обнаруживается в самих толкованиях данных единиц: «*feat – an impressive act or achievement*» [Collins, 1996, с. 237]; «*heroism – a courageous act in a dangerous situation*» [Там же. С. 301].

В группу лексем, выражающих отрицательную оценку, отнесены лексемы *folly, foolishness, lunacy, silliness, idiocy, absurdity, imprudence, stupidity, deception, deceit, trickery, cheat, ruse, intrigue, betrayal, treason, treachery, infidelity, perfidy, disloyalty, to deceive, to cheat, to trick, to betray*. Отрицательная оценка также прямо представлена в толкованиях таких лексем: «*lunacy – a stupid or dangerous act*» [Там же. С. 379]; «*folly – foolish behavior or act*» [Там же. С. 252].

Третья группа включает лексемы, которые могут получать положительную или отрицательную оценку в зависимости от ситуации: *mischief, prank, to prank, eccentricity, antic*. В толкованиях подобных единиц положительная или отрицательная оценка прямо не представлена: «*prank – childish trick*» [Там же. С. 491]; «*antics – funny, silly, or unusual things people do*» [Там же. С. 27]. В зависимости от определения, сочетающегося с лексемой, и контекста поступки, выраженные данными единицами, осознаются как положительные или отрицательные. Ср.: «*This was a stupid prank and probably cost a young man his life*» (Today, UK: South, 1985-1993); «*Fifteen-year-old Nicola Child was blasted with an air rifle in a cruel prank*» (The Daily Mirror, UK: South, 1985-1993); «*Some of our idle rich young fops think it funny to place such a corpse in the bed of*

*a friend, but there's no rumour of such an **evil prank** recently»* (The house of the red slayer, UK: South, 1985-1993); *«In any case, none of them had intended it, none of them had intended any of it, even at the beginning when they could intend and it had all been a **lovely prank**, a **wonderful wonderful prank**, **the best pranks** of all **pranks** (had it ever been a prank?) and nothing more»* (D. Bailey, The End of the End of Everything, 2015)

Таким образом, некоторые лексемы обозначают поступки, которые оцениваются всегда положительно или отрицательно, а некоторые единицы со значением поступка предполагают амбивалентную оценку.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт / Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1988. 341 с.
2. Wright G.H. von. The varieties of goodness / G.H. von Wright. L., 1963, 267 p.
3. Collins dictionary. Collins Plain English Dictionary / Collins. London.: Harper-Collins Publishers, 1996, 893 p.

РЕНОМИНАЦИЯ СОВЕТИЗМОВ ВО ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕВОДАХ РОМАНА М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Н.А. Воскресенская (*Нижний Новгород*)

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
voskresenskaya@unn.ru*

Аннотация: В статье дан сравнительно-сопоставительный анализ принципов перевода французскими исследователями советизмов в тексте романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Советизмы были рассмотрены с учетом их отнесенности к R-, C-, L-реалиям согласно классификации Н.А. Фененко. Были представлены основные модели реноминации советизмов.

Ключевые слова: Булгаков «Мастер и Маргарита», перевод, французский, советизмы, модели реноминации.

Важным процессом, происходившим в словарном составе русского языка в Советской России, был процесс появления реалий-советизмов. Термин «советизм» трактуется исследователями по-разному: «слова, называющие реалии, так или иначе обусловленные советской действительностью» [Ермакова, 2011, с. 6]; «слова, идиомы, пословицы, афо-

ризмы, перифразы, “крылатые слова”, отражающие реалии и идеологемы того времени» [Мокиенко, 1988, с. 2]; «лексические единицы, вошедшие в лексику русского языка в послереволюционный период, обозначающие реалии советского времени или вошедшие в лексику ранее существующие единицы, но изменившие свое значение или стилистическую окраску в послереволюционный период» [Тишулина, 2012, с. 66].

Передача национально-маркированной лексики при переводе текста на иностранный язык является необходимым условием адекватного восприятия исходного текста читателем текста переводного.

Текст М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» содержит большое количество советизмов, которые, несомненно, представили сложность при переводе романа на французский язык. Обратимся к двум французским переводам: переводу Клода Линьи 1968 года и переводу Франсуазы Фламан 2002 года.

При анализе советизмов в аспекте теории реноминации мы опираемся на концепцию, предложенную А.А. Кретовым и Н.А. Фененко [Кретов, 2011; Фененко, 2006, 2011], и различаем R-, C- и L- реалии, где R-реалии обозначают предметы объективной действительности, C-реалии – культурные концепты и L-реалии – средство номинации культурных концептов). Главная функция R-реалий – о называние культурно-специфичных объектов и явлений действительности. Эти реалии не передают скрытые смыслы, а могут лишь создать образ определённого предмета в художественном произведении. C-реалии, обозначающие их культурные эквиваленты (концепты) – ассоциативные реалии, которые в отличие от R-реалий могут транслировать скрытые смыслы. Такие реалии несут особую, содержательную и концептуальную информацию, которая способствует созданию общего концепта художественного текста. L-реалии расширяют словарь иностранного языка с помощью новых лексических единиц, заимствованных из языка оригинала.

На основе данной типологии реалий нами были определены основные модели реноминации при переводе советизмов в тексте романа.

Реноминация неосвоенной «чужой» R-реалии

«Чужая R-реалия > своя C-реалия + своя L-реалия»

Данная модель предполагает объяснение чужой реальной действительности через призму концептов языка-приемника и с помощью своих лексических средств: *ИТ*: «...был в ковбойке, жеваных белых брюках и в черных тапочках» [Булгаков, 1984, с. 4]; *ПТ*: «...portait une chemise de cow-boy, un pantalon blanc fripé et des espadrilles noires» [Ligny, 1968, p.

6]; *ИТ*: «...portait une chemise écossaise, un pantalon blanc fripé et **des espadrilles noires**» [Flamant, 1968, p. 43].

«Черные тапочки» в советское время были одним из характерных признаков типичного образа молодого интеллигента обычного происхождения в 1920-х годах [Гарбовский, 2004, с. 528]. Однако оба переводчика используют для объяснения чужой реалии свое привычное представление и слово *des espadrilles*, которое также может обозначать не только тапочки, но и сандалии на веревочном шнурке, завязывающемся на лодыжке.

«Чужая R-реалия > чужая C-реалия + своя L-реалия»

Эта модель представляет собой объяснение чужой реальной действительности посредством переноса чужого концепта, но с сохранением своей лексики: *ИТ*: «*A на тебя в особенности, гнида!*» [Булгаков, 1984, с. 50]; *ИТ*: «*Et contre toi particulièrement, œuf de pou!*» [Ligny, 1968, p. 57]; *ИТ*: «*Et contre toi spécialement, vermine!*» [Flamant, 1968, p. 136].

Слово *гнида* имеет два значения: 1) яйцо вши; 2) «гадкий, противный человек». В романе М.А. Булгаков использовал второе значение.

К. Линьши переводит слово *гнида* в его первом значении, а именно «яйцо вши», что может натолкнуть на мысли, что перевод не совсем верен. Однако используя прямое значение, переводчик показывает франкоязычному читателю, который не был знаком со вторым (оскорбительным) значением слова, что это самое второе значение существует. Таким образом, в концептосфере наблюдается сдвиг, «яйцо вши» приобретает дополнительное, ругательное значение.

В отличие от К. Линьши, Ф. Фламан наоборот применяет адаптацию и использует при переводе слово *vermine*, которое также имеет два значения, как и русско-советское слово *гнида*: 1) насекомое, паразит; 2) вредитель, неприятный человек. Хотя французская лексема эквивалентна советской лексеме, в этом случае никакой деформации значения в голове франкоязычного читателя не наблюдается.

«Чужая R-реалия > чужая C-реалия + чужая L-реалия»

Модель реноминации, при которой чужая реальная действительность объясняется переносом чужого концепта на язык-приемник с заимствованием языкового выражения данной R-реалии в языке-источнике. Ср.: *ИТ*: «...председатель правления одной из крупнейших московских литературных ассоциаций, сокращенно именуемой **МАС-СОЛИТ**...» [Булгаков, 1984, с. 4]; *ИТ*: «*rédacteur en chef d'une épaisse revue littéraire et président de l'une des plus considérables associations*

littéraires de Moscou, appelée en abrégé Massolit » [Ligny, 1968, p. 6] ; ИТ: «une des associations de gens de lettres les plus importantes de Moscou, dénommée en abrégé le Massolit» [Flamant, 1968, p. 43].

В советское время до создания Союза писателей СССР существовало несколько достаточно крупных писательских ассоциаций для творческого взаимодействия. Вместе с этим в советском государстве стали широко использоваться аббревиатуры, отражающие характер новой власти. Ко всему прочему, МАССОЛИТ первоначально была создана как Московская ассоциация литераторов, однако при виде данной аббревиатуры на ум возникает сокращение «массовая литература», которую писали участники этой ассоциации. Здесь очевидна сатира М.А. Булгакова, когда аббревиатура искажает исходное значение. Примечательно также то, что аббревиатура написана заглавными буквами, что подчеркивает преобладание массовой литературы над настоящей.

В тексте обоих переводов использована оригинальная аббревиатура Massolit, т. е. чужая L-реалия посредством транслитерации, кроме того и в ИТ, и в ПТ дано объяснение аббревиатуры. Однако сатира М.Б. Булгакова по поводу «массовой литературы» не находит своего проявления во французских переводах.

Реноминация освоенной «чужой» R-реалии

«Освоенная чужая R-реалия > чужая C-реалия + своя L-реалия»

Использование данной модели предполагает появление нового значения в концептосфере языка-приемника, но сохранение своей лексики либо ее видоизменение путем составления из существующих в языке-приемнике способов словоизменения и словообразования. ИТ: «*sреди интеллигентов*» [Булгаков, 1984, с. 67]; ПТ: « *parmi les intellectuels*» [Ligny, 1968, p. 77].

Интеллигенты – люди «новой интеллигенции», те, кто был занят умственным, интеллектуальным трудом, однако по сравнению со «старой интеллигенцией» не имела общественно-политического влияния. Также это были люди образованные.

Слово *intelligentsia* пришло во французский язык как заимствование из русского языка, обозначающее социальный класс, имеющий отношение к культуре. К. Линьи использует слово *intellectuel*, что значит ‘умный’ и ‘относится к интеллекту’, однако не имеет никакого отношения к образованности, в отличие от слова *intelligent*.

«Освоенная чужая R-реалия > чужая C-реалия + чужая L-реалия»

Модель, при которой описание чужой реальной действительности осуществляется средствами чужого языка, т. е. появляется новое значе-

ние, а также новая лексема: *ИТ*: «*среди интеллигентов*» [Булгаков, 1984, с. 67]; *ПТ*: «*dans l'intelligentsia*» [Flamant, 1968, p. 172].

В отличие от К. Линьи, Ф. Фламан использует заимствованное из русского языка слово и понятие «*intelligentsia*», подчеркивая социальную принадлежность людей.

Реноминация неосвоенной «чужой» С-реалии

«Чужая С-реалия > своя С-реалия + своя L-реалия»

Данная схема предполагает уподобление чужой концептосферы своему понятию, обозначаемое своим словом или устойчивым сочетанием. *ИТ*: «...*появились два гражданина*» [Булгаков, 1984, с. 4]; *ПТ*: «*Deux citoyens firent leur apparition...*» [Ligny, 1968, p. 6]; *ПТ*: «...*deux citoyens débouchèrent...*» [Flamant, 1968, p. 43].

В советскую эпоху слово «гражданин» было, возможно, одним из самых употребляемых [Алексеева, 2013, с. 126]. Безусловно, «гражданин» появился до времен СССР, однако с появлением нового государства возникло и новое значение, а именно «форма обращения». Примечательно то, что формы «гражданин/гражданка» были заимствованы в соответствии с французским употреблением *citoyen/citoyenne* во времена Великой Французской революции. Таким образом, во французской концептосфере уже существует понятие, эквивалентное советскому *гражданин*, хотя в некоторых случаях в ИТ М.А. Булгаков иронизирует, что не всегда может быть замечено иноязычным читателем. *ИТ*: «...*в выходной день...*» [Булгаков, 1984, с. 56]; *ПТ*: «...*c'était un jour férié...*» [Ligny, 1968, p. 64]; *ПТ*: «...*qui était un jour férié...*» [Flamant, 1968, p. 148].

Во времена первого пятилетнего плана выходные дни не были зафиксированы в календаре, предприятия могли самостоятельно утверждать выходные дни для рабочих. Т. е. в романе необязательно имелись в виду суббота или воскресенье, когда была установлена четкая семидневная неделя.

Во французской концептосфере «*un jour férié*» обозначает «выходной день, обычно в связи с общественным или религиозным праздником», т. е. этот день зафиксирован в календаре трудовым кодексом на определенную дату, что не соответствует С-реалии ИТ.

«Чужая С-реалия > чужая С-реалия + своя L-реалия»

Эта модель предполагает использование своих лексических средств для описания чужого концепта, вследствие чего своя L-реалия получает значение, пришедшее из языка-источника. *ИТ*: «— *Здорово, вредитель!*»

[Булгаков, 1984, с. 50]; *ИТ*: «– *Salut, saboteur !*» [Ligny, 1968, p. 57] ; *ИТ*: «– *Salut, saboteur*!*» [Flamant, 1968, p. 136].

*Mot entré en usage lors du procès de Chakhty, et devenu une insulte doublée d'une accusation redoutable (Досл. Слово вошло в употребление во время суда Шахты и стало оскорблением в сочетании с грозным обвинением) [Flamant, 1968, p. 696].

Термин *вредитель* в советское время широко использовался в отношении тех, кто вредил внутреннему устройству страны, действовал против режима государства. Тот, кого подозревали в деятельности против партии, мог быть арестован как вредитель.

Во французском языке слово *saboteur* имеет несколько значений, которые объединяются общим 'человек, который действует так, чтобы разладить оборудование или систему предприятия, что приведет его к краху'. Ф. Фламан в примечании дает объяснение значения, с которым используется слово *вредитель*. Таким образом, французская L-реалия приобретает дополнительное значение.

ИТ: «...*отвратительные, тревожные желтые цветы...*» [Булгаков, 1984, с. 104].

ИТ: «...*un bouquet d'abominables, d'inquiétantes fleurs jaunes...*» [Ligny, 1968, p. 120].

ИТ: «...*d'horribles fleurs d'un jaune inquiétant...*» [Flamant, 1968, p. 245].

В ИТ под желтыми цветами имелась в виду мимоза. Однако главную роль здесь играет желтый цвет – желтым цветом выкрашивали психбольницы, государственные здания, а само словосочетание *желтый дом* означало «сумасшедший дом». Именно поэтому желтый цвет вызывает тревогу и отвращение у Советского человека.

Стоит отметить именно перевод Ф. Фламан, которая использует слово «тревожный» по отношению не к букету цветов, а к самому желтому цвету, подчеркивая его отрицательную коннотацию.

Вновь пример использования разных моделей реноминации советизмов, которые могут значительно влиять на восприятие заложенного автором смысла в данное произведение. *ИТ*: «*Eû bozu, nastoiaçie! Çervoncy!*» [Булгаков, 1984, с. 92] ; *ИТ*: «*C'est des vrais ! Des billets de dix!*» [Ligny, 1968, p. 106] ; *ИТ*: «...*c'est des vrais ! Des tchervontsy !*» [Flamant, 1968, p. 222].

В своем романе М.А. Булгаков никогда не использовал для обозначения червонцев словосочетание *десятирублевая купюра*, в этом была

сатира автора, поскольку червонцы, ставшие новой денежной единицей для остановки гиперинфляции, считались ненадежными деньгами.

К. Линьи использует модель «чужая С-реалия > чужая С-реалия + своя L-реалия», с помощью которой объясняется чужая С-реалия посредством своей L-реалии, из-за чего теряется вся сатира, связанная с явлением червонцев. В свою очередь, Ф. Фламан использует модель «чужая С-реалия > чужая С-реалия + чужая L-реалия», заимствуя чужую лексему.

«Чужая С-реалия > чужая С-реалия + чужая L-реалия»

При использовании этой схемы чужой концепт описывается с помощью чужих лексических средств.

Например: ИТ: «*Типичный кулачок*» [Булгаков, 1984, с. 51]; ПТ: «*Un koulak typique*» [Ligny, 1968, p. 58]; ПТ: «*Le type même du petit koulak*» [Flamant, 1968, p. 137].

В советское время кулаками называли зажиточных крестьян, хотя в 30-е годы И.В. Сталин призвал к их уничтожению. В ИТ этот термин используется как стилистический советизм для придания особого стилового образа.

Оба переводчика заимствовали чужую L-реалию, однако стоит отметить перевод Ф. Фламан, которая также передала уменьшительно-ласкательную форму *кулачок* как *маленький кулак*.

Реноминация освоенной «чужой» С-реалии

«Освоенная чужая С-реалия > своя L-реалия»

Эта схема предполагает описывание освоенного концепта при помощи средств своего языка, где номинативная единица составлена путем своих законов словоизменения и словообразования. Ср.: ИТ: «*Рукописи не горят*» [Булгаков, 1984, с. 214]; ПТ: «*...les manuscrits ne brûlent pas*» [Ligny, 1968, p. 245]; ПТ: «*...les manuscrits ne brûlent pas*» [Flamant, 1968, p. 472].

Фраза «рукописи не горят» стала известной после первой публикации романа «Мастер и Маргарита». Ее использовали в отношении тех писателей, чьи тексты могли быть расценены как политически вредные, опасные для властей. Эта фраза также стала популярна и за рубежом с постоянной отсылкой к оригинальному тексту.

При переводе R-реалии, оба переводчика предпочитают использовать модель «чужая R-реалия > чужая С-реалия + своя L-реалия». Однако следует заметить, что, по сравнению с К. Линьи, Ф. Фламан использовала данную модель реже, при этом она чаще прибегала к модели с заимствованием чужой L-реалии для неосвоенной чужой R-реалии.

Кроме того, в случае освоенной чужой R-реалии К. Линьи использовал для ее объяснения свою L-реалию, а Ф. Фламан – заимствованную чужую L-реалию.

Полученные данные о переводе C-реалий позволяют утверждать, что наиболее частотной моделью реноминации реалий у обоих переводчиков была модель «чужая C-реалия > своя C-реалия + своя L-реалия». Модель «чужая C-реалия > чужая C-реалия + своя L-реалия» была использована переводчиками одинаковое количество раз. Однако Ф. Фламан, по сравнению с К. Линьи, чаще использовала модель с заимствованием чужой L-реалии для объяснения чужой C-реалии «чужая C-реалия > чужая C-реалия + чужая L-реалия». Следует отметить, что модель «освоенная чужая C-реалия > чужая L-реалия» совсем не была использована переводчиками.

Изучив модели реноминации и переводы К. Линьи и Ф. Фламан, можно утверждать об их бесспорной градации в аспекте межкультурного взаимодействия. Модели, когда R- и C-реалия объясняется с помощью своей C-реалии и своей L-реалии, являются наименее связывающими две культуры, поскольку ни в концептосфере, ни в словаре языка-приемника не наблюдается изменений. В свою очередь, модели, когда R- и C-реалия объясняется с помощью объяснения чужой C-реалии и использованием заимствованной чужой L-реалии, являются наиболее связывающими две культуры, поскольку в этом случае изменяется и концептосфера, и словарь языка-приемника.

Подводя итоги, мы можем констатировать, что использование переводчиками моделей реноминации, при которых осуществляется заимствование чужой L-реалии для объяснения чужой R- и C-реалии, приближает читателя, не знакомого с советской действительностью и культурой, к проблеме понимания советизмов и их концептов, существовавших в советской России.

Литература

1. Алексеева В.Н. «Гражданин» vs. Citizen: к проблеме понимания советизмов в иноязычной культуре // Вестник ЯрГУ. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. № 2(24). С. 126–131.
2. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. М., 1984. 295 с.
3. Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
4. Ермакова О.П. Жизнь российского города в лексике 30–40-х годов XX века. М.: Флинта: Наука, 2011. 192 с.

5. Кретов А.А., Фененко Н.А. Реноминация как проблема переводоведения // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2011. № 2. С. 154–157.
6. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 700 с.
7. Тишулина М.И. Пространственно-временной аспект функционирования советизмов в литературе писателей-эмигрантов // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. №11(19). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/11/tishulina.pdf>
8. Фененко Н.А. Французские реалии в контексте теории языка: дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2006. 514 с.
9. Boulgakov M.A. Le Maître et Marguerite, le texte complet du roman en français traduit par Claude Ligny. Paris: Robert Laffont, 1968. 334 p.
10. Mikhaïl Boulgakov (trad. du russe par Françoise Flamant), Œuvres, vol. 2: Le Maître et Marguerite. Théâtre. Paris: Gallimard, coll. « Bibliothèque de la Pléiade » (no 505), 2004. 718 p.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ТРЕВОЖАЩИХ СОБЫТИЙ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ БЛАГОПОЖЕЛАНИЙ)

Е.И. Голованова (Челябинск)

*Челябинский государственный университет
terminolog2011@rambler.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются тексты благопожеланий, широко распространенных в настоящее время в повседневной интернет-коммуникации. В центре внимания автора находятся лексические маркеры тревожащих событий, выявляются их контекстное окружение и анализируются передаваемые с их помощью смыслы.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, лексический маркер, тревожащее событие, благопожелание, поликодовый текст.

Интернет-коммуникация стала сегодня для людей привычным способом обмена информацией, поддержания дружеских и профессиональных контактов. В связи с этим она выступает важным объектом лингвистического изучения, позволяющим выявлять константные и меняющиеся черты функционирования языка как части существования человека и социума в целом.

В центре внимания настоящей статьи находятся тексты благопожеланий, которые пересылаются с помощью мессенджеров (Viber, WhatsApp и др.), формируя повседневный фон жизнедеятельности человека. Жанр благопожеланий является традиционным для русского фольклора [Агапкина, 1995]. В новых условиях он приобрел значимость в связи с потребностью современного человека в психологической поддержке и позитивном настрое [Голованова, 2021].

На протяжении последних недель, начиная с 24 февраля 2022 года, то есть с момента начала специальной военной операции на Украине, в текстах благопожеланий наметилась новая тенденция, связанная с реакцией на тревожащие события (гибель людей, санкционное давление, угрозы насильственных действий по отношению к русским).

Обращает на себя внимание появление в текстах самого слова «событие», которое относится к сугубо книжной лексике и нетипично для благопожеланий:

*Хорошего дня! Пускай за каждым хорошим днем наступает другой, еще лучше, – полный радости и **приятных событий!***

*Доброе утро! Пусть день будет щедрым на **хорошие события!***

Помимо этого, в текстах благопожеланий стали использоваться слова, указывающие на значимость для человека информации о происходящем в мире. Имеются в виду существительные «новости», «вести»:

*Желаю утра доброго, хороших **новостей**, здоровья очень крепкого и полный дом гостей, любви и процветания, надежды и мечты, согреет пусть и радует дыхание ВЕСНЫ...*

*Доброго утра! Хороших **вестей!** Перезимовали – справились... Впереди – тепло... Впереди – что-то новое... И обязательно что-то хорошее!*

*Доброе утро! Солнца нам и добрых **вестей!***

Конечно, главным словом в новых условиях стало слово мир – оно представлено во множестве текстов и сопровождается контекстными партнерами любовь, радость, счастье, добро, тепло, а также синонимами лад, покой:

*Чудесного дня! Любви! Добра! **Мира!** Лада! Света! Радости! (7 пожеланий на фоне 7 букетов цветов)*

*Пусть каждый День будет в радость! Счастья Здоровья Добра **Мира** Благополучия!*

*Хорошего дня Пусть этот день счастливым станет, Подарит **МИР**, любовь, тепло. И пусть фортуна не устанет вновь делать так, чтоб Вам везло!*

*Всем **Мира** Счастья и Добра! Замечательного дня!*

*Доброе утро! **Мира** нам всем!*

*С Вербным Воскресеньем! Счастья, **мира** и тепла Вашему дому!*

*Доброе утро! **Мира**, тепла, позитива!*

*Пусть этой весной наступит **МИР**!*

*Человеку так мало надо для счастья... Но, увы, так много чтобы это понять... **Мира** и Добра тебе Планета! Здоровья и счастья всем! Доброгo-доброгo вам Сегодня!*

*Здравствуйте! С новым утром! С новым днем! Весна пришла! И пусть она цветет... Подснежником красивым, самым нежным... Пусть сбудет-ся все то, что каждый ждет... А счастье станет, просто неизбежным... Счастливой Весны! Солнца, **Мира** и Тепла!*

*Просто ДОБРОЕ Утро! Быть Добру И Счастью Быть! Ветру, Солнышку На Небе Я желаю – Жить! Любить! **Мира** Вам!*

Прилагательное *мирный* чаще всего употребляется в благопожеланиях в сочетании со словом *небо*, указывая на значимость пространственного осмысления исходного понятия:

*Нам для счастья так мало надобно. Небо **мирное**, ночи звездные.. Без **потерь** встречать зимы с веснами..*

***Мирного** неба вам всем!*

***Мирного** неба! Крепкого здоровья!*

*Солнечной всем Весны! **Мирного** неба над головой!*

*Ясного **Мирного** Неба Над Головой! Жизненных Сил! И Здоровья! Надежды! Веры! Добрых Вестей! Пусть на Душе Будет Тепло!*

Но есть примеры и временной концептуализации – в сочетании со словами *утро*, *день*: *Благословенного и **мирного** дня!*; *С добрым утром! Пусть утро будет **мирным**, небо чистым, а новости только хорошими!*

Антоним *мира* – слово *война* – в нашем материале представлено единичными примерами, среди которых самым частотным является текст: *Просто хочется весны – без болезней, без войны.* Это пожелание появилось в первые дни военной операции и знаменовало собой переход от эпохи пандемии к существованию людей в новых экстремальных условиях.

Наряду с указанным словом используется лексема *вражда*, а также метафора *ненастье*, например: *Немного Нужно Нам Для Счастья! Лишь Бы Не Было **Ненастья**! Ни **Войны**, Ни **Вражды**! Дай Нам Бог Большой Любви! Чтобы Жили Мы По Вере! Чтоб Была Любовь На Деле! Были Верные Друзья, Как Единая Семья! Здоровья! Мира И Добра!*

Маркерами неблагополучия в большинстве текстов выступают лексемы *тревоги*, *волненья*, *беды*, *печали*, *невзгоды*, *потери*, а также существительные *грусть*, *боль*, *зло* и *негатив*. Первый ряд слов объединяет ис-

пользование в форме множественного числа при наличии в языке формы единственного числа. Четыре последних слова относятся к категории *singularia tantum*. Кроме того, в текстах могут быть представлены обобщенные обозначения нового периода: *тяжелые времена, сложные дни*.

Приведем характерные примеры благопожеланий с актуализацией тревожащих событий:

ХОРОШЕГО ДНЯ! Желая, чтоб жизнь приносила мгновенья, В которых не будет тревог и волнения

Тяжелые времена пройдут... И обязательно все будет хорошо!

Немного тепла в это зимнее утро... Немного тепла в эти сложные дни... Пусть Новый День вдыхает в нас Надежду... Доброго Утра! Хорошего Дня! Всем добра и Мира! И просто хочется Весны... Без болезней... Без войны... Веры! Надежды! Любви! В каждый дом! В каждое Сердце!

С добрым утром! С новым днем! Пусть не будет грусти в нем! Улыбок! Счастья! И добра! Пусть будет много позитива... И никакого негатива! Пусть день наладится с утра!

Пусть в вашей жизни никогда не будет огорчений!

С добрым утром! С новым днем! Пусть не будет грусти в нем! Пусть он радостью сияет В сердце ласковом твоём!

Анализ текстов благопожеланий позволяет судить о том, что человек начинает ценить простые вещи лишь тогда, когда он может их потерять: *Счастье – это когда ты живешь в своем доме... Ешь со своей посуды, спишь в своей постели... Ходишь по своему городу... Счастье – это когда все дома, а за окном Тишина... И МИР НА ЗЕМЛЕ!!!* Этот текст проникнут пониманием того, что есть люди (и они совсем близко), которые потеряли свой дом, спят в чужой постели, едят из чужой посуды, живут на войне или бегут от нее. Иконический элемент текста содержит изображение спелых золотых колосьев и девушки в белом, которая протягивает руки к солнцу. Солнце здесь олицетворяет счастье, колосья символизируют благополучие, здоровье, а белый цвет одежды выступает символом чистоты. Примечательно, что благопожелание как таковое в этом тексте отсутствует: пожелание мира и добра носит имплицитный характер, формируется визуальными образами.

Другой текст благопожелания интересен тем, что в нем используется инклюзивное *мы*:

С ДОБРЫМ УТРОМ!

И ДОЖИВЕМ!

И ПЕРЕЖИВЕМ!

И ЛУЧШЕ ПРЕЖНЕГО

ЗАЖИВЕМ

ДА БУДЕТ ТАК!

Иконический компонент поликодового сообщения содержит изображение синицы, сидящей на веточке вербы, вдали виден весенний пейзаж (кусты и деревья по берегам спокойного течения реки). В тексте трижды повторяется союз *и* перед глаголами, образованными от глагола *ЖИТЬ*: **доживем до победы**, **переживем все трудности** и **заживем лучше прежнего**. Троекратное оптимистическое утверждение завершается формулой «*Да будет так!*», которая усиливает магический смысл данного благопожелания, адресованного всем тем, кто нуждается в сочувствии и поддержке.

Использование образа вербы, как нам представляется, не случайно: верба для православных имеет сакральное значение. В целом, необходимо отметить, что в текстах благопожеланий весьма часто воспроизводятся в новых условиях слова *Бог, Господь, ангел-хранитель*, например: *Благословенного дня!!! Пусть Господь хранит Вас и Ваших близких!* В приведенном относительно коротком тексте обращает на себя внимание слово *хранит*: его употребление сигнализирует о том, что существует нечто, от чего нужно оберегать себя и своих близких. Здесь имплицитно содержится мысль о незащищенности человека перед лицом беды, для поддержания его духовных сил и нужно благопожелание. Подобных текстов сегодня много, особенно активно они распространялись накануне Вербного Воскресения. Приведем примеры:

Будьте здоровы и богом хранимы; Прекрасного сегодня!!! Пусть Ангел Хранитель всегда будет рядом!; Ангела Хранителя на день!; С Вербным Воскресением! Пусть вербочка СВЯТАЯ От бед вас бережет.. ЗДОРОВЬЕ пусть подарит И СЧАСТЬЕ принесет.. Пусть Господь благословит.. И от всех невзгод хранит..; В эти весенние денечки Желаю По утрам Легкого пробуждения Энергии и оптимизма Среди дня Тишины и уюта Вечерами Спокойных снов По ночам! Пусть Ангел-хранитель оберегает тебя!; Пусть добрые сказки почаще случаются! Пусть добрые люди Вам чаще встречаются! Пусть доброе сердце Господь сохранил: от зла и колючих житейских обид! Пусть солнышку чаще душа улыбается! И все непременно у Вас получается!; Пусть у Вас все будет хорошо... Храни Вас Господь; С добрым утром! Храни Вас Господь! Будьте здоровы и Богом хранимы!; Царица небесная Спаси нас и сохрани! Пусть миром правит доброта!; Пусть будет на сердце уют и покой! И Ангел-Хранитель всегда за спиной! Доброго дня!; С Вербным ВОСКРЕСЕНЬЕМ! Пусть дом хранит от бед всегда Букетик вербы освященной! Здоровой будет вся семья, Счастливой, крепкой, защищенной!

Во многих текстах благопожеланий актуализируется идея непредсказуемости мира, характерная для русского сознания:

*Мы не знаем, что будет **завтра!***

Пусть оно просто будет!

И чтобы в нем были все, кто нам дорог!

Любви и Счастья Вам!

А главное – будьте здоровы!

Именно потому, что человек не может знать, что ждет его в завтрашнем дне, значимыми становятся пожелания ценить день сегодняшний:

*И чтобы ни случилось с нами ЗАВТРА... У нас в запасе есть СЕГОДНЯ и СЕЙЧАС!; Каждый день – это дар Божий, который мы называем СЕГОДНЯ... С добрым, чудесным утром!; Доброе утро! Будьте счастливы!.. Просто так... Потому что утро... Потому что впереди **новый день**... Потому что жизнь продолжается...; Море нежности, объятий, поцелуев... Живите **сейчас!** С Добрым утром!; С Добрым Утром! Присутствуйте в **настоящем** моменте и испытывайте радость жизни...; Цените жизнь и **каждый день!** Желаю всем счастья!; Как бы ни начался твой день, с дождя или солнца, будь благодарен... Твой день начался!; Здравствуй **Новый день!** Пусть все будет хорошо; Жизнь прекрасна!! **Цените каждое мгновение!! Доброе утро!***

Литература

1. Агапкина Т.А. Благопожелание / Т.А. Агапкина, Л.Н. Виноградова // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1. М., 1995. С. 188–191.
2. Голованова Е.И. Благопожелание как новая форма повседневной виртуальной коммуникации в условиях пандемии COVID-19 // Медиавключенность и медиаизоляция: материалы VI Международной научной конференции. Ч. 2. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2021. С. 14–18.

ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ГЕШТАЛЬТ-КОНЦЕПТА «НАРУШЕНИЕ/СОБЛЮДЕНИЕ ЛИЧНЫХ ГРАНИЦ» В УСЛОВИЯХ РОСТА ЦЕН НА БЕНЗИН В ГЕРМАНИИ В НАЧАЛЕ 2022 ГОДА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

А.М. Дмитриева (Нижегород)

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Deseq1@gmail.com*

Аннотация: На материале немецкого языка проводится анализ немецкоязычных интернет-мемов как репрезентантов гештальт-концепта «НАРУШЕНИЕ/СОБЛЮДЕНИЕ ЛИЧНЫХ ГРАНИЦ» в условиях роста цен на бензин в Германии с точки зрения лингвопрагматики. Выделяются особенности вербализации гештальт-концепта в интернет-пространстве в контексте когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: лингвопрагматический анализ, когнитивная лингвистика, интернет-мем, гештальт-концепт, интернет-коммуникация.

В настоящее время в эпоху глобализации наблюдается тенденция интенсификации всех общественных процессов и явлений. Одновременно одна из причин и свидетельство тому – транспарентность коллективных и индивидуальных границ, которая стала возможна благодаря распространению сети Интернет [Хорин, 2005, с. 4].

Специфика быстрого информационного обмена в рамках интернет-коммуникации, а также запрос пользователя на легкость и доступность выражения личного мнения способствовали распространению такого явления как интернет-мем.

На сегодняшний момент интернет-мем вышел за границы формального определения «креолизованный текст, сочетающий в себе вербальный и невербальный компоненты» [Александрова, 2017, с. 2]. На наш взгляд, интернет-мем сегодня – это стремительно распространяющаяся единица информации, которая независимо от формата, отличается самокопированием среди пользователей, «считывающих» юмористическую составляющую интернет-мема.

Принимая во внимание интерактивный характер и высокую скорость распространения интернет-мемов, актуальным становится анализ оформления общественных ценностных ориентаций, которые находят

свое отражение в содержании и характере распространения интернет-мемов период резкого роста цен на бензин в Германии в феврале-марте 2022 года.

В данной статье предпринимается попытка анализа 300 немецкоязычных интернет-мемов, созданных в качестве ответной реакции на резкий рост цен на бензин в начале 2022 года на ресурсе *debeste.de*, в контексте когнитивной лингвистики, в первую очередь, как языковых репрезентантов гештальт-концепта «НАРУШЕНИЕ/СОБЛЮДЕНИЕ ЛИЧНЫХ ГРАНИЦ».

Впервые «гештальт-концепты» были выделены З.Д. Поповой: «Гештальт – комплексная, целостная функциональная мыслительная структура, упорядочивающая многообразие отдельных явлений в сознании» [Попова, Стернин, 2007, с. 84]. Гештальт представляет собой целостный образ, совмещающий чувственные и рациональные элементы, а также объединяющий динамические и статические аспекты отображаемого объекта или явления.

Отметим, что по результатам анализа немецкоязычных интернет-мемов, получивших распространение в период резкого роста цен на бензин в Германии в феврале-марте 2022 года, «личные границы» могут быть определены: отдельной личностью или группой и ее (их) этическими нормами (86%), физиологическими возможностями (12%), социальной ролью (2%). Как видно, во всех трех случаях личные, физиологические, социальные границы могут иметь индивидуальные, а также коллективные пределы.

Самую распространенную группу интернет-мемов представляет первая группа, в рамках которой интернет-мемы отличаются сатирической направленностью, высмеивают ситуацию в условиях повышения цен в целом и политику государства в частности.

Во-первых, в результате анализа интернет-мемов в 19% случаев пользователи акцентировали свое внимание на том, что «ничего не изменилось», ситуация их не тревожит, что отражается в следующем примере: «*Was haben nur alle mit den Benzinpreisen? Lasst doch einfach den Chaffeur tanken!*»

В данном примере нет прямого указания на отдельную личность, но, используя графическую часть интернет-мема с изображением молодого человека, можно вывести оппозицию *wir\alle – ich*, которая выражается имплицитно. Вторая часть интернет-мема содержит конструкцию со значением возможности (*Lassen+Infinitiv*), с помощью которой выражается побудительная модальность в виде совета (*путь управляется*

шофер), что, в свою очередь, формирует юмористическую составляющую (эффект удивления и противоречивость совета) интернет-мема. В этом смысле можно согласиться с С. В. Канашиной, которая относит интернет-мемы, передающие эмоцию «удивление», к «позитивно заряженным», а эмоциональность интернет-мема представляется одной из его основных характеристик [Канашина, 2017, с. 4].

Рассмотрим еще один пример: *«Die Benzinpreise lassen mich völlig kalt. Ich tanke einfach immer für 20. Meine Freundin, 21, Sparfuchs»*.

В данном случае в тексте прямо говорится, что «цены на бензин меня не интересуют», ситуация не влияет на адресанта, но он, в свою очередь предлагает собственное решение «заправляться, как обычно, на 20 евро». Для данного примера характерна высокая степень образности вербальной части мема, а именно глагол *kaltlassen*, относящийся к разговорной лексике и зооморфизм *Sparfuchs* («экономный хитрец») (пример бризантой лексики – отрицательно-оценочной коннотации), что в совокупности, несомненно, способствует широкому распространению мема в интернет-пространстве.

Рассмотрим группу интернет-мемов, сатирически изображающих государственную повестку, предлагаемые меры по поддержке населения и возможные альтернативы для граждан Германии, например, *«KITT Ich brauch dich komm zu mir! –Bist du bescheuert? Hast du die Benzinpreise nicht gesehen?Du kannst zu Fuß gehen. Wenn der Benzpreis weiter steigt...Bei den heutigen Benzinpreisen sind immer mehr Männer auf das Fahrzeug ihrer Frau angewiesen»*.

Альтернативные варианты *Zu Fuss gehen, mit Fahrrad fahren, mit Fahrzeug ihrer Frau* высмеиваются основной частью интернет-пользователей. Важно отметить, что лексема *Benzinpreise* встречалась в 87% случаев, что закрепляет ассоциативную связь цепочки «цены на бензин-альтернатива-смешно» и ведет к ее дальнейшей стереотипизации.

Кроме этого, группа данных интернет-мемов представляет характерный для большинства мемов сниженный стилистический характер – одну из основных характеристик интернет-мема, которая символизирует свободу выражения мысли адресанта [Канашина, 2017, с. 4].

Рассмотрим пример нарушения физиологических личных границ, точнее их сатирическое изображение: *«10 Millionen jammern über Spritpreise, fahren aber mit dem Auto zum Fitness Studio, um dort Fahrrad zu fahren»*.

В данном случае основным средством образности выступает глагол *jammern* («ныть») – также может рассматриваться как пример употреб-

ления бризантной лексики. Глагол *jammern* в данном контексте используется как способ выражения гражданского протеста большинства населения Германии по отношению к меньшинству – людям, напрямую зависящим от роста цен на бензин и негативно высказывающимся по этому поводу.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что актуальные события мгновенно находят свое отражение в формировании общественных ценностных ориентаций, выражаются в содержании и характере распространения немецкоязычных интернет-мемов. Были выделены следующие средства языкового выражения гештальт-концепта «НАРУШЕНИЕ/СОБЛЮДЕНИЕ ЛИЧНЫХ ГРАНИЦ»: употребление бризантной лексики и зооморфизмов, конструкции побудительной модальности, разговорной лексики. Указанные лингвистические, стилистические и экстралингвистические средства позволили установить, что в большинстве случаев личные границы устанавливаются отдельной личностью (или коллективом) и ее (их) этическими нормами, а в качестве основного лексического средства выражения ответной реакции интернет-пользователей на повышение цен на бензин используется бризантная лексика.

Литература

1. Александрова Е.М. Креолизованный мем как новая форма бытования языковых анекдотов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №8-2 (74). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreolizovannyu-mem-kak-novaya-forma-bytovaniya-yazykovyh-anekdotov>
2. Воронушкина О.В. Концептуальная база системного описания скрытых смыслов // Филология и человек. 2016. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnaya-baza-sistemnogo-opisaniya-skrytyh-smyslov>
3. Нойманн Э. Глубинная психология и новая этика. СПб: Азбука-классика, 2008. 208 с.
4. Канашина С.В. Что такое интернет-мем? // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2017. №28 (277). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-internet-mem>
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М., 2007. С. 226.
6. Хорин И.С. Глобализация общественной жизни: история и современность // Знание. Понимание. Умение. 2005. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-obshchestvennoy-zhizni-istoriya-i-sovremennost>
7. Щетинина А. В. Лексика гражданского протеста в лингвокреативном сознании // Социокультурное пространство России и зарубежья: общество, образование, язык. Выпуск 6. Екатеринбург: Ажур, 2017. С. 172–182.
8. Debeste. URL: <https://debeste.de/bilder/benzinpreis/>
9. Mehr-tanken. URL: <https://mehr-tanken.de/statistiken>

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СЕМАНТИЗАЦИИ ТОПОНИМОВ

Е.А. Дьяконова (Москва)

*Воронежский государственный университет
happybusiness@yandex.ru*

Аннотация: В данной статье предлагается психолингвистический подход к семантизации топонимов. Данный подход призван способствовать формированию в языковом сознании студента, изучающего русский язык как иностранный, значения, близкие к значениям в сознании русскоговорящего человека. Это позволит приблизить языковое сознание студента к языковому сознанию носителя русского языка.

Ключевые слова: психолингвистика, русский язык как иностранный, семантизация лексики, топонимы, языковое сознание.

Данная статья предлагает психолингвистический подход к семантизации топонимов. Суть этого подхода заключается в выявлении экспериментальным путем представления среднего россиянина о той или иной лексической единице (в нашем случае топонима) и отражения ее в психолингвистическом лингвострановедческом словаре. Целью данного словаря, словаря нового типа, является описание актуального русского языкового сознания. Предлагаемый подход позволит сформировать в языковом сознании иностранца значения русской лексики, в частности топонимов, близкие к их значениям в современном сознании носителя русского языка.

Как «получить доступ» к актуальному языковому сознанию носителя русского языка? С этой целью используются психолингвистические (антропометрические) методы: лингвистическое интервьюирование и ассоциативные эксперименты (свободный и направленный). Кратко опишем методику создания «Психолингвистического лингвострановедческого словаря топонимов», моделью для которой послужила методика, предложенная И.А. Стерниным, А.В. Рудаковой, С.В. Коваленко для создания «Психолингвистического толкового словаря русского языка» [Рудакова, Коваленко, Стернин, 2018].

1 этап – отбор лексики, например, топонимов. Лексика, включаемая в толковый психолингвистический словарь, должна принадлежать к наиболее употребительной в русском языке, следовательно, она должна включать топонимы, важные для характеристики современной России.

Для выявления списка городов, символизирующих Россию в сознании носителей русского языка, нами было проведено лингвистическое интервьюирование, по результатам которого был создан ранжированный список из 10 городов, представляющих Россию в сознании носителей современного русского языка:

1. Москва; 2. Санкт-Петербург; 3. Владивосток; 4. Екатеринбург; 5. Нижний Новгород; 6. Новосибирск; 7. Казань; 8. Ярославль; 9. Воронеж; 10. Рязань.

Дальнейшее исследование мы сфокусировали именно на этих городах.

2 этап – проведение свободного и направленного ассоциативных экспериментов, в том числе с «визуальной/графической» составляющей [Дьяконова, 2017, 2018], что дало возможность профессиональному художнику создать иллюстрации для достоверной визуальной семантизации исследуемых топонимов;

3 этап – обработка полученных результатов;

4 этап – формулировка психолингвистических значений [Рудакова, Стернин, 2015];

5 этап – создание иллюстраций для визуальной семантизации топонимов, которая осуществлялась по комплексной методике, предложенной автором [Дьяконова, 2017, 2019].

В связи с тем, что материалы, на которых основан предлагаемый словарь, получены экспериментальным путем, он может претендовать на описание современного русского языкового сознания. Приведем прототипическую модель предлагаемого словаря.

Структура лингвострановедческого психолингвистического словаря топонимов

1. Введение. В нем описывается специфика словаря; специфика подачи иллюстративного материала.

2. Список топонимов в алфавитном порядке.

3. Текст словаря в алфавитном порядке.

Структура словарной статьи

1. Заголовочное слово, выделенное шрифтом и/или цветом.

2. Герб населенного пункта или страны.

3. Описание психолингвистического значения топонима: Краткая связная дефиниция, выделенная полужирным шрифтом. Так как словарь преследует учебную цель, то эта дефиниция может являться «стартом» для знакомства с городами России на самом начальном этапе изучения РКИ, послужить материалом для обучения чтению и лексике.

Развернутая связная дефиниция без использования специфических научных данных. В данной дефиниции представляется целесообразным опираться на ядерные семы и семы ближайшей периферии, сформулированные при обработке результатов психолингвистических экспериментов.

Иллюстрация – визуальная семантизация топонима, основанная на обобщении результатов психолингвистических экспериментов.

Пример словарной статьи психолингвистического
лингвострановедческого словаря

МОСКВА

Большой красивый столичный город с быстрым темпом жизни и плохой экологией.

Москва – это столица России. Это большой красивый современный город с быстрым темпом жизни и высоким уровнем жизни, но с плохой экологией. В Москве много достопримечательностей и развлечений, это культурный и деловой центр. Москва в основном православный город, но в нем живут люди разных национальностей и религий. В Москве есть вокзалы, и сюда приезжает много людей из разных городов. В Москве хорошо развита транспортная сеть, но пробки на дорогах – частое явление. Москва – шумный, агрессивный город, но при этом это город возможностей. Для многих это родной, любимый город, город детства.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод, о том, что результаты психолингвистических исследований могут и должны служить основой для создания лингвострановедческих пособий.

Литература

1. Дьяконова Е.А. Визуальная составляющая при описании психолингвистического значения // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: Тезисы III Всероссийской научной конференции 20–21 октября 2017 / науч. ред. А.В. Рудакова. Воронеж: Ритм, 2017. С. 25–28.
2. Дьяконова Е.А. Психолингвистическое описание семантики топонимов с «визуальной» составляющей // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: материалы IV Всероссийской научной конференции 26–27 октября 2018 / науч. ред. А.В. Рудакова. Воронеж: Ритм, 2018. С. 13–16.
3. Дьяконова Е.А. Топоним Санкт Петербург в сознании носителей языка: «вербализованные» и «визуализированные» образы (на материале свободного ассоциативного эксперимента с включением «графической» составляющей) // Язык и национальное сознание: межвузовский научный сборник / науч. ред. И.А. Стернин. Вып. 24. Воронеж: Ритм, 2018. С. 72–77.

4. Дьяконова Е.А. Исследование визуального компонента семантики топонима (на материале топонима *Москва*) // Семантико-когнитивные исследования: межвузовский научный сборник / науч. ред. И.А. Стернин. Вып. 10. Воронеж: Ритм, 2019. С. 3–5.

5. Рудакова А.В. Трафаретная модель описания психолингвистического значения слова / А.В. Рудакова, И.А. Стернин // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / науч. ред. А.В. Рудакова. Вып. 2. Воронеж: Истоки, 2015. С. 97–110.

6. Рудакова А.В. Психолингвистический толковый словарь русского языка / А.В. Рудакова, С.В. Коваленко, И.А. Стернин. Вып. 1: Антропонимы. Воронеж: Ритм, 2018. – 135 с.

ИНТЕНСИВНОСТЬ КАК ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ И СПОСОБЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

*В.Н. Егорова, С.В. Постникова (Нижний Новгород)
Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
egorova@flf.unn.ru, postnikova@flf.unn.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются разноуровневые языковые средства интенсификации. Выявляются особенности использования данных средств в художественном и устно-речевом дискурсе немецкого языка.

Ключевые слова: интенсивность, иллюкуция, прагматический потенциал, адъективная лексика

Динамика развития языковой системы обусловлена особенностями вербализации ментальных процессов познания, осмысления и оценки отдельных фрагментов окружающего нас мира и прежде всего – семантико-функциональной гибкостью языковых единиц, их открытостью для включения дополнительных смысловых оттенков, в том числе субъективно окрашенных эмоционально-оценочных коннотаций.

Данные процессы характерны для любого вида дискурса (художественного или устно-речевого), в котором человеческий фактор играет немаловажную роль в формировании иллюкутивного значения высказывания [Никонова, 2019, с. 267].

Речь идет, в частности, не только о семантико-функциональной «перестройке» языковых единиц в когнитивно-дискурсивной деятельности,

но и об их способности к «переключению» на выполнение несвойственной им семантической функции и таким образом выступать репрезентантами иного концептуального содержания.

В таких случаях можно говорить о так называемых аномалиях, чему виной, как отмечает Н.Д. Арутюнова, является сама жизнь [Арутюнова, 1987, с. 3–19]. Не будет преувеличением рассматривать такие семантико-функциональные сдвиги как действенное средство реализации прагматического потенциала высказывания, которое и способствует достижению его коммуникативного эффекта.

В этом плане представляют интерес особенности реализации прагматического потенциала интенсивности системой разноуровневых языковых единиц – проблема, которая на сегодняшний день не утратила своей актуальности.

Под интенсивностью понимается выражение высокой степени качества или же интенсивности действия или состояния, сопровождаемое оценочным оттенком [Mathesius, p. 203]. Несмотря на то, что категория интенсивности – прагматическая категория и сема интенсивности зачастую реализуется лишь в контексте и зависит от коммуникативной задачи говорящего, у целого ряда разноуровневых языковых единиц значение интенсивности зафиксировано парадигматически в системе языка. К подобным языковым единицам относятся, прежде всего, адъективные композиты, где одним из элементов является слово-интенсификатор, и дериваты-прилагательные с усилительным префиксом. Так, в прилагательных типа *S + Adj* – детерминированный первый компонент (имя существительное) – изначально интенсифицирует значение прилагательного-основы и композит не нуждается в контексте или других дополнительных средствах интенсификации для реализации данной семы. Например, *hauchdünn* – ‘sehr, besonders dünn; dünn wie Rauch’, тонкий, как дыхание, или *feuerrot* – ‘grellrot (wie Feuer)’, указывает на интенсивность цвета. В качестве детерминированного первого компонента у композит данного типа может выступать прилагательное. Так, по схеме *Adj + Adj* образованы адъективные композиты, где первый элемент парадигматически привносит сему интенсивности в языковую единицу: *hochaktiv* – ‘sehr aktiv’, где компонент *hoch* выступает, как правило, в качестве замены несколько стертому в своей интенсифицирующей функции наречию *sehr*. Или в композите *tief Ernst* – ‘sehr, äußerst ernst’ компонент *tief* / **глубокий** выступает также альтернативой наречию *sehr*. Среди адъективных дериватов, содержащих кодифицированное в языке значение интенсивности признака, необходимо отметить прилагательные

тельные с усилительными префиксами типа *extra-*, *hyper-*, *ultra-*, *erz-*, *ur-*. Например: *hypermodern* ‘übertrieben modern’, *erzfaul* ‘im höchsten Grade faul’, *urgesund* ‘sehr gesund’ (*ur-* drückt in Bildungen mit Adjektiven eine Verstärkung aus), *extrasauber* ‘sehr sauber’ (*extra-* drückt in Bildungen mit Adjektiven eine Verstärkung und höchster Qualitätsgrad aus), *ultraschnell* ‘sehr, äußerst schnell’ (*ultra-* drückt in Bildungen mit Adjektiven eine Verstärkung aus; in höchstem Maße, extrem, äußerst).

В то же время способность перестраиваться на выражение интенсивности признака характерна и для сравнений сходства. Это возможно при сопоставлении объектов, *argiori* контрадикторных (т.е. несопоставимых), а также в случае, если эталон сравнения конвенционально воспринимается как яркий носитель признака, обозначенного основой сравнения. Например: «*Stockend arbeite ich mich weiter, ich krebse über den Boden weg und reiße mir die Hände wund an den zackigen Splittern, die scharf wie Rasiermesser sind*» [Remarque, Im Westen nichts neues, S. 174]; «*Jetzt kann ich schon umhergehen und sprechen und Rede stehen, ohne Furcht, mich plötzlich an die Wand lehnen zu müssen, weil die Welt weich wird wie Gummi*» [Remarque, Im Westen nichts neues, S. 134].

Такая тесная смысловая спаянность основы и эталона сравнения и способствует формированию сложных прилагательных (адъективных композитов), которые в силу отмеченного выше обстоятельства утрачивают полностью или частично семантику сравнительных отношений, переходя в разряд интенсивов.

Однако нередко такое значение формируется либо в дискурсивном пространстве коммуникации, либо под воздействием контекста. Так, компаративная форма прилагательного, которой изначально свойственна функция выражения интенсивности признака, способна выступать номинантом предельно высокой степени проявления интенсивности. Обычно такие функционально-семантические сдвиги возможны при коммуникативно обусловленной «перестройке» устойчивых сочетаний со значением тождества типа *elend wie ein Hund, hart wie Stahl* на выражение сравнения неравенства, например, *elender als Hund, härter als Stahl*.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой картины мира). Вопросы языкознания. №3. 1987. С. 3–19.
2. Никонова Ж.В. Интерпретирующий потенциал иллокуции. В кн.: Когнитивные исследования языка. Вып. XXXV11. Интегративные процессы в когни-

тивной лингвистике. Материалы конгресса по когнитивной лингвистике 16–18 мая 2019 года. – Москва-Тамбов-Нижегород. 2019. С. 267–271.

3. Кржижкова Е. Количественная детерминация прилагательных в русском языке (лексико-синтаксический анализ) // Синтаксис и норма / Отв. ред. Г.А. Золотова. М. 1974. С. 122–144.

4. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/>

5. Duden-online. Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.duden.de>

6. Mathesius V. Zesílení a zduraznění jako jevy jazykově // Čeština a obecný jazykozpyt. Praga, 1947. 463 p.

7. Os van Ch. Aspekte der Intensivierung im Deutschen. Studien zur deutschen Grammatik. Band 37. Tübingen: Narr, 1989. 267 S.

8. Remarque E.-M. Im Westen nichts Neues. KiWi-Taschenbuch, 19. Edition. 2014. 336 S.

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОЕННОГО ПЕРЕВОДА И ЛЕКСИКОГРАФИИ

А.С. Епимахова, М.В. Берендяев, Е.С. Коканова, Н.Ю. Куликов
(Архангельск)

*Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова
a.epimahova@narfu.ru*

Аннотация: В 1920–1930-е гг. в СССР велась деятельность по переводу зарубежной военной литературы. Это позволило опереться на представленный в ней опыт для появления отечественной военной литературы, а также получить информацию об армиях других стран для укрепления обороны. Среди переводчиков были люди, обладавшие глубоким знанием не только языков, но и предметной области. В данной статье рассматривается переводческая и лексикографическая деятельность А.М. Таубе, Б.Э. Шванебаха, В.А. Монигетти.

Ключевые слова: военный перевод, военная лексикография, А.М. Таубе, Б.Э. Шванебах, В.А. Монигетти.

Начало XX века ознаменовалось значительными изменениями как для России, так и для всего мира. После создания СССР требовалось построить регулярную армию в условиях нестабильности, вызванной гражданской войной и угрозой интервенции. К тому же, Первая мировая война показала, что быстрое развитие научной и технической мысли требует новых способов ведения войны. Укрепление и осна-

шение Красной Армии опиралось в том числе и на зарубежный опыт. В 1920–1930-е гг. в СССР отмечался подъем в переводе зарубежной военной литературы. В связи с этим к переводческой деятельности были привлечены «военспецы» – военные специалисты из числа бывших генералов и офицеров русской армии, которые служили в Красной Армии добровольно или по мобилизации [Дусин, 2010, с. 269].

В настоящей статье хотелось бы отметить нескольких переводчиков, которые в дальнейшем внесли значительный вклад в создание учебных пособий по военному переводу, военных словарей, подготовку переводческих кадров в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).

А.М. Таубе довольно широко известен как составитель (в том числе в соавторстве) целого ряда военных словарей; это немецко-русский, англо-русский и французско-русский военные словари, англо-русский военно-морской словарь, немецко-русский артиллерийский словарь. В военное время выпущенные ранее словари дополнялись. Уже в 1941 г. вышла из печати небольшая книжка «Дополнение к военному немецко-русскому словарю А.М. Таубе» (составлено адъюнктами Н.В. Гейн и Е.А. Гофман под редакцией А.М. Таубе). Словарь включает новые термины, а также дополнительные значения слов, уже помещенных в словаре, они взяты «из новейших источников и материалов, полученных Военным факультетом уже в ходе Отечественной войны с германским фашизмом» [Гейн, Гофман, 1941 с. 3]; дополнение было предназначено в качестве пособия для военных переводчиков и войсковых штабов Действующей Красной Армии. В 1944 г. также под редакцией А.М. Таубе опубликован военный русско-немецкий словарь, который «имеет своей целью быть справочным пособием для командиров Красной Армии» [Малинин, 1944, с. 3].

Следует отметить, что уже в предвоенные годы отмечался интерес к специфической военной лексике. Например, в 1934 г. вышел из печати немецко-русский словарь по проводной связи, составленный А.В. Монигетти, который включает и термины из области военной связи, которые отличаются от гражданской терминологии (он отмечает, что ряд терминов имеют варианты перевода или переводятся описательно, так как общепринятых или установившихся соответствий в русском языке на тот момент еще не было) [Монигетти, 1934 с. 3–4]. Вероятно, этот словарь стал логическим продолжением его лексикографической работы: ранее А.В. Монигетти, на тот момент сотрудник инженерно-технической академии связи им. В.Н. Подбельского, составил краткую

немецкую хрестоматию по проволочной связи с алфавитным словарем [Монигетти, 1933].

А.М. Таубе, который является признанным отечественным лексикографом, менее известен как переводчик, а между тем, вероятно, именно переводческий опыт во многом способствовал появлению указанных выше словарей. Его активная переводческая работа вписывается в общий подъем переводной военной литературы в СССР. В 1920–1930-е гг. им был переведен целый ряд изданий по военной тематике, а также А.М. Таубе выступил в качестве редактора книг, над которыми работали другие переводчики. Опубликованные переводы в основном выполнены с немецкого и французского языков, в меньшей степени с английского языка. Всего библиография его переводов насчитывает несколько десятков наименований. Тематика данной литературы включает обобщение опыта Первой мировой войны, указания по подготовке пехотных частей, использование в бою артиллерии и танков, ведение химической войны и пр. Его переводческая деятельность охватывает основные сферы, к которым принадлежали переводные военные книги в СССР 1920–1930-х гг. [Дусин, 2012]. Как указывается в предисловиях к данным изданиям, они крайне полезны для молодого советского государства в условиях, когда еще не появилось своих работ, согласованных с собственным полевым уставом, пока не отработаны решения, которые могут быть применены в различных ситуациях; также необходимо ознакомиться с указаниями по использованию артиллерии, авиации, технических средств, которые активно использовались в период Первой мировой войны и с которыми, как предполагается «неизбежно придется встретиться» [Верховский, 1926, с. 6–7]. Химическое оружие признается новейшей для того времени разработкой и «наиболее научным из всех когда-либо применявшихся способов борьбы» [Ипатьев, 1925, с. 4], поэтому особую актуальность представляет ознакомление с возможностями как его применения, так и защиты от него.

Многие из переведенных А.М. Таубе книг принадлежат к сериям «Библиотека командира» и «Библиотека иностранной военной литературы»; они были изданы Высшим военным редакционным советом, Государственным военным издательством, Государственным издательством, отделом военной литературы.

Несмотря на то, что наибольшая активность А.М. Таубе как переводчика военной литературы, вероятно, приходится на 1920–1930-е гг., она не прекращается и позднее. В частности, в 1946 г. опубликован сокращенный перевод с английского (переводчики А.М. Таубе и

Г.Э. Изаксон) книги Д. Долглейша «Как мы планировали второй фронт». Майор Джон Долглейш – работник британского военного министерства, работавший в штабе, когда планировалось вторжение союзных войск на континент. В своей работе он рассказывает о планировании и обеспечении этой десантной операции [Долглейш, 1946].

На данный момент нам не удалось обнаружить издания, предисловие к которому было бы подготовлено А.М. Таубе как переводчиком (и подписано им). Лишь в одной книге присутствует раздел «От переводчика», который представляет собой скорее расширенный комментарий к переводу помещенный в начале книги [Таубе, 1923]. Тем не менее, его глубокие знания видны благодаря тому, что тексты данных изданий сопровождаются рядом сносок с примечаниями не только редакторов, но и переводчика; данные примечания позволяют прояснить некоторые аспекты текста оригинала, а также связать их с возможностью применения методик обучения, тактических ходов или военных технологий в советской армии, указывают на отличия между организацией армии в разных странах. Некоторые примечания указывают на внутритекстовые связи или, напротив, нестыковки в логике изложения автора; это свидетельствует о том, что переводчик взял на себя труд не только переложить произведение на русский язык, но и дать реципиенту ключи к его анализу. В ряде случаев необходимо бывает пояснить расхождения в принятой терминологии, например: «Для нас эти рассуждения о термине “газовый снаряд” не имеют такого значения, так как в русском языке для этих снарядов с самого начала было принято правильное обозначение – “химические”» [Ганслиан, 1925, с. 6] или «По нашей терминологии “центру сопротивления” соответствует “ротный район”» [Клайо, 1930, с. 20]. Такой интерес к терминологии не может не обратить на себя внимание в связи с дальнейшей лексикографической деятельностью А.М. Таубе.

Среди переводчиков военной литературы также следует назвать имя Б.Э. Шванебаха. Это потомок обрусевшего немецкого дворянского рода, майор бронетанковых войск и уникальный специалист, обладавший глубочайшими знаниями о немецкой армии, которыми он делился с будущими военными переводчиками [Алексеев, Колпакиди, Кочик, 2012, с. 842–843]. Б.Э. Шванебах – автор ряда учебных пособий, в том числе руководства по немецкому военному переводу [Шванебах, 1943], имеет несколько опубликованных переводов. В 1933 г. вышло из печати германское наставление по обучению автомобильных войск (Ч.1. Обучение при автомашине), которое в дальнейшем переиздавалось с переводом

внесенных в оригинал исправлений и дополнений [Германское наставление..., 1937]. Книга включает подписанное переводчиком предисловие к русскому изданию, где обоснован тот интерес, которое оно представляет для советской армии (подготовка водителей, инструкторов, военных экспертов по автоделу), а также раздел «Примечания переводчика», позволяющий, не утяжеляя основной текст, компенсировать пробелы в когнитивном багаже читателя перевода. В 1935 г. опубликован справочник «Танки» (в двух частях) с указанием «перевод с немецкого издания 1935 г., предисловие, специальная редакция и примечания Б. Шванебаха». В предисловии отмечается важность знания вероятного противника, знакомства с его техническими способностями для обороны государства [Хейгль, 1936, с. 12]. Примечания переводчика занимают 40 страниц и фактически дополняют книгу, они сопровождаются рисунками и фотографиями, даже спецификациями танков, не включенных в справочник.

Столь глубокое владение как языковым, так и фактическим материалом говорит о сформированности языковой личности переводчика на всех трех уровнях (согласно модели Ю.Н. Караулова [Караулов, 2007, с. 36]): вербально-семантическом, лингвокогнитивном и мотивационном. Вербально-семантический уровень предполагает владение лексикой, связанной с военным временем. Лингвокогнитивный уровень, охватывающий понятия, идеи и концепты, воплощен в тезаурусе языковой личности военного переводчика и представляет набор терминов конкретной области знаний (в нашем случае – это целый ряд обширных областей, связанных с организационными, стратегическими, техническими вопросами применительно к разным родам войск). Мотивационный уровень связан с деятельностью, необходимой в контексте формирования сильной армии, в том числе это перевод выпускаемой за рубежом литературы и составление актуальных лексикографических источников [Коканова, 2018].

Таким образом, перевод зарубежных военных изданий может быть рассмотрен с целого ряда позиций. Ознакомление с опытом зарубежных стран по ведению боевых действий, разработке и применению новых методов ведения войны, обучению военных кадров различного уровня необходимо было для усиления армии молодого советского государства. Знание боевых тактик и военных технологий возможного противника способствовало укреплению обороноспособности страны. Богатый профессиональный опыт специалистов, работавших над переводами, позволил подготовить качественные издания на русском языке, которые

стали таким образом доступны широкому кругу специалистов. Тем не менее, и сами переводчики, вероятно, извлекли из проработанной литературы значительный объем информации, с одной стороны, расширив свой лексический запас актуальной лексикой (прежде всего, терминологией), с другой стороны, усвоив фактическую информацию. В дальнейшем опыт переводческой и лексикографической деятельности, несомненно, оказался полезен при подготовке молодых военных переводчиков в сложных условиях во время Великой Отечественной войны.

Литература

1. Алексеев М.А., Колпакиди А.И., Кочик В.Я. Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг. М.: Кучково поле. 2012. 975 с.
2. Верховский А. Предисловие к русскому изданию // Кохенгаузен Ф. Вождение войск: Пособие для ст. начальников и их помощников. М.: Государственное военное издательство. 1926. С. 5–7.
3. Ганслиан Р., Бергендорф Ф. Химическое нападение и оборона. М.: Государственное военное издательство. 1925. 206 с.
4. Гейн Н.В., Гофман Е.А. Дополнение к военному немецкому словарю А.М. Таубе. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. 1941. 96 с.
5. Германское наставление по обучению автомобильных войск.: Ч. 1. М.: Воениздат. 1937. 100 с.
6. Долглейш Д. Как мы планировали второй фронт: Внутренняя история планирования второго фронта. М.: Военное издательство министерства вооруженных сил союза ССР. 1946. 132 с.
7. Дусин А.В. Переводческая деятельность «военспецов» в Красной Армии в 1920–1939-е годы // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9. С. 269–272.
8. Дусин А.В. тематика военных переводных книг в СССР (1920–1930-е годы) // Библиосфера. 2012. № 1. С. 55–61.
9. Ипатьев В. Предисловие к русскому переводу // Ганслиан Р., Бергендорф Ф. Химическое нападение и оборона. М.: Государственное военное издательство. 1925. С. 3–4.
10. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ИЛК. 2007. 264 с.
11. Клайо. Боевое применение легких танков в тесном взаимодействии с пехотой. М.; Л.: Государственное издательство. Отдел военной литературы. 1930. 101 с.
12. Коканова Е.С. Языковая личность военного переводчика в аспекте межъязыкового посредничества (1941–1945 гг.) // Язык как отражение духовной культуры народа: материалы родной научной конференции 18–20 октября 2018 г. [сост. В.А. Марьянчик]. Архангельск: КИРА. 2018. С. 224–227.

13. Малинин А.М. Военный русско-немецкий словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. 1944. 176 с.

14. Монигетти А.В. Краткая немецкая хрестоматия по проволочной связи (с алфавитным словарем). М.: Редакционно-издательский сектор ИТАС. 1933. 32 с.

15. Монигетти А.В. Немецко-русский словарь по проводной связи. М.: Редакционно-издательский сектор ИТАС. 1934. 112 с.

16. Таубе А.М. От переводчика // Анжелар. Советы для подготовки пехотных частей к бою в маневренной и позиционной войне. М.: Высший военный редакционный совет. 1923. с. 3–4.

17. Хейгль Ф. Танки: Справочник. Ч. 1. М.: Государственное военное издательство. 1936. 400 с.

18. Шванебах Б.Э. Руководство по немецкому военному переводу: учебное пособие для педагогических институтов иностранных языков (для военных переводчиков). Вып. 1. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1943. 192 с.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ СОЧЕТАНИЙ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

В.В. Епифанова (Москва)

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
valentyuna4@yandex.ru*

Аннотация: В статье приводятся результаты сопоставительного анализа русских и немецких сочетаний, проведённого с использованием аппарата лексических функций-параметров (на примере сочетаний с ключевой лексемой *за-вить*). Используемый подход позволяет выявить эквивалентные и специфические « типовые значения » анализируемых сочетаний, эффективно сопоставить способы вербализации того или иного семантического типа, а также уточнить особенности их употребления в каждом языке.

Ключевые слова: лексические функции-параметры, типовое значение, лексическая сочетаемость

Одним из успешных способов описания сочетаемостных возможностей слов русского и немецкого языков выступает аппарат лексических функций-параметров (далее ЛФ-П) (И.А. Мельчук, А.К. Жолковский и др.), раскрывающих синтагматические свойства слова на основе так называемых « типовых » (абстрактных, общих для большого количества сочетаний) значений: ср. ЛФ-П **Magn** (типовое значение « очень », « в

высшей степени»): русск. **Magn** (*рассматривать*) = *внимательно, пристально*; **Magn** (*сомнение*) = *глубокое, сильное, большое, серьёзное* и др.; нем. **Magn** (*Argument* «довод») = *gewichtiges* «веский», *schlagendes* «разящий», *unschlagbares* «непобедимый», *unwiderlegbares* «неопровержимый» и др.; ЛФ-П **Oper_i** (типовое значение «глагол, связывающий название *i*-го актанта в роли подлежащего с названием ситуации в роли первого дополнения»): русск. **Oper₁** (*влияние*) = *иметь* [*влияние*], **Oper₂** (*влияние*) = *находиться* [*под влиянием*] и др.; нем. **Oper₁** (*Widerstand* «сопротивление») = [N_{Y-DAT} ART ~Acc] *leisten* «оказывать»; **Oper₁** (*Entschuldigung* «прощение») = [N_{Y-ACC} *um* ~Acc] *bitten* «просить» и др. (примеры из [Толково-комбинаторный словарь современного русского языка, 2016], [Мельчук, 2012]). В настоящее время аппарат ЛФ-П успешно используется в учебных словарях комбинаторного типа [Влавацкая, 2013], [Убин, 2020], выступая «одним из основных способов описания комбинаторно-синтагматических свойств слов, позволяющим максимально полно представить элементарные смыслы заглавного слова» [Влавацкая, 2013: 389].

В своём исследовании мы предпринимаем попытку использования аппарата ЛФ-П в ходе сопоставительного анализа сочетаемостных возможностей лексем русского и немецкого языков с целью установления универсальных и специфических (лакунарных для одного из языков) семантических типов сочетаний.

Начнём с определения ключевой лексики анализируемых сочетаний в русском и немецком языках с целью выявления совпадающих и специфических сем: русск. **ЗАВИСТЬ**, и, ж: чувство досады, вызванное превосходством, благополучием другого, желанием иметь то, что есть у другого [Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова, 2000]; *Зависть A1 к A2*: Чувство человека A1 по отношению к человеку A2, чаще неприязненное, возникающее из-за того, что у A2 есть хорошее A3, чем A1 сам хочет обладать, но не обладает, и из-за того, что положение A3 человека A2 лучше, чем у A1. Это чувство обычно не одобряется, поэтому его часто пытаются скрыть [Активный словарь русского языка, 2017]; **NEID**, der; -[e]s. *Gefühl, das jmdn. befällt, wenn ein anderer einen Besitz oder Vorzug hat, den man selbst gern haben möchte, Missgunst* (чувство, возникающее у человека, когда кто-л. другой владеет какой-л. вещью или привилегией, которыми он сам хотел бы владеть, недовольство) [Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache (DWDS)]. Совпадающими семами лексем ЗАВИСТЬ и NEID можно признать следующие: «чувство недовольства», «наличие не менее двух участников»,

«желание иметь то, что имеет другой»). Анализ примеров использования лексемы ЗАВИСТЬ позволяет также выделить семы «неконтролируемость чувства» и «градация силы чувства», что обуславливает наличие в русском языке таких сочетаний, как *лёгкая, слабая, мелкая зависть; неосознанная, невольная зависть* и т.д.

В результате анализа всех выявленных сочетаний русского и немецкого языков с лексемой **ЗАВИСТЬ** к совпадающим ЛФ-П в обоих языках относятся следующие (ЛФ-П условно поделены на некоторые аспекты): 1) характеристика зависти: **Magn**: русск. *большая > огромная, бешеная, дикая, жгучая, жуткая, лютая, мучительная, нестерпимая, острая, сильная, страшная, ужасная, испепеляющая* ~ – нем. *ein brennender* (жгучая), *großer* (большая), *hemmungsloser* (безудержная), *leidenschaftlicher* (страстная), *starker* (сильная), *ungezügelter* (необузданная) ~; **Magn**_{злбно}: русск. *злая, злобная, чёрная* ~ – нем. *ein feindseliger* (враждебная), *galliger* (желчная), *giftiger* (ядовитая), *schwarzer* (чёрная), *tückischer* (коварная) ~; **Ver**_{отсутствие злости}: русск. *белая, добрая* ~ – нем. *ein weißer* ~; **Magn + Manif**: русск. *неприкрытая, нескрываемая, откровенная* ~ – нем. *der blasse/ gelbe* (неприкрытая), *ein blanker* (голая), *bloßer, purer* (чистая), *unverhohlener, unverhüllte* (нескрываемая) ~; **Magn + NonManif**: русск. *скрытая, тайная, тихая* ~ – нем. *ein geheimer, heimlicher, insgeheimer* (тайная), *leiser* (тихая), *verhohlener* (затаённая) ~ и др.; 2) метафорические обозначения зависти: **NonMagn + Sing**: русск. *доля, нотки, оттенки, тень, толика* ~и – нем. *ein Gran* ~ (букв. *гран зависти*; гран – единица аптекарского веса, равная 0, 062 грамма), *eine Portion* ~ (доля ~и) и др.; **Magn + Sing**: русск. *волна, вспышка, прилив, приступ* ~и – нем. *ein Anflug von ~(Dat)* (приступ ~и); **Oper₁(Figur)**: русск. *почувствовать приступ* ~и – нем. *einen Anflug von ~(Dat)* [*auf S_{DAT}*] *verspüren* и др.; 3) действия человека, испытывающего чувство: **Oper₁**: русск. *испытывать, ощущать, чувствовать* ~ [к/ по отношению к S_{DAT}] – нем. *empfinden, fühlen, verspüren* [~(Akk) *auf S_{DAT}, gegenüber S_{AKK}*], ~(*Dat*) *erliegen* (поддаваться ~и); **не хотеть Oper₁**: *бороться с ~ю, подавлять (в себе) ~, сдерживать* ~ – нем. ~(*Akk*) *bezähmen* (сдерживать, укрощать); **Oper₁ + Magn**: русск. *мучиться, терзаться ~ю; выть, задыхаться от ~и, прост. корчиться от ~и, известись, лопнуть, умереть от ~и, прост. сдохнуть от ~и;* – нем. *von ~(Dat) geplagt werden, von ~(Dat) gequält werden* (мучиться от ~и); *vor ~(Dat) blenden* (ослепнуть от ~и), *brennen* (гореть), *sterben* (умереть), *vergehen* (скончаться); **umgangss. salopp vor ~(Dat) platzen** (лопнуть от ~и); **Oper₁ + Manif**: русск. **пазг. побледнеть, позеленеть** – нем. **umgangss. blass, bleich vor**

~(Dat) werden, vor ~(Dat) erbleichen, erblassen (побледнеть от ~и), grün vor ~(Dat) werden (позеленеть от ~и), **salopp gelb vor ~(Dat) werden** (букв. пожелтеть от ~и); **LiquOper₁**: русск. *преодолеть* ~ [к/ по отношению к S_{ДАТ}] – нем. ~(Akk) *bändigen* (обуздать), *besiegen* (преодолеть), *entkräften* (развеять), *loswerden* (избавиться), *überwinden* (преодолеть) и др.; 4) действия иного лица, влияющие на (3): **CausOper₁**: русск. *возбуждать, вызывать, порождать, разжигать* ~ [в S_{ПР}] – нем. [S_{GEN} ~(Akk)] *auslösen* (вызывать), *entflammen* (разжигать), *erregen* (вызывать), *erwecken* (будить), *erzeugen* (вызывать), *hervorbringen* (порождать), *hervorrufen* (вызывать), *provizieren, säen* (сеять), *stiften* (вызывать), *schüren* (возбуждать); 5) как бы «действия» зависти (название ситуации выступает подлежащим в предложении): **Func₁**: русск. *быть* [у S_{РОД} к S_{ДАТ}], *брать* [S_{ВИН}] – нем. *packen* (охватывать) [S_{АКК}], *sprechen* [aus S_{ДАТ}] (букв. *говорить из кого-чего-л.* в значении 'слышится в ком-л./чём-л. '); **Func₁ + Magn**: русск. *глодать* [S_{ВИН}], *мучить* [S_{ВИН}], *сжигать* [S_{ВИН}], *точить* [S_{ВИН}] – нем. *nagen* (грызть), *treiben* (гнать), *plagen* (терзать), *quälen* (мучить), *überkommen* (одолевать) [S_{АКК}]; *fressen* (сжирать) [an S_{ДАТ}], *zehren* (пожирать) [an S_{ДАТ}], *zerfressen* (разъесть) [an S_{ДАТ}]; **IncepFunc₁**: русск. *вспыхнуть, родиться, подняться, шевельнуться* [в S_{ВИН}] – нем. *aufkommen, entstehen* (возникать), *hochkommen/ hochsteigen* (подниматься) [in S_{ДАТ}]; **FinFunc₁**: русск. *проходить* – нем. *aufhören* (закончиться), *durchkommen* (проходить), *verschwinden* (исчезнуть) и др.

Из 108 русских и 103 немецких сочетаний объем совпадающих единиц составляет 72% (151 сочетание, реализующее 22 ЛФ-П):

«Und ich habe nie **einen Anflug von Neid verspürt bei ihm**» (*И я никогда не испытывал приступа зависти к нему*) (Die Zeit, 05.10.2017, Nr. 38) [Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache (DWDS): электронный ресурс]; «Es sei zwischen beiden niemals **Neid aufgekommen**» (*Между ними никогда не возникало зависти*) (www.leonberger-kreiszeitung.de, gesammelt am 03.10.2020) [Лейпцигский корпус немецкого языка: электронный ресурс]; «Geht es vordergründig um Konkurrenz, ist **schwarzer Neid an der Tagesordnung**» (*Когда дело доходит до конкуренции, чёрная зависть является обычным явлением*) (www.heise.de, gesammelt am 28.10.2020) [Там же] и др.

Специфическими лексическими сочетаниями немецкого языка с реализацией соответствующих лакунарных для русского языка ЛФ-П (11% от общего объема анализируемых сочетаний, 9 ЛФ-П) являются следующие: **Ver₁**[*есть причина*]: нем. *ein berechtigter* (букв. *законная* в значении 'обоснованная, справедливая'), *begründeter* (обоснованная) ~;

Ver_[положительное воздействие на субъекта]: нем. *ein konstruktiver* (конструктивная), *positiver* (положительная) ~; **AntiVer**_[нет причины]: нем. *ein falscher* ~ (букв. ложная, неправильная в значении 'неоправданная, зависть без повода'); **Magn + CausContOper**₁: нем. *vor ~(Dat) erblassen lassen* (букв. сделать кого-л. бледным от зависти); **Func**₁[влияние на самоконтроль]: нем. *lähmen* (парализовать) [S_{АКК}]; **Figur**: нем. *geh. der Zahn des ~s* (жало зависти) и др.: «*Nur kein falscher Neid*» (Только не надо необоснованно завидовать) (www.focus.de, gesammelt am 17.07.2020) [Лейпцигский корпус немецкого языка: электронный ресурс]; «*Wir Deutsche loben – mit einer Portion berechtigten Neides – die Nachbarschaft von Politik und Literatur, die in Frankreich einer schönen Gewohnheit entspricht*» (Мы, немцы, – с долей обоснованной зависти – ценим соседство политики и литературы, которое прекрасным образом свойственно Франции) (Die Zeit, 20.04.2000, №17) [Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache (DWDS): электронный ресурс]; «*Doch was dem Bundeskanzler und Parteiführer Adenauer ... gelang, kann alle seine Nachfolger vor Neid erblassen lassen*» (Но то, что удалось сделать канцлеру Германии и лидеру партии Аденауэру ..., может заставить всех его преемников побледнеть от зависти) (Schwarz, Hans-Peter: Anmerkungen zu Adenauer, München: Deutsche Verlags-Anstalt 2005, S. 154) [Там же] и др.

К специфическим русским сочетаниям, реализующим соответствующие ЛФ-П (17% от общего объема анализируемых сочетаний, 10 ЛФ-П), относятся: **AntiMagn**_[ненитенсивно]: русск. лёгкая, слабая ~; **AntiMagn**_[мелкий повод]: русск. мелкая, мелочная ~; **Ver**_[мера чувства]: здоровая ~; **Magn**_[не контролировать]: русск. невольная ~; **Figur**: русск. книжн. огонь ~и; **Sing + Figur**: русск. укол ~и и др.: «*Выросшая в достатке, я с лёгкой завистью смотрю на аристократию – на людей, которые вряд ли подозревают, что в мире существуют неприятности серьезнее того, что служанка перекрахмалила платье на выход*» (Уильям Риттер, Призрачное эхо, 2016) [Национальный корпус русского языка: электронный ресурс]; «*Глядя на старичка, она невольно испытала зависть – представить только, как много книг он подержал в руках и прочитал за всё время*» (Крис Колфер. История о магии, 2019) [Там же]; «*Я не был сторонником утренних силовых тренировок, тем не менее, наблюдая как изгибается гриф под предельным весом, почувствовал укол зависти*» (Виталий Литвин, Проект «Омега». Воспоминания о будущем, 2019) [Там же] и др.

В ходе проведенного исследования были сделаны следующие выводы: 1) совпадающая часть сочетаемостных возможностей лексики ЗА-

ВИСТЬ в обоих языках составляет 72%, что свидетельствует о высокой степени близости языкового сознания носителей обоих языков относительно анализируемого понятия; 2) наиболее многочисленно представленными ЛФ-П в немецком языке (по сравнению с аналогичными ЛФ-П в русском языке) являются следующие: **Magn**_[злбно]: русск. *злая, злобная, чёрная* ~ – нем. *ein feindseliger* (враждебная), *galliger* (желчная), *giftiger* (ядовитая), *schwarzer* (чёрная), *tückischer* (коварная) ~; **Liqu₁Oper₁**: русск. *преодолеть* ~ [к/ по отношению к S_{ДАТ}] – нем. ~ (Akk) *bändigen* (обуздать), *besiegen* (преодолеть), *entkräften* (развезать), *loswerden* (избавиться), *überwinden* (преодолеть); **CausOper₁**: русск. *возбуждать, вызывать, порождать, разжигать* ~ [в S_{ПР}] – нем. [S_{GEN} ~ (Akk)] *auslösen* (вызывать), *entflammen* (разжигать), *erregen* (вызывать), *erwecken* (будить), *erzeugen* (вызывать), *hervorbringen* (порождать), *hervorrufen* (вызывать), *provozieren, säen* (сеять), *stiften* (вызывать), *schüren* (возбуждать) и др.; 3) наиболее высокая частотность употребления по сравнению с эквивалентными сочетаниями в сопоставляемом языке отмечается у следующих сочетаний (сочетание со значительно преобладающей частотностью подчеркнуто): **Ver**_[отсутствие злости]: русск. *белая, добрая* ~ – нем. *ein weißer* ~; **Oper₁ + Manif**: русск. **разг.** *побледнеть, позеленеть* – нем. **umgangss.** *blass, bleich vor* ~ (Dat) *werden, vor* ~ (Dat) *erblassen* (побледнеть от ~и), *grün vor* ~ (Dat) *werden* (позеленеть от ~и), **salopp** *gelb vor* ~ (Dat) *werden* (букв. пожелтеть от ~и) и др.; 4) объём специфических сочетаний русского языка с лексемой **ЗАВИСТЬ** составляет 17%, незначительно превышая количество специфических сочетаний немецкого языка (11%), что объяснимо, в первую очередь, небольшим количественным преобладанием сочетаний с ключевой лексемой в русском языке, а также различием в содержании сем, входящих в значение лексемы в обоих языках.

Литература

1. Активный словарь русского языка / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская и др. / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. Т. 3. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 768 с.
2. Влавацкая М.В. Теоретические основы комбинаторной лингвистики: лексикологический и лексикографический аспекты (на материале русского и английского языков): дис. ... д. филол. наук: 10.02.19. Новосибирск, 2013. 470 с.
3. Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка: опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Изд-е 2-е, испр. М.: Глобал Ком; Языки славянской культуры, 2016. – 544 с.

4. Мельчук И.А. От смысла к тексту. М.: Языки славянских культур. 2012. – 176 с.
5. Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – М., 3-е изд., испр., 2002. 688 с.
6. Убин И.И. Англо-русский и русско-английский словарь лексической сочетаемости. М.: Р.Валента, 2020. 424 с.
7. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Das umfassende Bedeutungswörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Band 8, überarbeitete und erweiterte Auflage. Berlin, Dudenverlag, 2015. 2128 S.
8. Wörter und Wendungen: Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch/ hrsg. von Erhard Agricola überarb. Neufassung der 14. Aufl., 1. Aufl. der Neufassung. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich; Dudenverlag, 1992. S. 818.
9. Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache (DWDS). URL: www.dwds.de
10. Лейпцигский корпус немецкого языка. URL: https://corpora.uni-leipzig.de/de?corpusId=deu_news_2020
11. Национальный корпус русского. URL: www.ruscorpora.ru
12. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Ре-принтное издание. М., 2000 URL: <http://enc-dic.com/ushakov>

СЕМАНТИКА И СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ ROT В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

***Ю.Н. Зинцова, И.В. Матвеева, С.Н. Саможенов (Нижний Новгород)**
Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова
zintsova@mail.ru, iramatweewa@yandex.ru, sesam2301@yandex.ru*

Аннотация: Статья посвящена исследованию особенностей функционирования цветообозначения «rot/ красный (цвет)» в современном немецком газетном дискурсе. Результатом изучения является выявление репрезентирующихся в материалах немецких статей наиболее частотных и новых оттенков значений данного цветоименования.

Ключевые слова: имя прилагательное, цветообозначение, газетный текст, политический дискурс, лексема, лексическая единица, колороним.

Цветообозначениям отводится роль создания особой эмоциональной экспрессивности любого высказывания. Поскольку задачей публицистического текста является наиболее четко и одновременно ярко донести до читателя некие события и явления, в текстах подобного рода ак-

тивно используются цветоименования с целью создания образов, описания явлений, маркирования деталей.

Исследование немецких имен прилагательных-цветообозначений осуществлялось на материале газетных текстов широкой тематики немецкого издания «Bayerische Rundschau» (2009-2020 гг.). Наиболее часто встречающимся колоронимом в исследуемых текстах является красный цвет («rot») [Kaufmann, 2006, с. 151]. Самые частотные интерпретации красного цвета в немецком публицистическом дискурсе соотносятся, в первую очередь, со значениями ‘красный цвет, близкий к оранжевому, цвет крови’ / «von der Farbe frischen Blutes, dem Orange benachbarte Farbe» [Duden, DWDS, Langenscheidt]. Практически половина найденных примеров (134 из 278) охарактеризована данным значением: «*Somit kündigt sich der kommende Frühling auch in der Wohnung schon an. Die Wildform der Tulpen ist übrigens nicht rot, sondern gelb. Bei den Osterglocken dauerte es noch eine Zeitlang, bis man diese schönen Blumen bekommen kann*» [BRU, 2015]; «*Er ist rot, trägt eine blaue Mütze und erlebt jede Menge Abenteuer: der kleine Drache Kokosnuss. Dass wir sie in den Büchern miterleben, verdanken wir einem Jungen*» [BRU, 2017].

Одно из зафиксированных в словаре значений лексемы **rot** имеет непосредственное отношение к немецкой политической системе современной Германии, а именно принадлежность либо к социалистической партии Левых, либо к коммунистической партии, и под.: «zur Linken gehörend (kommunistisch, sozialistisch, sozialdemokratisch, marksistisch; mit kommunistischen oder sozialistischen Prinzipien und Ideen» [Duden, DWDS, Langenscheidt]. Данное значение отражается в 18 газетных контекстах: «*In den Kenyatta-Hochburgen brachen die Menschen in Jubel aus und hüllten sich in Rot – die offizielle Farbe seiner Partei*» [BRU, 2014]; «*Kulmbach Stadt und Land sollten sich von einem schimpfenden Vorstandsmitglied aus Weidenberg nicht kirre machen lassen. Ob Schwarz oder Rot, Gelb oder Grün: Über Parteigrenzen hinweg sind kreative Köpfe gefragt, die konstruktive Vorschläge bringen – um der Region einen "Tag der Franken" zu bescheren, der seinem Namen auch gerecht wird*» [BRU, 2010].

Далее были выявлены примеры, в которых цветообозначение **rot** употребляется в значениях, не зафиксированных в словаре. Наиболее частотным оказалось использование изучаемого цветоименования в значении предупреждения, а именно сигнала об опасности или красного цвета светофора. Таких примеров было обнаружено 76: «*Der zwölf Jahre alte Junge wollte laut Polizeiangaben am Abend zuvor die Straße überqueren, obwohl laut ersten Zeugenaussagen die Ampel rot war*» [BRU, 2020];

«Nach dem verheerenden Smog im vergangenen Winter hatte Peking im Herbst seine Notfallpläne verkündet. So sind bei der höchsten Alarmstufe "Rot" massive Fahrverbote und Fabrikschließungen geplant. Die Pekinger verstehen aber nicht, warum nicht endlich von "Orange" auf "Rot" umgeschaltet wird» [BRU, 2015].

Также были выявлены случаи использования изучаемого колоронима в символических значениях, к которым причисляются цветовая атрибутика флагов и логотипов, флористическая символика, и т.д., например: «Nikolaus Ott, stellvertretender SPD-Ortsvereinsvorsitzender und zweiter Bürgermeister ... erinnerte stichpunktartig daran, was in der zurückliegenden Wahlperiode geleistet wurde: Neubau der Kinderkrippe, beste Voraussetzungen für die Bildung der Kinder in der Grundschule, Anschaffung neuer Kommunal-Fahrzeuge, ... Straßenerneuerungen, Hilfe für den Allgemeinen Sportverein bei bedrängter finanzieller Lage, Logo unter dem Motto "Leben, handeln und bewegen" mit den Symbolfarben Grün, **Rot** und Blau» [BRU, 2014]; «Die Umschläge haben eine lange Tradition in China. Sie sollen böse Geister abwehren. Außerdem ist die rote Farbe wichtig. Denn **Rot** steht in China für Glück» [BRU, 2019]; «Die Farbe **Rot** ist bei der Rose der Liebe vorbehalten. Hegt man eher zarte Gefühle, sollte man auf rosa Rosen zurückgreifen, rät die Florisiten. Auf gelbe Blumengrüße sollte man als Liebesbeweis verzichten. "Gelb wird oft mit Missgunst und Neid in Verbindung gebracht"» [BRU, 2013] (22 контекста употребления).

В процессе анализа немецкого публицистического дискурса были выявлены также некоторые примеры с цветообозначающей лексемой **rot**, используемые с небольшой частотностью в спортивных контекстах, где данная лексическая единица выступает в качестве знака самого серьезного нарушения правил, ведущего к отстранению спортсмена от игры (красная карточка): «Vor 14 000 Zuschauern warf Valentin Porte sieben Tore für Frankreich. Spaniens Joan Canelles vom HSV Hamburg markierte zehn Tore. Der Franzose Luka Karabatic sah in der 53. Minute **Rot** nach drei Zeitstrafen. Anschließend spielte Titelverteidiger Dänemark gegen Kroatien um den Einzug ins Finale» [BRU 2014]; «Der Außenseiter fühlte sich auch bei der Gelben Karte für den überragenden Doppeltorschützen Neymar, der Real Madrids Luka Modric mit dem Ellbogen eine mitgab, ungerecht behandelt. "Das war klar Rot, aber gegen zwölf Mann kann man nicht gewinnen. Wir wurden bestohlen", erklärte Lovren und forderte die Fifa auf, Nishimura zu sperren"» [BRU, 2016] (14 примеров).

Символика красного цвета часто используется для обозначения эмоций и чувств [Зинцова, 2019, с. 52], часто негативного характера (стыда,

стеснения). В ходе исследования было насчитано 11 случаев использования подобных примеров цветонаименования **rot**: «*Kim Fisher (44), die neue "Riverboat"-Moderatorin, fühlt sich heute souveräner als in den 90ern, als sie schon einmal durch die Sendung führte. "1998 war ich 29 und sehr beeindruckbar. Das bin ich übrigens immer noch. Und ich werde auch immer noch schnell rot. Aber ich bringe jetzt nun mal mehr Lebenserfahrung mit und das wird sich bestimmt auch positiv auf die Sendung auswirken", sagte Fisher*» [BRU 2009]; «*Wenn Chefgehälter in den Himmel wachsen, wurmt das auch viele Schweizer. Nun können sie Gehaltsexzesse unter Strafe stellen. Die Wirtschaftselite sieht rot*» [BRU, 2017].

Наиболее редко встречающимся значением колоронима **rot** в немецком газетном тексте оказалось обозначение рыжих волос (3 примера использования): «*Wenn sie ihre lavendelfarbenen Haare abnimmt, die in Wirklichkeit eine Perücke sind, kommen ihre echten Haare zum Vorschein, die in Wirklichkeit rot sind*» [BRU, 2011]; «*Rot gefärbte Haare, ein Lippen-Piercing und ein Nasen-Piercing: Damit sieht Agnieszka Brugger eigentlich gar nicht aus wie eine Politikerin. Die 28-Jährige ist die jüngste Frau im Bundestag. Ist es leicht, Bundestags-Abgeordnete zu werden?*» [BRU, 2019]; «*Rot wohl nur wegen der Farbe ihrer Haare und ihres Ducati-Motorrads, wie der Chef der Landtags-SPD, Markus Rinderspacher, gleich betont*» [BRU, 2014].

Выявленные в ходе данного исследования оттенки значений колоронима **rot** в немецкой публицистике, дают представление о семантике и особенностях функционирования их в современном коммуникативно-информационном пространстве. Цветообозначающие единицы проявляют обычно новые, актуализированные значения именно в газетных текстах, поскольку публицистика является непосредственным отражением действительности. Это позволяет изучить особенности семантики лексемы **rot**, а также сферы функционирования ее значений.

Литература

1. Большой толковый словарь немецкого языка: Для изучающих немецкий язык. / Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. М.: Издательство Март, 1998. 1248 с.
2. Зинцова Ю.Н. Особенности структурно-семантической организации имен прилагательных немецкого языка со значением «rot / красный (цвет)» // Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты. сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной памяти С.Г. Стерлигова. отв. ред. Н.А. Воскресенская. 2019. С. 52–56.

3. BRU: Bayerische Rundschau, 2009–2020. URL: <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/faces/investigation/results.xhtml>.
4. Duden Deutsches Universalwörterbuch. 4 Aufl. Mannheim 2001 [CD-ROM].
5. DWDS (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache): <https://www.dwds.de/wb/gr%C3%BCn#d-1-2-7>.
6. Kaufmann C. Zur Semantik der Farbadjektive rosa, pink und rot. Eine korpusbasierte Vergleichsuntersuchung anhand des Farbträgerkonzepts: Dissertation / Caroline Kaufmann. München, 2006. 369 s.

РАЗЛИЧИЕ ТОНОВ В КИТАЙСКОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО ЯЗЫКА, ИЗУЧАЮЩИМИ КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

*А.Е. Ибраимова (Санкт-Петербург)
Санкт-Петербургский государственный университет
azaliya.i@gmail.com*

Аннотация: В статье представлены результаты онлайн-эксперимента на различение тонов китайского языка носителями русского языка, изучающими китайский язык как иностранный. В качестве материала для эксперимента были выбраны односложные слова, реализующиеся в четырех тонах: Т1, Т2, Т3, Т4. Исследование показало, что у аудиторов возникают наибольшие сложности при различении пары Т2 и Т3.

Ключевые слова: восприятие устной речи, тоны, китайский язык, перцептивный эксперимент, усвоение иностранного языка, носители русского языка.

Из-за малого количества возможных сочетаний звуков в китайском языке важную роль в различении смыслов играют супrasegmentные единицы, наиболее значимыми из которых являются тоны. Для носителей русского языка, изучающих китайский язык, наибольшую трудность представляет произнесение тонов и их различение.

Были проведены исследования по различению китайских гласных и тонов носителями английского языка с разными уровнями владения китайским языком, где проверялось влияние факторов (уровень владения китайским языком, длительность и качество гласных, высота и контур F0 тонов) на трудности в различении данных языковых единиц [Xin Luo et.al, 2014; Yen-Chen Hao, 2018; Yue Wang, 2001].

Исследования проблемы преподавания фонетики китайского языка русским студентам уделяют особое внимание принципиальному разли-

чению фонологической системы китайского и русского языка. [Сюй Лончюань, 2017; Сюй, 2011; Чжу Юцзя, 2017]. Согласные в китайском языке не различаются по звонкости – глухости и твердости – мягкости, что отличает фонологическую систему китайского языка от фонологической системы русского языка. Существует две точки зрения на то, что собой представляет основная неделимая единица звукового строя китайского языка: силлабема (слогофонема) [Иванов, Поливанов, 1930; Касевич, 1983; Щерба, 1974] или фонема [Алексахин, 2006; Румянцев, 1978]. В настоящей статье минимальной различительной единицей в китайском языке будет считаться слог.

Естественная сложность различения тонов, быстро произносимых и не сильно акцентируемых в потоке речи, а также полная или частичная омонимия вызывают трудности для слухового восприятия китайской речи обучающимися. Считается, что чувствительность к звукам речи при освоении второго языка продиктована влиянием первого языка [Yen-Chen Hao, 2018]. Например, русскоязычные студенты при произнесении тонов часто пытаются заменить их ударением, произносят некоторые слоги быстро и редуцированно, как безударные в русском языке [Малышев, 2018].

Большая часть исследований по различению тонов китайского языка была проведена с привлечением участников, говорящих на английском языке. Было показано, что чувствительность англоязычных слушателей к контрастам тонов китайского языка варьировалась в зависимости от акустического сходства контуров тонов, которые нужно было прослушать, и от того, в каких словах были представлены эти тоны: в односложных или трехсложных [Best, 2019]. Основные сложности у носителей английского языка, изучающих китайский язык, возникали при различении 2-го и 3-го тонов и 1-го и 4-го тонов [Yen-Chen Hao, 2018].

В настоящем исследовании рассматривается восприятие тонов китайского языка носителями русского языка: планируется сопоставить результаты с данными, полученными ранее в экспериментах с участием носителей английского языка.

В качестве материала для эксперимента был отобран список языковых единиц, в который входили китайские монофтонги /a/, /i/, /u/, так как для них есть соответствия в русском языке. Они использовались в сочетаниях с согласными /b/, /d/, /m/, составляя следующие слоги: /ba/, /da/, /ma/, /bi/, /di/, /mi/, /bu/, /du/, /mu/. В дополнение к основным стимулам были выбраны дифтонги /uo/, /ao/, /ou/, /ei/, которые в сочетаниях /duo/, /guo/, /gao/, /you/, /mei/ потенциально могут вызывать большие

трудности при различении тонов, чем монофтонги. Стимулы /xing/, /he/, /wan/, /shi/, /ren/ были выбраны как специфические для китайского языка, и, предположительно, наиболее трудные для восприятия. Каждый из этих слогов может представлять собой план выражения как минимум трёх слов китайского языка, в зависимости от того, с каким тоном он будет прочитан (Т1 – высокий ровный тон, Т2 – восходящий тон от среднего уровня к высокому, Т3 – нисходяще-восходящий тон от низкого уровня до среднего, Т4 – нисходящий тон от высокого к низкому уровню).

В ходе подготовки эксперимента была проведена запись отдельных слов и предложений с этими словами. Всего женщиной – носителем китайского языка было записано 300 стимулов: 75 отдельных слов и 75 предложений в прямом порядке, 75 слогов и 75 предложений в свободной последовательности. Мужчиной – носителем китайского языка также было записано 300 стимулов: 75 отдельных слов и 75 предложений в прямом порядке, 75 слогов и 75 предложений в свободном порядке. Оба носителя не являются профессиональными дикторами. В перцептивном эксперименте, который описывается в этой статье, использовались записи отдельных слогов с тонами, произнесенными по порядку.

В эксперименте слоги предьявлялись парами. Каждая пара содержала слоги или с одинаковыми тонами (Т1_Т1, Т2_Т2, Т3_Т3, Т4_Т4) или с разными (Т1_Т2, Т1_Т3, Т1_Т4, Т2_Т3, Т2_Т4 и Т3_Т4). Все пары были распределены по шести протоколам так, чтобы в одном протоколе не встречались одни и те же слоги с повторяющимися тонами. В связи с тем, что некоторые слоги реализуются в китайском языке только с тремя из четырёх рассматриваемых в работе тонов (слог /mu/ реализуется в Т2, Т3 и Т4; слог /he/ – в Т1, Т2 и Т4; слог /gao/ – в Т1, Т3, Т4, слог /ren/ – в Т2, Т3, Т4; слог /mei/ – в Т2, Т3, Т4), сочетания тонов в парах для этих слогов были продублированы. В каждом протоколе были представлены 80 пар слогов: 40 в мужском и 40 в женском исполнении.

Эксперимент проводился на онлайн-платформе pavlovia.org. К участию в эксперименте были привлечены носители русского языка, проживающие в различных регионах России, изучающие китайский язык как иностранный. Общее количество аудиторов – 41 человек, из них 36 респондентов женского пола и 5 – мужского. Уровень владения китайским языком аудиторов: начальный (А1-А2) – 12 человек, средний (В1-В2) – 19, высокий (С1-С2) – 10 человек. Возраст участников – от 16 до 58 лет. У всех участников ведущей рукой является правая рука. В ходе

эксперимента участникам нужно было расположить указательные пальцы левой и правой руки над кнопками компьютерной клавиатуры «D» и «L» соответственно. После прослушивания пары слогов у участников было 5 секунд для нажатия на кнопку D, если, по их мнению, слоги прозвучали «одинаково», и на кнопку L, если прозвучавшие слоги «разные».

На каждый протокол было получено от 21 до 28 ответов. Из 480 пар слогов, предложенных на прослушивание, в 137 парах была совершена хотя бы одна ошибка в различении тонов (общее количество ошибок – 244). Один респондент не допустил ни одной ошибки в различении тонов в шести пройденных протоколах. Респонденты, у которых есть музыкальное образование (15 человек), совершили в общей сложности 70 ошибок (в среднем 4,6 ошибки на одного человека), участники без музыкального образования (26 человек) – 174 ошибки (средний показатель – 6,6 ошибок на одного человека). Участники с начальным уровнем владения китайским языком в общей сложности совершили 85 ошибок (7,1 ошибок в среднем), со средним уровнем – 100 ошибок (5,2 в среднем), участники с высоким уровнем владения языком – 59 ошибок (5,9 ошибок в среднем на одного человека).

Наибольшее число ошибок в различении пришлось на пару тонов T2_T3 – 76 ошибок (31,2% от общего количества ошибок). Этот результат совпадает с результатами исследования, которое проводилось с участием англоязычных респондентов, изучающих китайский язык [Yen-Chen Hao, 2018]. Следующей по количеству ошибок в различении была пара T1_T2 – 36 ошибок (14,8%). Данная пара не выделяется в англоязычной литературе как вызывающая трудности для изучающих китайский язык, что может свидетельствовать о характерной именно для русскоязычных респондентов особенности в восприятии тонов китайского языка. В то же время, пара T1_T4, которая в данном эксперименте была 17 раз (7,0%) ошибочно оценена как «звучащая одинаково», отмечается в исследованиях с участием носителей английского языка как вызывающая трудности. Пары T2_T4, T1_T3 и T3_T4 вызвали 14 (5,7%), 7 (2,9%) и 5 (2,1%) ошибок соответственно.

Неожиданным результатом является большое количество неправильных ответов на пару тонов T4_T4, которая была 44 раза (18,0%) ошибочно идентифицирована как содержащая различающиеся стимулы. На остальные пары с одинаковыми тонами также встречались неправильные ответы, но в меньшем количестве (T3_T3 – 18 раз (7,4%), T2_T2 – 17 (7,0%), T1_T1 – 10 (4,1%)).

Полученные результаты эксперимента на различение тонов при восприятии устной китайской речи носителями русского языка выявили сходство с данными, полученными на материале исследований с англоязычными респондентами, а также дали новую информацию об особенностях восприятия тонов китайского языка носителями русского языка. В дальнейшем планируется проверить эти результаты в эксперименте, в котором будут использоваться не отдельные слова, а предложения.

Литература

1. Алексахин А.Н. Теоретическая фонетика китайского языка: Учебное пособие. М.: АСТ: Восток-Запад. 2006. 204 с.
2. Иванов А.И., Поливанов Е.Д. Грамматика современного китайского языка. Изд. 3-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2003. 304 с.
3. Касевич В.Б. О соотношении незнаковых и знаковых единиц в слоговых и неслоговых языках. Проблемы семантики. М. 1974. С. 120–126.
4. Касевич В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М. 1983. 297 с.
5. Малышев Г.И., Киселевич Я.Е., Митчелл П.Дж. Трудности в изучении фонетики китайского языка русскоговорящими студентами: основные ошибки и способы их устранения. Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов. Т. 23. № 173. 2018.
6. Румянцев М.К. К проблеме слогафонемы. ВМУ. Серия «Востоковедение». № 2. 1978.
7. Сюй Лончюань. Основные расхождения в системах русского и китайского языков, создающие трудности при изучении русского языка китайцами и китайского языка русскими. Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics. Vol. 14. No. 4. 2017. С. 68–71.
8. Сюй С.И. Проблемы преподавания фонетики китайского языка русским студентам. Молодой ученый. Т. 2. № 12. 2011. С. 141–144.
9. Чжу Юцзя. Сопоставление состава согласных звуковых единиц в русском и китайском языках в контексте обучения китайцев русскому произношению. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. №2(68): в 2-х ч. Ч. 1. 2017. С. 210–215.
10. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. 426 с.
11. Xin Luo, Ashmore K.B. The effect of language experience on perceptual normalization of Mandarin tones and non-speech pitch contours. Acoustical Society of America. 2014. Vol. 135 (6). P. 3585–3593.
12. Yen-Chen Hao. Second Language Perception of Mandarin Vowels and Tones. Language and Speech. Vol. 61(1). 2018. P. 135–152.
13. Yue Wang. Dichotic Perception of Mandarin Tones by Chinese and American Listeners. Brain and Language. Academic Press. 2001.

КОММУНИКАТИВНЫЕ БАРЬЕРЫ РЕКЛАМНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ЛИСТОВОК И ГАЗЕТ)

Т.В. Иванова (Саратов)

*Саратовская государственная юридическая академия
tania.iwanova@mail.ru*

Аннотация: В статье анализируется проблема барьеров политической коммуникации. На примере отдельных жанров рекламного текста рассматриваются основные виды коммуникативных барьеров: барьеры восприятия личности кандидата, неоднозначного понимания формулировок, логические и этические барьеры. Обозначаются условия эффективности речевого взаимодействия в газетах и политических листовках.

Ключевые слова: политическая коммуникация, рекламный текст, речевое взаимодействие, коммуникативные барьеры.

В настоящее время практически все виды рекламного воздействия могут быть использованы в политических целях: плакаты, газеты, листовки, фолдеры (складные листовки, как правило, многокрасочные, напечатанные на первоклассной бумаге), стикеры (наклейки с лаконичным текстом), календарики с изображением политических деятелей, девизы, эмблемы, карикатуры, иллюстрации, продукция «директ-мейл» (рассылка писем от имени кандидата) и др.

Традиционными и наиболее информативными остаются листовки и газеты, составленные, как правило, от лица выборного представителя и включающие выдержки из его программы. В отличие от коротких телевизионных роликов и радиосообщений, содержащих предвыборные обращения и призывы, печатная продукция имеет свои преимущества: ее можно прочитать не один раз, в любое время (всегда под рукой), тщательно проанализировать, оценить приведенную в тексте аргументацию и сделать выбор в пользу того или иного кандидата. Поэтому специалисты политической рекламы предъявляют достаточно серьезные требования к составлению листовок, отмечая, что «их качество подсознательно ассоциируется у избирателя с состоянием дел в той партии, блоке и т.п., от имени которого они обращаются к избирателям» [Феофанов, 2001, с. 349].

Рекламный текст политического содержания, коммуникативной задачей которого является оказание воздействия на определенную группу

людей, представляет собой особый тип письменного речевого акта – иллюкутивный акт, характеризующийся адресованностью и целенаправленностью, обладающий перлокутивным эффектом, который способен вызвать положительную или отрицательную эмоциональную реакцию у адресата и побудить его к совершению действия [Остроушко, 2001, с. 14]. Вместе с тем такой текст характеризуется еще одной важной особенностью: он «является спланированным речевым актом: его содержание продумано и подготовлено» [Там же. С. 14]. Поэтому высокий уровень эффективности речевого взаимодействия политических листовок и газет, в первую очередь, обусловлен соблюдением общих принципов речевой коммуникации, убедительностью аргументов, отсутствием коммуникативных барьеров.

Под коммуникативными барьерами понимают «помехи, мешающие осуществлению контактов и взаимодействия между коммуникатором и реципиентом, препятствующие адекватному приему, пониманию и усвоению сообщений в процессе коммуникаций» [Шарков, 2001, с. 466]. Проблема коммуникативных барьеров давно стала предметом научного анализа. Исследователи обозначают причины их появления и способы преодоления в деловом общении [Павлова, Кашаева, 2016] и сфере государственного управления [Карпенко, 2008], учебной и воспитательной деятельности [Филатова, 2017; Шкрылева, 2019], при организации судебного процесса [Буштец, 2020], в электронной коммуникации [Тищенко, 2008] и т.д.

Анализ текстов политической рекламы разных лет показывает, что наиболее частыми становятся коммуникативные барьеры восприятия личности кандидата, неоднозначного понимания формулировок, логические и этические барьеры.

Так, созданию положительного имиджа кандидата способствует включение текстового материала и визуальной информации в виде фотографий, связанных непосредственно с процессом деятельности, или фотографий в кругу семьи, раскрывающих политика как личность: он счастливый семьянин, хороший муж, заботливый отец. Стороны личной жизни, несомненно, вызывают большой интерес у избирателей. Текстовая часть в этом случае представлена в виде предвыборной «легенды», которая содержит биографические данные. Частый недостаток приведенных в современных листовках биографий – схожесть одного политического деятеля с другим, однотипность описаний и недостаточность информации о нем, что способствует появлению информационного барьера. Например:

«Родился в 1965 году. По гороскопу – Стрелец. Русский. Профессиональный журналист с 1993 года. Член союза журналистов в России. Женат.

Родилась в 1962 году в Саратове в семье инженеров-строителей. В 1985 году окончила Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет журналистики. Владеет тремя иностранными языками. Замужем, дочери – 20 и 5 лет.

Русский. Родился 7 апреля 1971 года. Трудовую деятельность начал с 16 лет. Образование высшее (Новочеркасский политехнический институт по специальности «Горный инженер»). Мастер спорта...»

Специалисты рекомендуют составлять предвыборную «легенду» от первого лица и в эмоциональном ключе. Приведем пример из предвыборной газеты: *«Если бы мне предложили начать жизнь с начала, я бы не стал ничего менять. Мне не жаль ни одного прожитого года. Это вовсе не означает, что вся моя жизнь прямая и гладкая, как взлетная полоса.*

Были удачи и разочарования, достижения и потери. Отлично помню, как строился поселок Химиков, помню и школу, и стройотряды в институте, и первые полеты на вертолете. В жизни бывало по-разному. Приходилось грузчиком по ночам подрабатывать, чтобы обеспечить семью.

Мужчина, если природа дала ему силы и способности, обязан работать и постоянно идти вперед. Нельзя стоять на месте. Успех, по моему мнению, приходит к тем, кто целеустремлен и настойчив...

Я привык идти к цели и добиваться успеха, несмотря ни на какие трудности. Я считаю, что время долгих речей и политической демагогии миновало. Неважно, правый ты или левый, зеленый или красный. Важно, что ты сделал и как ты умеешь работать».

Более выигрышными для восприятия оказываются «легенды», в которых используются приемы-символы, способствующие эффективному коммуникативному взаимодействию между кандидатом и избирателями. Например: *«Родился я в первую послевоенную весну, 25 апреля 1946 года. Я не был детдомовцем, но рос я без отца, как и многие миллионы других детей. С момента рождения я всюду шел один, сам, напрямик...*

Прибытие в Москву. И опять материальные затруднения. Опять койки, общежития, вся эта коммунальность, когда по четыре человека живут в одной комнате...»

В этот небольшой отрывок включено сразу несколько символов. Символ «невинной жертвы» – детство прошло в трудные послевоенные годы, что вызывает сочувствие к судьбе кандидата. Символ «человек, который сделал себя сам» – показывает кандидата самостоятельным, целеустремленным, деятельным. Символ «человек из народа» – устраняет барьер между кандидатом и избирателями.

Однако нередко эмоциональность в современных листовках и газетах используется как средство «очернения» политика, причем достаточно действенное: составляют компромат на политического конкурента, используют приемы диффамации (клеветы). И хотя все рекламные коды мира запрещают оскорбление конкурента, не допускают «доводы к личности», в рекламных текстах они достаточно распространены. Продемонстрируем конкретным примером:

«Иван родился в Абхазии, где и поступил в среднюю школу. Его учителя отмечали незаурядные способности рыжего мальчугана. Он мог за полчаса выучить сразу несколько параграфов и получить отличную оценку. Однако закончить десятилетку в стенах родной школы ему не удалось. Этому помешала темная история, в которой до сих пор не поставлена точка.

При невыясненных обстоятельствах погибла одноклассница Ивана, с которой его связывала взаимная привязанность. Сразу после смерти Ирины тень вины упала на Ивана – из-за его взрывного характера. В гневе он не мог контролировать свои действия, мать даже врачам его показывала. Одноклассники его боялись и избегали ссор с ним. Следствию, как водится, помогли зайти в тупик. А наш герой, не доучившись, поспешил покинуть школьные стены, а вскоре и теплый сухумский край». Вряд ли такая история из жизни останется без внимания избирателей и не создаст политику репутацию не порядочного человека, а вместе с тем поспособствует созданию барьера восприятия личности кандидата в результате первого впечатления.

Существенным недостатком емких текстов листовок становятся коммуникативные перегрузки. Специалисты по политической коммуникации предупреждают: если кандидат в своем выступлении, программном заявлении, листовке затрагивает более трех проблем, то актуальность каждой из них снижается. Однако тексты листовок иногда включают девять-десять пунктов, одна часть которых отражает проблемы молодежи, другая затрагивает интересы пенсионеров, третья – работников бюджетной сферы и, наконец, в завершении уделяется внимание проблеме строительства дорог. Подобный вариант, возможно, представ-

лялся бы убедительным только в том случае, если каждая фраза была бы выстроена по схеме «проблема – аргумент – решение». Несоблюдение правила конкретности, шаблонная речь, традиционное использование в листовке безличных конструкций (*важно создавать рабочие места; важно обеспечить льготами; необходимо увеличить заработную плату*) не только не способствуют убеждению, напротив, раздражают читателя, листовка воспринимается только как источник очередных обещаний, поскольку проблемы, перечисленные кандидатом, являются очевидными и понятными всем без исключения, варианты же их решения не приводятся. В этом случае становится неуместным и знак «галочки» в начале каждого пункта, поскольку он призван подтверждать факт выполнения чего-либо намеченного.

Неоднозначному восприятию рекламного текста способствует некорректность отдельных формулировок, несоблюдение причинно-следственных связей. Например, *«Необходимо увеличить заработную плату бюджетникам всех профессий, дотируемых из областного бюджета, чтобы было чем оплачивать услуги ЖКХ»*. Фраза может восприниматься частью аудитории буквально: размера заработной платы хватит только для оплаты коммунальных услуг. Понятно, что автор вовсе не вкладывал подобный смысл, но аргументацию никогда не интересуют наши мысли и идеи, для нее важен результат: произнесенные или написанные утверждения. Еще пример: *«Основной приоритет – это борьба с наркоманией, и выход здесь в возрождении доступных кружков, секций по интересам, особенно детских спортивных площадок в микрорайонах»*. В этом контексте для решения проблемы достаточно организовать кружки по интересам, а не разрабатывать специальные реабилитационные программы и не обеспечивать людей с наркотической зависимостью бесплатным медицинским обслуживанием. Безусловно, и в этом случае автор текста хотел сказать о другом: о проблеме занятости молодежи, организации досуга подростков как возможном способе предотвращения наркомании. Это само по себе понятно, но в таком языковом оформлении фраза получилась неоднозначной.

В содержании одной программы, включенной в листовку, можно выделить случаи взаимоисключающих тезисов, что создает логический барьер, например: *«Основной приоритет – это борьба с наркоманией и Проблемы молодой семьи являются приоритетными»*. Из содержания остается не вполне понятным, что же кандидат считает приоритетным: борьбу с наркоманией или проблемы молодой семьи? Здесь нарушается один из основных логических законов и не учитывается правило аргу-

ментации: доводы не должны быть противоречивыми в пределах рассуждения.

Таким образом, эффективность речевого взаимодействия в политической листовке достигается только при соблюдении следующих условий: соответствие содержания и формы; достаточная аргументация и убедительность положений; соблюдение логических законов при построении текста и точный отбор языковых средств; следование языковым нормам. Эти необходимые условия должны учитываться при выработке определенных методических рекомендаций по составлению политического рекламного текста, поскольку они способствуют созданию «идеального портрета» политика, его имиджа. И от того, насколько тщательно продуман имидж, зависит доверие самих избирателей к кандидату, к его политической позиции и, в конечном счете, их выбор.

Литература

1. Буштец Н.В. Коммуникативные барьеры в суде с участием присяжных заседателей и организационно-правовые способы их преодоления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 4. С. 1169–1186.
2. Карпенко Е.В. Типология коммуникативных барьеров в государственном управлении // Среднерусский вестник общественных наук. 2008. № 2(7). С. 14–16.
3. Остроушко Н. А. Проблема речевого воздействия в рекламных текстах: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2003. 23 с.
4. Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю. Коммуникативная эффективность делового общения: монография. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2016. 169 с.
5. Тищенко В.А. Барьеры общения в электронной коммуникации // Образовательные технологии и общество. 2008. Т. 11. № 2. С. 366–377.
6. Феофанов О. Реклама: новые технологии в России. СПб: Питер, 2001. С. 349.
7. Шарков Ф.И. Коммуникология: основы теории коммуникации: учебник. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°». 2010. 592 с.
8. Шкрылева Ю.С. Исследование коммуникативных барьеров гиперактивных учащихся: результаты эксперимента // Научный аспект. 2019. Т. 7. № 1. С. 768–772.
9. Филагова И.Ю. Коммуникативные барьеры как факторы возникновения конфликтов между учителем и учениками // Информационные и коммуникативные технологии в психологии и педагогике: сборник статей Международной научно-практической конференции, Челябинск, 03 октября 2017 года. Челябинск: Общество с ограниченной ответственностью "Аэтерна", 2017. С. 132–135.

SOCIO-POLITICAL LEXICAL UNITS IN RUSSIAN MASS MEDIA: AN APPROACH TO ITS STUDY

*N.O. Cristiano (Nizhny Novgorod)
Lobachevsky State University
kristiano@flf.unn.ru*

Abstract: An analysis of the language of the modern press testifies to the significant presence of not only news, informational, but also analytical, critical and propaganda materials in it. The article examines the largest lexico-thematic groups of newspaper press in the contemporary Russian media: the political, social and health vocabulary.

Keywords: gazetizm, socio-political lexicon, mass media, the Russian language the National corpus.

Scientific research works devoted to newspaper language and style, as well as to a broader concept – the language of the media, make up a rather wide layer among all linguistic works.

It should be noted that in the very first studies, almost all researchers of the language of the newspaper pointed to its specificity and special functions. For example, Y. Shafir, author of the book "The Newspaper and the Village", published in 1924 by the publishing house "Krasnaya Nov" [Shafir, 1924], includes the language of the newspaper in the most important components of the "newspaper culture".

He points to such a feature of the newspaper language as "the presence of standard speech patterns". According to the author, this is a significant drawback of peasant newspapers, since terms, foreign borrowings (such as *пенарация, меморандум, павильон, декоративность*, etc.) were often unknown to them [Shafir, 1924, p. 12].

An important stage in the study of the newspaper language can be considered the work of G.O. Vinokur's "The Language of the Newspaper" [Vinokur, 1924], which marked the beginning of the functional-stylistic direction in the study of the language of the media. The researcher almost for the first time defines the features of the newspaper language and its differences from other forms of written speech. G.O. Vinokur notes that the newspaper language is characterised "first of all by the fact that it is devoid of an artistic, poetic function and performs strictly and elementary communicative tasks" [Vinokur, 1924].

G.Y. Solganik devoted several works to the study of the language of the newspaper [Solganik, 1968], [Solganik, 1981]. In his works, the scientist seeks to determine the specifics of the mass media language, to define and analyse its most important features. Also G.Y. Solganik reveals the role of the author as a style-forming category of the language of journalism, raises the question of the meaning of modality, since, in his opinion, this is the most important characteristic of the newspaper language.

The enormous value of the works of G.Y. Solganik lies in the fact that he was one of the first to consider modern newspaper vocabulary as a system organised in a special way.

Another direction in the study of the newspaper language and the standard speech formulas present in it was practical stylistics, according to which the newspaper language was studied in terms of compliance with the language norms of the literary language, the choice of synonyms, the use of various layers of vocabulary, etc. Supporters of this direction studied individual words, phrases and set expressions typical of newspapers (i.e. what we today call *gazetizm*).

In the scientific literature there is no unequivocal definition of the concept of "newspaper language" (or, more broadly, the language of the media). In our opinion, the definition given by T.G. Dobrosklonskaya: the language of a newspaper is "a stable intralinguistic system characterised by a certain set of linguo-stylistic properties and features" [Dobrosklonskaya, 2008]. This definition can be completed, given that many modern media publish their publications on the Internet using the possibilities of mixed content: this is a special sign system in which verbal and audio-visual components specific to each type of media are organically combined.

Of course, first of all, the language of the newspaper is based on a journalistic style and relies on written speech. At the same time, the language of print media expands the boundaries of the classical understanding of journalistic style. Language units of special, business, terminological and colloquial speech are actively included in newspaper texts. Thus, the language of the newspaper covers the entire national language.

N.I. Klushina defends the idea that every journalistic text contains an ideologue. The linguistic means of the newspaper are aimed at forming an "image of an enemy" or a "image of a friend", depicting pictures of a bright future or, conversely, an idealised past, i.e. correspond to the ideology spread by the periodical.

Some categories of words are typical for the newspaper, for example, socio-political terminology can often be found in articles: *выборы, инаугурация, предвыборная борьба, праймериз, реформы, гражданское общество, омбудсмен, импичмент, электорат, etc.*

G.Y. Solganik considers socio-political vocabulary to be “a sort of newspaper terminology” [Solganik, 2010, p. 66]. In different periods of the existence of society, it includes various lexical units. Thus, during the period of “perestroika”, the most frequent words were *гласность*, *ускорение*, *демократизация*, *рыночная экономика*, *консенсус*, *разрядка*, etc. as well as negative lexical units – *белоленточники*, *навальнята* (supporters of Navalny), *пропагандон* (usually a pro-government propagandist), *иноагенты*, *политический авантюризм*, *политический банкрот* etc.

For the purposes of this study, 400 words and phrases were selected, which we considered “gazetizms”.

The main sources for identifying “gazetizms” were the websites of Russia’s most popular newspapers (materials for 2019–2020) and the National Corpus of the Russian Language (coverage 2000–2019)

To achieve our goals, we selected the sites of the most famous and popular Russian newspapers. These are publications such as «Аргументы и факты», «Ведомости», «Известия», «Комсомольская правда», «Коммерсантъ», «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Новая газета», «РБК-дейли», «Российская газета», «Труд-7».

A comparative analysis of the presence of newspaperism in the Main and Newspaper Corpora of the National Corpus of the Russian Language was carried out, taking into account the scope of functioning of the selected language unit. A large number of documents and entries in the Newspaper Corpus (significantly more than in the Main Corpus) gives reason to attribute the word or expression to “gazetizms”.

All identified “gazetizms” were analysed from the point of view of being assigned to a specific thematic group.

Singling out thematic groups, we based the definition of thematic groups on the following understanding of this concept: it is a collection of words related to different parts of speech, but united by one common, often considered abstract category, which correlates with the logical and conceptual characteristics of objects, connections and relationships in the real world.

Analysing the selected “gazetizms” (400 units), we divided them into 16 lexical-thematic groups (Politics, Society, People/Relationships, Characteristics/Evaluation, Communication, Economics, Power/Management, Health, Technology, Ideology, Creativity/Art, Time, Geography, Objects/Infrastructure, Substance, Sport).

The lexical-thematic group (hereinafter LTG) – “Politics” is the most numerous group of “gazetizms” (we identified 101 units, which is 25.25% of the total), which is quite understandable, since newspapers are primarily

sources of socio-political information. Certain political strategies are carried out through newspapers, they publish political propaganda, political analytics, foreign and domestic policy news, interviews with politicians, etc. There is a large amount of political vocabulary in the listed materials.

A large group of political “gazetizms” is made up of lexico-semantic groups of a narrower focus. For example, LSG “Political forces and parties” (*активист, голубые каски, либерал, оппозиция, политическая сила, etc.*), “Political associations and unions” (*альянс, коалиция*), “Political actions and activities” (*атака, бесчинства, блокировать, бойкот, гонения, давление, дестабилизация, интервенция*), “Events in the sphere of politics” (*бархатная революция, гибридная война, холодная война, цветная революция, etc.*), “Foreign policy” (*внешнеполитические приоритеты, двойные стандарты, дружеские государства, международная обстановка, международный опыт, мирные переговоры, мирный диалог, недружественный, нейтралитет, санкции, санкционная война, etc.*), “Domestic policy” (*военное положение, мера, охота на ведьм, etc.*), “Elections” (*голова избирателей, избирательная инженерия, отдать свой голос, etc.*).

LTG "Society" – one of the most numerous, included 55 newspapers (13.75% of the total number of selected units). The general semantics of the units that made up this LTG is human community, society, a system of social structures, functions and relationships in which the forms of people's association that have developed in the process of their interaction are realized. In this group, we included “gazetizms” that denote a certain state of society (*атмосфера, барьеры, беспредел, etc.*), the results of any (someone's) actions that affect a large number of people (*wow-эффект, абсолютный рекорд, etc.*), designations of various interactions with the society (*брать в свои руки, бросаться на амбразуру, бросить вызов, бросить тень, внести вклад, вывести на какой-либо уровень, вызвать возмущение, вызвать интерес, вызвать недовольство, etc.*).

In LTG "Health" we included 16 lexical units (4%). In 2020–2021 in connection with the pandemic, LTG "Health" has significantly expanded due to the creation of new words (*Covid-диссидент, Covid-отрицатель, антипрививочник, вакцинальный туризм, etc.*). On the other hand, already known words received a new meaning (or shades of meaning), acquired a high frequency – *изоляция, карантин, локдаун, самоизоляция, etc.*

References

1. Dobrosklonskaya T.G. Mass media language / T.G. Dobrosklonskaya; Moscow state. un-t im. M.V. Lomonosov, Fak. in. lang. and regional studies. Moscow: Univ. Publ., 2008. 115 p.

2. Klushina N.I. Stylistics of publicistic text / N.I. Klushina. M.: Media-Mir: Faculty of Journalism, Moscow State University, 2008. 242 p.
3. National corpus of the Russian language. URL: <https://ruscorpora.ru/>
4. Solganik G.Y. Newspaper vocabulary: functional aspect / G.Y. Solganik. M.: Higher school, 1981.
5. Solganik G.Y. About the language of the newspaper / G.Y. Solganik. M.: Moscow University, 1968. 48 p.
6. Solganik G.Y. Practical stylistics of the Russian language / G.Y. Solganik. 4th ed., ster. M.: Academia, 2010. 298 p.
7. Shafir Y. Newspaper and village / Y. Shafir. 2nd ed., add. M.; L.: Krasnaya nov', 1924. 144 p.
8. Vinokur G.O. The language of our newspaper / G.O. Vinokur // LEF. 1924. No. 2 URL: <http://www.ruthenia.ru/sovlit/j/2979.html>.

Артикль с точки зрения коммуникативного и когнитивного подходов к изучению грамматики

***В.С. Лоханов** (Нижний Новгород)*

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
styx123@mail.ru*

Аннотация: В статье предпринимается попытка продемонстрировать возможность и значимость изучения грамматических явлений с точки зрения их потенциала к реализации концептов культуры и в их взаимосвязи с особенностями мышления представителей данной культуры на примере изучения особых случаев использования артикля в английском языке.

Ключевые слова: артикль, концепт, ментальность, тагмема, коммуникация.

Изучению артикля и его функции в английском языке посвящено очень большое количество исследований. Многие из них совершенно справедливо описывают его функцию указания «определённости» или «неопределённости» объекта. Очевидно, что артикль, даже не являясь полнозначной частью речи, обладает очень важной коммуникативной функцией. В данном случае интересным является тот факт, что в английском языке практически невозможно найти пример «грамматически» неверного использования артикля (за исключением некоторых устойчивых сочетаний). Практически все правила его употребления ограничиваются уместностью либо неуместностью

употребления в каждой конкретной ситуации. С точки зрения тагмики для артикля можно выделить тагмему «детерменанта», которую также могут заполнять некоторые местоимения и существительные в притяжательном падеже. Данная тагмема функционирует как «определитель существительного» и интересна она тем, что в английском языке, зачастую, не существительное «требует» употребления артикля, местоимения или существительного в притяжательного падеже в препозиции, а напротив, артикли и подобные ему части речи определяют как сам тот факт, что в постпозиции относительно них находится существительное (либо часть речи, которая в данном контексте функционирует как существительное (*take a five, get a go*), так и коммуникативную значимость данного существительного. Данная тагмема служит реализации как когезии, так и когерентности текста, следовательно, основной её функцией можно считать функцию модальности, так как она, определяет связь содержания высказывания с реальностью. В подходящих контекстах будет уместно и *red ball*, и *a red ball*, и *the red ball*, хотя если ориентироваться исключительно на грамматические правила, верным было бы только употребление неопределённого артикля в классифицирующей функции, так как определение *red* в подавляющем большинстве случаев является описательным, а не лимитирующим.

Однако, существуют случаи, выходящие за рамки подобного ситуационно-обусловленного употребления артикля. Часто это те случаи, которые принято объяснять в школах фразой «надо просто запомнить». Конечно, в школьном образовании важен принцип аппроксимации, но как ещё объяснить, например, отсутствие артикля во фразе *to go home* и его наличие во фразе *to go to the house*?

В данной работе предпринята попытка доказать, что особенности употребления артикля имеют не только коммуникативную природу, но и концептуальную. Иными словами, являясь лексико-грамматической единицей, артикль служит одним из способов реализации концептов в языке и речи. Так, слово *home* в английском языке функционирует отменно от других слов, обозначающих здания. Этот феномен можно объяснить особой значимостью понятия/концепта *home* для английской культуры. Среди прочего можно отметить, что пара *home – house*, в некотором смысле, реализует более общую концептуальную пару «своё-чужое». С грамматической точки зрения это разделение выражается в употреблении личных местоимений, а также нулевого артикля в случае «своё» и артикля при указании на «чужое».

Стоит отметить, также, что данный случай может быть соотнесен со случаями употребления существительных относящихся к группе «социальные институты», ведь в высказываниях со словом *home* речь идет об отнесенности к состоянию, способу времяпрепровождения, действию, ассоциируемому с местом, а не непосредственно о месте, как в случае высказываний со словом *house*. Данная ситуация с употреблением артикля наблюдается со всеми подобными словами: если автор высказывания имеет непосредственное отношение к данному социальному институту, является его «частью», т.е. «своим», артикль не используется, в то время как отсутствие этой непосредственной связи предполагает наличие артикля. В тоже время, с точки зрения тагмемики данную ситуацию можно рассмотреть следующим образом: заполненная таггема «детерминанта» обозначает использование в постпозиции существительного, в то время как её отсутствие говорит, возможно, о том, что в постпозиции находится не совсем существительное. Точнее существительное, лишённое ряда своих признаков, и скорее обозначающее действие, нежели предмет или явление. Принимая во внимание важность социальных институтов, можно говорить о специфической реализации концептуальных сценариев, связанных с данными институтами.

Не менее отчетливо та же тенденция наблюдается и в употреблении артикля со словами, обозначающими родственников, части тела и одежды, когда наличие артикля причисляет детерминируемое существительное к классу «чужих».

Безусловно, в данном случае можно отметить, что реализация пары «своё – чужое» не так уж далеко отходит от понятий «определённость – неопределённость», и, возможно, это не столько реализация концепта, сколько частный случай реализации коммуникативной функции. Однако, за «определённость» в случае с именами нарицательными указывает определённый артикль, на неопределённость – «неопределённый», в то время, как в упомянутых выше примерах, «определённость» реализуется через нулевой артикль, что более характерно для имён собственных. Более того, в случае имён собственных артикль так же может обозначать качества «своего и чужого», т.к. неопределённый артикль во фразах типа *there was a John to help her* явно дистанцирует от говорящего, т.е. обозначает «чуждость» этого самого Джона.

Кроме того, что наличие/отсутствие артикля может способствовать реализации концептуальной пары «своё – чужое», оно также может иметь непосредственное отношение к реализации такого немаловажного концепта в английской культуре, как «классовое деление». Как извест-

но, имя собственное модифицированное прилагательным обозначающим название профессии употребляется с артиклем по общим правилам. Однако есть исключения, а именно те случаи, когда профессия также является титулом, рангом, военным званием (ср. *a writer Wilde*, но *Doctor Smith*). Можно предположить, что этот феномен, пусть и отчасти, объясняется исключительным положением привилегированных лиц и, вероятно, приверженностью англичан к традициям, что отражается в языке даже на грамматическом уровне.

Данные предположения интересно рассмотреть и с точки зрения теории лингвистической относительности, которая, в несколько изменённом и адаптированном варианте, приобретает в последнее время всё большую и большую популярность. Однако, большинство учёных уделяет внимание, практически исключительно, взаимосвязи мышления и лексического состава языка, что, конечно, неудивительно, ведь в особенностях лексики подобную связь прослеживается наиболее отчётливо. Тем не менее, грамматический строй языка, как наиболее статичный его элемент, может так же предоставить немало сведений об особенностях мышления и ментальности представителей различных культур. Примерами грамматических реализаций концептов могут послужить специфические формы глаголов в английском языке, которые, кроме простого обозначения действия, имеют дополнительные смыслы: «вежливость» (*Future continuous*) или «предположение» (*Future perfect continuous in the past*), что, в контексте английской культуры, также может относиться к концепту «вежливость», так как даёт говорящему возможность не навязывать своё мнение. На тесную взаимосвязь грамматических явлений и особенностей мышления также указывают строгий порядок прилагательных, принадлежность существительного к определённому роду (несмотря на то, что в современном английском род не является грамматической категорией) и т.д.

Возвращаясь к артиклю, можно обратить внимание и его взаимосвязь с другими концептами. Так, размышляя об особой значимости воды/водной стихии в английской культуре, можно опереться, в том числе и на тот факт, что практически все географические объекты, связанные с водой (как и названия судов), употребляются в английском языке с определённым артиклем в стандартных ситуациях общения. Не менее интересным с точки зрения подобной взаимосвязи может оказаться и особенность употребления артикля с существительными после глагола *play* (*to play football – to play the violin*), где (в рамках синтаксиса) только лишь наличие/отсутствие артикля обозначает разницу между

названием игры и названием музыкального инструмента, а, следовательно, обозначает принципиально разные занятия, иными словами, служит грамматическим средством реализации различных когнитивных сценариев. Хотя подобные примеры и требуют более подробного изучения, считать их простыми случаями корреляции, видится, довольно поверхностным.

В заключении, хотелось бы отметить, что вышеупомянутый подход, а именно подход к изучению грамматики в целом и артикля в частности с точки зрения потенциала грамматических явлений реализовывать концепты культуры и ментальность её представителей, ни в коем случае не призван заменить структуралистский, коммуникативный и другие подходы, но призван дополнить их, чтобы осталось как можно меньше случаев, которые «надо просто запомнить».

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Т.С. Малышева (Нижегород)

*Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
t.s.malysheva@flf.unn.ru*

Аннотация: Статья посвящена вопросам, связанным с ролью социальной компетенции в процессе формирования вторичной языковой личности. В работе определяются умения, лежащие в основе социальной компетенции студентов-филологов, их социально-личностные качества, оказывающие влияние на процессы социального взаимодействия. В статье выделяются этапы и способы формирования социальной компетенции на занятиях по иностранному языку; рассматриваются формы организации аудиторной работы студентов.

Ключевые слова: социальная компетенция, социальное взаимодействие, вторичная языковая личность, формы работы.

В структуре иноязычной коммуникативной компетенции (ИКК) ведущая роль принадлежит лингвистической и дискурсивной компетенциям, что вполне оправдано, поскольку именно благодаря лингвистическим знаниям, речевым навыкам и умениям обучающихся становится возможным их полноценное участие в коммуникации на изучаемом иностранном языке. Однако, нельзя недооценивать и другие составля-

ющие ИКК, которые способствуют формированию вторичной языковой личности. В данной статье будет рассмотрена роль социальной компетенции в планировании и реализации речевого и неречевого поведения обучающихся, ее составляющие и способы формирования на занятиях по иностранному языку.

Важная роль социальной компетенции в современном обществе подтверждается тем, что на рынке труда сегодня востребованы не только профессиональные знания и умения, но и социально-личностные качества будущих сотрудников. Федеральный государственный образовательный стандарт предъявляет высокие требования к подготовке специалистов, подчеркивая значимость таких компетенций, как способности осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде, организовывать и руководить работой команды, использовать стратегии сотрудничества для достижения поставленной цели и др.

Одним из важных качеств вторичной языковой личности, формирование которой является одной из главных целей обучения иностранному языку, считается ее способность и готовность вступать в аутентичное общение на изучаемом иностранном языке, т.е. в социальное взаимодействие с носителями языка. Социальное взаимодействие представляет собой совокупность взаимообусловленных социальных действий, связанных причинно-следственной зависимостью [Социология..., 2001, с. 259], и проявляется в трех основных формах: кооперации/сотрудничестве, конкуренции/соперничестве и конфликте. Для успешного формирования социальной компетенции на занятиях по иностранному языку необходимо развивать первые две формы совместной деятельности студентов. Однако, и искусственно созданный конфликт, осознаваемый обучающимися как форма организации учебной речевой деятельности, может являться составляющей учебно-речевой ситуации и стимулировать участников социального взаимодействия к совместному решению коммуникативных задач.

Одной из главных предпосылок к участию в социальном взаимодействии является мотив, т.е. потребность и готовность вступить в совместную деятельность для достижения определенной цели. Мотивация, как известно, может быть внешней и внутренней. Большинство студентов, в силу своего возраста и накопленного жизненного опыта, руководствуется в учебной деятельности внутренними мотивами, связанными с необходимостью профессионально ориентированной практической подготовки. Стремление овладеть профессиональной компетенцией, умением работать в команде, внося посильный вклад в достижение общей

цели, стимулирует обучающихся к вовлечению в совместную учебную работу. Но нельзя недооценивать и внешнюю мотивацию, которая, выражаясь в поощрении и поддержке со стороны, как преподавателя, так и партнеров по взаимодействию, является не менее мощным стимулом к овладению социальными умениями и качествами. Именно парная и групповая форма работы помогают студентам преодолеть скованность, неуверенность в себе, боязнь подвергнуться критике за совершенные ошибки.

Организация парной и групповой работы на занятиях начинается с формирования команд. Как показывает практика, у студентов внутри учебной группы существуют сложившиеся симпатии, предопределяющие стремление к выбору партнера по коммуникации или команды в целом. На начальном этапе работы следует, на наш взгляд, предоставлять студентам право такого выбора для снятия психологических трудностей и создания благоприятной рабочей атмосферы на занятии. Однако, в дальнейшем необходимо варьировать состав групп, используя для этого различные приемы (жеребьевки, считалки и т.п.), с целью расширения поля социального взаимодействия каждого студента.

По количеству субъектов социальные взаимодействия делятся на: 1) взаимодействия двух индивидов; 2) взаимодействия одного индивида со многими; 3) взаимодействие многих индивидов со многими или взаимодействие между двумя группами [Сорокин, 1992]. В практике преподавания иностранных языков этим видам соответствуют: парная, групповая (в малых группах) и коллективная форма работы. Парная форма работы может использоваться для работы с двусторонними карточками, репродукции и продукции диалогических текстов, работе с взаимодополняющими текстами, формулировании аргументов и контраргументов и др. Групповая работа целесообразна для аспектной проработки текстов и тем, постановки ролевых игр, разработки заданий и упражнений для других обучающихся, проектов и т.д. Коллективная форма работы оптимальна для проведения дискуссий, опросов, анкетирования, сбора информации для составления статистики ит.п.

Прежде чем перейти к рассмотрению структуры социальной компетенции, необходимо обратиться к ее определению. Федеральный государственный стандарт высшего профессионального образования рассматривает компетенцию как «способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области» [ФГОСВПО, 2009, с. 70]. Словарь методических терминов и понятий Э.Г. Азимова, А.Н. Щукина дает следующую

дефиницию данному термину: «Совокупность знаний, навыков, умений, формируемых в процессе обучения той или иной дисциплине, а также способность к выполнению какой-л. деятельности на основе приобретенных знаний навыков, умений» [Азимов, 2009, с. 107]. А.В. Хуторской рассматривает компетенцию как сложное образование, представляющее собой совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), которые задаются по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимы для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним [Хуторской, 2011]. Таким образом, ключевыми словами в определении компетенции выступают **знания, навыки, умения и личностные качества** обучающихся. Рассмотрим эти составляющие в рамках социальной компетенции.

Вступая в социальное взаимодействие обучающиеся должны руководствоваться системой знаний о нормах и принципах социального взаимодействия, стратегии сотрудничества, стилях и манерах общения, а также способах достижения поставленной перед ними цели. Приобретение данных знаний обеспечивается междисциплинарным подходом в образовании. Знания, полученные в ходе изучения таких дисциплин, как психология, социология, социолингвистика, педагогика и др., а также личный жизненный опыт студентов формируют основу для развития следующих, необходимых для успешной совместной учебной деятельности, умений:

1. Умение осознавать цель и ожидаемый/планируемый продукт совместной деятельности. В качестве цели может выступать, например, обогащение системы лингвистических и лингвострановедческих знаний, тренировка языковых (фонетических, грамматических, лексических), речевых навыков и умений, а в качестве продукта - диалогическое высказывание, письменный текст, разработанное упражнение, сформулированные в тезисной форме выводы, проект и т.д.

2. Умение планировать совместную деятельность, определяя этапы решения поставленной задачи, распределять учебные поручения, роли, языковой и речевой материал и т.д.

3. Умение критически оценивать промежуточный результат совместной деятельности и в соответствии с оценкой развивать и корректировать дальнейшие действия.

4. Умение объективно оценивать лингвистический и жизненный опыт всех партнеров по взаимодействию, в т.ч. свой собственный, с целью его использования в совместной работе.

5. Умение оценивать личностные качества и способности партнеров по взаимодействию и эффективно направлять их в общее русло для решения совместной учебной задачи.

6. Умение правильно оценивать и преодолевать возникающие в ходе совместной работы трудности, связанные с индивидуальными, национально-культурными, социокультурными особенностями партнеров, а также их конфессиональными и идеологическими убеждениями.

7. Умение объективно/критически оценивать конечный результат и созданный продукт совместной деятельности, а также вклад каждого партнера по взаимодействию в общее дело.

8. Умение внимательно и непредвзято выслушивать партнеров по взаимодействию, их точку зрения и аргументы.

9. Умение признавать правоту партнера и собственные ошибки.

10. Умение открыто вести диалог, переспрашивать, уточнять, запрашивать и сообщать информацию.

Очевидно, что данные умения так или иначе входят в структуру других составляющих иноязычной коммуникативной компетенции, демонстрируя интегративный характер последней.

Положительное влияние на развитие социальной компетенции оказывают и способности, и качества обучающихся, с одной стороны, необходимые для успешной реализации совместной деятельности, а с другой стороны, развивающиеся в самом процессе социального взаимодействия. К таким качествам можно отнести:

1. Ответственность за собственный вклад в достижение цели и за совместную деятельность, направленную на решение поставленной задачи.

2. Сознательность и активность на всех этапах осуществления совместной деятельности.

3. Критическое отношение к собственным действиям и действиям партнеров в ходе осуществления совместной деятельности.

4. Уважительное отношение к партнерам по команде, их мнению и идеям.

5. Толерантное отношение к возможным психологическим, национально-культурным, социокультурным, индивидуально-ценностным, конфессиональным и иным особенностям партнеров по взаимодействию.

6. Командный/ корпоративный дух.

Формирование социальной компетенции в рамках учебного процесса может иметь *непроизвольный* и *управляемый* характер. В первом слу-

чае у студента возникает необходимость разрешения противоречия между личностным и коллективным, когда он осознает, что его индивидуальные действия в рамках аудиторной работы вовлечены в деятельность всей группы, и самостоятельно ищет пути к партнерству и сотрудничеству для достижения индивидуальных учебных целей. Для того, чтобы внутрigrупповая интеграция и кооперация проходили более успешно, преподаватель со своей стороны должен осуществлять внешнее управление данным процессом. На **ознакомительном** этапе студенты получают информацию о целях, задачах и специфике организации парной, групповой и коллективной работы на занятии по иностранному языку. Здесь возможно применение памяток и инструкций, объясняющих алгоритм действий, а также правила и принципы совместной учебной работы. На последующем **операционном** этапе студенты решают поставленную перед ними учебную задачу, развивая и совершенствуя социальные навыки и умения. На заключительном **рефлексивно-оценочном** этапе происходит: 1) критический анализ и оценка: а) уровня достижения поставленной цели; б) собственного вклада и действий партнеров, направленных на решение поставленной задачи; 2) выявление причинно-следственных связей, приемов, обусловивших успех/неудачу в решении поставленной задачи; 3) поиск путей оптимизации дальнейшей совместной деятельности.

Подводя итог, можно утверждать, что социальная компетенция, во-первых, имеет большое значение для формирования вторичной языковой личности студентов; а во-вторых, с одной стороны, занимает место в ряду целей обучения, а с другой стороны, является средством, необходимым для успешного взаимодействия обучающихся с партнерами для решения поставленных задач в настоящей учебной и будущей профессиональной деятельности.

Литература

1. Азимов Э.Г., Шукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР. 2009. 448 с.
2. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Соколова; Пер. с англ. М.: Политиздат. 1992. 543 с.
3. Социология для технических вузов / Под науч. ред. др. филос. наук проф. С.Н. Яременко. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2001. 416 с.
4. ФГОСВПО – Федеральные Государственные Образовательные Стандарты Высшего Профессионального Образования: законодательно-правовая база проектирования и реализации. М.: Исследовательский центр проблем качества

подготовки специалистов, Координационный совет УМО и НМС Высшей школы, 2009.

5. Хуторской А.В. Определение общепредметного содержания и ключевых компетенций как характеристика нового подхода к конструированию образовательных стандартов // Вестник Института образования человека. – 2011. – № 1. URL: <https://иоч.рф/journal/2011/Eidos-Vestnik2011-103-Khutorskoy/>

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ СЕТЕВЫХ МЕДИА СООБЩЕСТВ

Н.В. Мамонова (Челябинск)

*Челябинский государственный университет
natalya-mamonova@rambler.ru*

Аннотация: Статья посвящена оценке сетевых медиа сообществ как коллективного субъекта. Представлены статистические данные популярности сетевых сообществ в таких социальной сети как «В Контакте» и в мессенджере «Telegram».

Ключевые слова: сетевые сообщества, медиа, дискурсивные практики, социальная сеть, мессенджер, В Контакте, Telegram.

Появлением человека информационной эпохи «Homo informaticus» всецело связано с такой разновидностью дискурса как Интернет-дискурс. Новые дискурсивные практики возникают под действием новых условий и необходимости адаптироваться и достигать новые актуальные цели, отражающие вызовы современных технологий.

Публикации медиатекстов как интегративных многоуровневых знаков, объединяющих «в единое коммуникативное целое разные семиотические коды» демонстрируют «принципиальную открытость текста на содержательно-смысловом, композиционно-структурном и знаковом уровнях» [Казак, 2012, с. 323]. Медиатекст включает в себя широкий спектр различных факторов: речь, видео, музыку, звуковые эффекты, изображения и представляет собой «любой структурированный медиaproдукт или средство коммуникации, включающее в себе как печатное, так и аудиовизуальное размещение, которое можно проанализировать и деконструировать» [Bell, 1996, с. 3]. Многоканальность воспроизведения информации «в поликодовых текстах предоставляет адресату выбор наиболее комфортных для него спосо-

бов восприятия специализированного контента» [Волкова, 2021, с. 22].

Бурное развитие сетевых сообществ вовлекло средства массовой информации в борьбу за своего читателя / зрителя / подписчика в дискурсивное пространство социальных сетей и мессенджеров. Наиболее популярными по объему публикуемого русскоязычного контента на 14 марта 2022 года являются социальная сеть «В Контакте» и кроссплатформенная система мгновенного обмена сообщениями «Telegram» [Черный: электронный ресурс].

Рассмотрим некоторые публикации медиатекстов в сетевых медиа сообществах. Например, Интернет-СМИ «ВЕСТИ», публикующее новости "Вестей", телеканалов "Россия 24" и "Россия 1". В данном источнике предлагаются идентичные новости на разных платформах. Мы рассмотрим медиатекст, опубликованный на каналах «В Контакте» и «Telegram»: *«Рано утром ВСУ обстреляли Петровский район Донецка, выпустив четыре мины калибром 120 миллиметров. А ночью был открыт огонь из "Градов" по жилым домам в Ленинском районе города – на улице Муравьева повреждены жилые дома. Пострадал ребенок. На освобожденных ранее территориях Донецкой республики ранены 43 мирных жителя. Большинство пострадавших – в Мариуполе. Кроме того, из «Градов» был обстрелян населенный пункт Донецкий в ЛНР»* (https://vk.com/vesti?w=wall-24136539_6383131).

В социальной сети «В Контакте» данный пост получил 92 реакции, 50 комментариев, 13 репостов и 27 К просмотров, в то время как в «Telegram» 621 реакция, 33 комментария, 41.1 К просмотров. В данном образце упоминаются лексические единицы, представляющие доминирующие смысловые компоненты, такие как *обстреляли, был обстрелян, открыт огонь, повреждены жилые дома, пострадал ребенок, ранены 43 мирных жителя, большинство пострадавших*, ассоциирующиеся с проведением спецоперации.

Подобные коннотации улавливаются и в ином текстовом примере сетевого медиа сообщества «ВЕСТИ»: *«Сергей Аксенов предложил "очистить" русский язык от англицизмов. По словам главы Крыма, сначала необходимо прекратить использовать английские слова в российских школах, а потом исключить их из названий отечественных предприятий. "Внутри страны нам необходимо полное очищение от чужих смыслов. Начать следует с очищения нашего языка, речи и образовательного процесса от англицизмов, которые зачастую ис-*

пользуются абсолютно неоправданно", – отметил Аксенов» (https://vk.com/vesti?w=wall-24136539_6380790).

Данный пост набрал 5632 реакции, 899 комментариев, 300 репостов, 104 К просмотра в социальной сети «В Контакте», в то время как в мессенджере «Telegram» – 10432 реакции, 258 комментариев и 46.2 К просмотров. Данный пример изобилует такими глагольными конструкциями отрицания и отвержения как *предложил "очистить", исключить, прекратить использовать, а также противопоставлениями англицизм, английские слова, чужие смыслы и российские школы, русский язык, наш язык*, что иллюстрирует столкновение смысловых конструкций в общественном сознании, заряженных негативными коннотациями.

В следующем образце медиатекст сопровождается видеорядом документальных кадров в новостном канале «РБК» в социальной сети «В Контакте»: *«267 украинских военных из 503-го батальона 36-й отдельной бригады морской пехоты Военно-морских сил Украины сдались в плен в Мариуполе, сообщил в Telegram глава Чечни Рамзан Кадыров»* (https://vk.com/rbc?w=wall-25232578_11088577).

Данная публикация собрала 1338 реакции, 258 репостов и 75 К просмотров. Словосочетание *сдались в плен* является центральным, относительно которого происходит наращивание смысловых конструкций, ассоциированных с победой и торжеством справедливости.

Необходимо отметить, что у медиахолдинга «РБК» нет новостного канала, дублирующего медиатексты в мессенджере «Telegram». Вместо этого представлен Telegram-чат «РБК», куда периодически вбрасываются наиболее триггерные новости для обсуждения, и все желающие могут выразить свое мнение или оспорить чужое по данным вопросам.

Таким образом, следует отметить, что в сетевых медиа сообществах перед исследователем открывается поле ментальной битвы не только между экономическими системами и государствами, а сколько между культурно-ценностными системами с их паттернами поведения, доминирующем в социуме.

Реакции на публикации, комментарии, репосты, а также количество просмотров и есть фронтиры, точки соприкосновения различных культурно-ценностных матриц языкового сознания. Этот невидимый фронт на страницах социальных сетей и мессенджеров под какими-то ни было постами и есть информационная война, где каждый из комментаторов, подписчиков или просто молчаливых читателей является невольным участником этого действия, желая того или нет. То, что происходит сначала в форме онлайн, с легкостью переходит из виртуального в реаль-

ный мир, сметая устоявшееся конструкции культурно-ценностных матриц языкового сознания и формируя новые смысловые матрицы ориентиров через хаос для тех, кто находится внутри трансформируемой системы.

В современном мире не возможно оперативно отследить реакцию активной части общества на те или иные события без исследования дискурсивного пространства сетевых сообществ. Чтобы своевременно отреагировать на те или иные явления, а также произвести корректировку поступающей информации для оборота её в свою пользу, необходимы современные сетевые медиа сообщества, предоставляющие право свободного дискурса, в том числе с разумным модерированием.

Литература

1. Волкова Е. В. Реализация информационно-просветительской стратегии врача в медиадискурсе социальной сети // Вестн. Том. гос. ун-та. 2021. № 463. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-informatsionno-prosvetitskoy-strategii-vracha-v-mediadiskurse-sotsialnoy-seti>
2. Казак М. Ю. Современные медиатексты: проблемы идентификации, делимитации, типологии. *Медиалингвистика*. 2014. № 1 (4). С. 65–76.
3. Черный В. Изменение медиапотребления русскоязычного контента на платформах соцмедиа, февраль-март 2022. URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-migration-in-russia/>
4. Bell A. *Approaches to Media discourse*. London, 1996. P. 3.

«ЯЗЫК ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ» КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

Рогова М.Ю. (Москва)

*Московский государственный технический
университет им. Н.Э. Баумана,
rogova.margo_rita@mail.ru*

Сорокина Э.А. (Москва)

*Московский государственный областной университет
ellasor@mail.ru*

Аннотация: В данной статье проводится исследование структуры и содержания понятия ЯСЦ / LSP (language for specific purposes) с точки зрения современной лингвистики. Рассматривается и характеризуется язык для специальных

целей с исторической точки зрения. А также анализируется роль ЯСЦ в обогащении словарного состава общеупотребительного языка. Значительное внимание уделяется рассмотрению необходимости профессионально-ориентированного обучения как родному, так и иностранному языкам.

Ключевые слова: язык для специальных целей, профессионально-ориентированное обучение, лингвистика, термин, профессионализм, специальная лексика.

Современный мир меняется очень быстро: возникновение новых технологий и повсеместная цифровизация. В связи с этим изменяются требования к сотрудникам и их компетенциям, отсюда возникает потребность в обучении студентов высших учебных заведений навыкам использования специальной лексики.

Работа с большими данными, создание искусственных нейронных сетей, автоматическое распознавание лиц, речи, машинный речевой синтез, машинное обучение, нейросимуляции, проектирование нейроинтерфейсов – все это – новейшие направления науки и техники, где необходимо изучать профессиональную лексику, обслуживающую новые направления технологического прогресса.

Почти сто лет назад С.О. Карцевский высказал идею асимметричного дуализма языкового знака, ее суть заключается следующем: границы знака и значения не всегда будут совпадать. Один и тот же знак может иметь несколько функций, однако одно и то же значение может быть выражено несколькими знаками. Иными словами, «обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак» [Карцевский, 1965, с. 85–93].

Каждая специальная профессиональная сфера обслуживается языком и без общения людей (без *языка для специальных целей* в частности) быть не может. Символические языки науки служат для презентации и использования знаний в определенных предметных областях. Термин «язык для специальных целей» (ЯСЦ) довольно часто употребляется для обозначения языка науки, техники и делового общения. Любой ЯСЦ своими специфическими характеристиками может рассматриваться как разновидность языка, социально обусловленная и противопоставленная литературному общебытовому языку. Это понятие близко к понятию подязык, потому что основу любого ЯСЦ составляет специальная лексика. Одной из характеристик ЯСЦ является своеобразная лексическая и грамматическая «бедность», исходящая из частой повторяемости терминологических лексем и некоторых синтаксических конструкций. В

связи с чем у западных ученых есть тенденция анализировать его целиком как некоторый фрагмент национального языка, включая в него, помимо терминологий и номенклатур, также и наиболее типичные обороты речи.

Исторически появление языка для специальных целей связано с событиями, наступившими после Второй мировой войны, когда начался бурный рост научной и технической мысли, а также повсеместный экономический рост. Эпоха научно-технического прогресса и появление новейшей техники определила масштабность процессов, побудивших появление большого количества новых терминов: новые реалии нуждались в новых наименованиях. Все это приводит к тому, что вопрос статуса и лексикографического описания языков для специальных целей становится все более актуальным [Петрашова, 2008].

Известно, что языком и всем, что связано с языками, занимается лингвистика, а специальные цели изучения языка и языков – это вопросы лингводидактики и методики, а также теории профессиональной коммуникации. Для определения профессии важен не только язык, но и специфичный характер коммуникации.

Изучение и преподавание языков для специальных целей является одним из приоритетных направлений в отечественной и зарубежной лингвистике и методике преподавания иностранных языков на протяжении нескольких десятилетий в связи с техническим, экономическим развитием и других наук сегодняшнего дня.

Коммуникация с помощью ЯСЦ является общественно-исторической необходимостью. Специальные языки представляют собой результат исторического разделения труда. Именно это привело к возникновению специального знания, сформулированного в специальных понятиях, которым владели специалисты в данной области знания, к растущему многообразию научных дисциплин и последующей специализации материального производства и потребления [Хомутова, 2008].

Исследователи отмечают, что одним из результатов профессиональной коммуникации является обогащение лексики и грамматики контактирующих языков. Даже английский язык, будучи практически господствующим в мире интернациональным языком, не избежал изменений в своем лексическом составе по причине роста количества новой терминологии.

Роль ЯСЦ в обогащении словарного состава общеупотребительного языка значительна: миграция терминов в общеупотребительный узус происходит благодаря различным видам СМИ (в данном случае печат-

ным изданиям и телевизионным информационным программам). Проникая в неспециальный контекст, рассматриваемая лексика обогащает общеупотребительный язык. При рассмотрении процесса перехода терминологических единиц в общелитературный язык, было отмечено, что данный процесс не является стихийным, в нем выделяются два следующих друг за другом этапа – деспециализация и детерминологизация, которые, в свою очередь, происходят по нескольким направлениям.

Деспециализация профессиональных единиц представляется как функционирование специальных лексем в общелитературном языке при сохранении главного значения. В этом случае термин включается в неспециальный текст без или при помощи комментария. Введение термина в общеупотребительный язык без комментария рассчитано на полную идентификацию аудиторией значения термина [Иноземцева, 2016].

Под детерминологизацией профессиональных лексем понимается функционирование терминов в общеупотребительном контексте при формировании нового нетерминологического значения. Это семантическое образование образуется после деспециализации. Выделяются следующие направления этого процесса: детерминологизация с метафоризацией, сленгизацией, табуизацией и фразеологизацией значения.

1. Детерминологизация с метафоризацией значения. При миграции термина в общеупотребительный язык при помощи метафорического переноса в большинстве случаев у данной единицы появляется новое значение, в основе которого лежит сходство формы, функций или эмоций.

Метафоризированный термин в неспециальном контексте может выполнять следующие функции:

- 1) информативную;
- 2) создания дополнительного образа;
- 3) передачи отношения автора к предмету, явлению, событиям и т.д.

2. Детерминологизация со сленгизацией значения. Под сленгизмом понимается лексическая единица, отражающая грубоватое, иногда юмористическое отношение к предмету речи.

3. Детерминологизация с табуизацией значения. Образование переносного значения, воспринимаемого носителями языка как пограничное.

4. Детерминологизация с фразеологизацией значения. Следующие единицы представляют собой специальные сочетания слов, мигрируя в неспециальный контекст, представляя уже неофициальный характер.

Постоянно растущие требования к степени овладения профессиональными знаниями и практическими навыками потребовало пересмотра методики обучения языку. Появились новые приемы, способы, подходы, составившие методику профессионально-ориентированного обучения в тесной связи с профессиональным обучением, возникшим в 1960-х годах в ответ на растущие запросы общества в области интернационального профессионального и коммерческого сотрудничества.

Первоначально теория языков для специальных целей рассматривалась на основе английского языка. ESP/LSP используется для обозначения функциональной разновидности языка, призванной обеспечить адекватное и эффективное общение профессионалов в определенной предметной области [Хомутова, 2008]. В этом же контексте употребляется термин English for occupational purposes, так как представляется одним из сегментов ESP/LSP и имеет более узкую профессиональную направленность. ESP/LSP востребован в ситуациях, в которых обучающиеся используют английский как часть своей работы или профессии.

Концепция LSP развивается по двум основным направлениям: лингвистическому и лингводидактическому. В лингвистическом контексте теория LSP основана на изучении речевых произведений в процессе общения людей и представляется «в устном и письменном дискурсе в форме текстов, в каждом из которых аккумулировано и сохранено специальное знание», что лежит в сфере интересов лингвистов и специалистов в области теории языка, тогда как лингводидактический аспект LSP является предметом множества исследований в области методики преподавания иностранных языков и теории и методики (высшего) профессионального образования [Хомутова, 2008, с. 97]

Основные положения подхода к обучению иностранному языку как ESP/LSP методологически были изложены Т. Дадли-Эвансом и М.Д. Сент-Джон:

- ESP/LSP – это подход, а не продукт, так как в фокусе исследования находятся не лингвистические, а лингводидактические аспекты;
- анализ потребностей обучающихся является отправной точкой в построении профессионально ориентированных курсов обучения иностранному языку специалистов;
- ESP/LSP не предусматривает изучение грамматических форм, которые уже известны обучающимся на базовом уровне, а представляет собой формирование грамматических навыков, необходимых для определенных ситуативных контекстов;

– ESP/LSP характеризуется как язык, лимитированный ситуациями профессионального общения, в рамках которых строится специальный профессионально ориентированный курс;

– курс ESP/LSP может быть специально разработанным для конкретных дисциплин;

– программы ESP/LSP чаще создаются для студентов среднего (intermediate) или продвинутого (advanced) уровня, но могут разрабатываться и для студентов начального уровня языковой подготовки [Dudley-Evans Tony, *Developments in English for Specific Purposes*, 2011, с.5.];

– ESP/LSP отражает методологию, характерную для преподавания изучаемых профильных дисциплин;

– при преподавании ESP/LLSP допускается обращение преподавателя к обучающемуся за объяснением какого-либо явления, характерного для профильной дисциплины [Иноземцева, Крупченко].

В качестве резюмирующего заключения отметим, что эпоха научно-технического прогресса обусловила масштабность появления большого количества новых терминов. В связи с этим язык для специальных целей, в ядре которого лежит терминология, становится необходимым для понимания мира профессиональной коммуникации. В ответ на растущие запросы общества в области международного профессионального сотрудничества появился ЯСЦ, который используется для обозначения функциональной разновидности языка, призванной обеспечить эффективное общение специалистов в определенной предметной области.

ЯСЦ на сегодняшний день представляет повышенный интерес к всестороннему обучению в связи с тем, что в настоящее время развитие современного языка характеризуется взаимопроникновением и взаимовлиянием разноязычной лексики. Проблемы, связанные со спецификой лексики профессиональных языков и привели к необходимости выделения науки терминоведения.

В связи с растущим разнообразием научных дисциплин, дальнейшей специализацией материального производства и потребления, со стремительно и разнообразно развивающейся межкультурной профессиональной коммуникацией возникла острая потребность в профессиональных кадрах, обучение и подготовка которых должны быть соотнесены с запросами сегодняшнего дня.

Литература

1. Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. М., 1965. Ч. 2. С. 85–93.

2. Петрашова Т.Г. Язык для специальных целей в контексте содержания понятий «национальный язык» и «литературный язык» // URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2008/1-2/26.html>

3. Иноземцева К.М., Бондалетова Е.Н., Борисова Т.Д. Эволюция ESP/LLSP как методологии преподавания иностранного языка для профессиональных целей в лингвистических вузах России // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 2 // URL: <http://human.snauka.ru/2016/02/13994>

4. Хомутова Т.Н. Язык для специальных целей (LSP): Лингвистический аспект // Известия РГПУ им. Герцена. 2008. №71.

5. Bell P., Milicc M. Goffman's Gender Advertisements Revisited: Combining Content Analysis with Semiotic Analysis // Visual Communication. 2002. № 1 (2).

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «ВРАЧ-ХИРУРГ» В НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

С.А. Ростовцева, А.В. Таскаева (Челябинск)

Челябинский государственный университет,

*Южно-Уральский государственный институт искусств
имени П.И. Чайковского*

rostovs79@mail.ru, taskaeva_anna@bk.ru

Аннотация: В статье ставится вопрос о сформированности лингвокультурного типажа ВРАЧ-ХИРУРГ в русском языковом сознании. Сделаны выводы о том, что типаж ВРАЧ-ХИРУРГ относится к тематическому уровню категоризации профессиональной деятельности и может рассматриваться как самостоятельно существующий концепт в национальной языковой картине мира. Рассмотрены перспективы исследования реализации понятийных, образных и ценностных характеристик типажа ВРАЧ-ХИРУРГ в различных типах дискурса: креолизованных текстах, отзывах и комментариях, фразеологизмах и анекдотах.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, врач, хирург, национальное сознание.

Распространение коронавирусной инфекции, ее пандемический статус и значительные риски жизни и здоровья, связанные с данным заболеванием, вызвали повышенный интерес общества к проблемам медицины в целом и врачу как представителю социально значимой профессии. Концепт «профессия» является «одним из базовых ментальных конструкторов современного общества, одной из сложных и многомерных

составляющих концептосферы русского языка» [Голованова, 2008, с. 22]. Проблемы медицинской сферы в лингвистике рассматриваются как с точки зрения исследования языка профессиональной коммуникации, так и с точки зрения выявления этнокультурного содержания профессиональной врачебной деятельности.

Большая часть исследований посвящена медицинскому дискурсу. Так, выделяют два подхода к изучению медицинского дискурса: функционально-коммуникативный, основанный на исследовании профессиональной речи, и институциональный, фокус внимания которого на основных участниках коммуникации [Майборода, 2017]. Исследуются речевые стратегии врача [Майборода, 2001]; в рамках деления сфер общения на профессиональное, обыденное и неформальное исследуется вопрос обыденной медицинской коммуникации [Голев, Шпильная, 2012]; свойства и тенденции развития медицинской лексики [Абрамова, 2003].

Лингвокультурный типаж ВРАЧ также находится в фокусе внимания в рамках лингвоперсонологии. Исследуются понятийные, образные и ценностные характеристики врача в классической литературе: в произведениях А.П. Чехова [Щербаева, 2010] и на материале цикла рассказов М.А. Булгакова «Записки юного врача» [Степанова, 2021]; описан лингвокультурный типаж КИТАЙСКИЙ ВРАЧЕВАТЕЛЬ [Рощина, 2011]; изучены особенности стереотипа ХОРОШИЙ ВРАЧ в русскоязычных СМИ [Чигринова, 2018]; на материале русского и английского языка представлен лингвокультурологический анализ концепта ВРАЧ / МЕДИК [Болокова, 2009].

Стоит отметить, что все работы рассматривают обобщенный образ врача, не выделяя конкретную специализацию профессионала. Однако, как собственно в языке, так и в ментальном пространстве русскоязычного человека, реализовано значительное количество наименований лиц по профессии, в частности различных обозначений специализаций медицинских работников. Так, согласно классификации Е.И. Головановой, следует выделять семь уровней категоризации профессиональной деятельности: «высший (*человек*), метакатегориальный (*деятель*), категориальный (*профессиональный деятель*), суперординатный (*рабочий, работник, специалист*), базовый, тематический и субтематический» [Голованова, 2008, с. 33]. Предполагаем, что *врач* относится к базовому уровню категоризации, а *хирург* – к тематическому. Субтематический уровень может быть представлен хирургами узкой специализации: кардиохирургами, нейрохирургами и т.п.

Кроме того, медицинская сфера не однородна, как по функциональным обязанностям специалистов, так и по степени инвазивности вмешательства, способе лечения и тяжести курируемых заболеваний, соответственно, разным является отношение пациентов, коммуникативные стратегии и тактики профессионального общения, и, как следствие, представление в национальной языковой картине мира. Отметим также, что подготовка и проведение хирургического вмешательства имеет в своей основе тяготение к обрядовости, что не может не порождать ассоциативных референций к архаическим представлениям национального сознания. На наш взгляд, целесообразно в отдельную группу исследования выделить лингвокультурный типаж ВРАЧ-ХИРУРГ.

Согласно данным этимологических словарей слово *хирург* в значении «врач, специалист по хирургии» известно в языке с Петровского времени и восходит к древнегреческому «действующий руками» [Этимологический словарь, 2010, с. 491]. Слово группы «хирургический» впервые упоминаются в собственноручных набросках указов Петра I 1723–1724 гг.; а также «хирургия» у Д.И. Фонвизина в переводных «баснях нравоучительных» Голберга в 1761 г. [Черных, 1994, с. 340]. Именно с этого времени происходит расхождение в значении со словом *цирюльник* (на общий источник происхождения указывает Сравнительный этимологический словарь русского языка Н.В. Горяева 1896 года [Горяев, 1896, с. 397] и употребление в привычном нам значении врача, занимающегося хирургическим лечением.

Анализ ассоциативных полей и психолингвистических значений слов *врач* и *доктор* выявляет значительное более яркую интегральную сему «хирург» по отношению к понятию «врач», чем к понятию «доктор», при том, что первым психолингвистическим значением слова «врач» выступает «профессиональный работник медицины», в то время, как доктор «человек, который лечит людей» [Стернин, 2019, с. 34].

Распространенность образа врача в различных типах дискурса открывает возможности для многоаспектного изучения лингвокультурного типажа ВРАЧ-ХИРУРГ. Так, различные типы креолизованных текстов, в частности, интернет-мемы, представляют довольно обширную группу, в которых врач-хирурга описывается как самостоятельный персонаж; выделяется эталонный образ хирурга – профессор Преображенский из экранизации повести М. Булгакова «Собачье сердце».

В жанре интернет-комментария к публикациям, посвященным хирургической деятельности, подчеркивается особый статус врача-хирурга в ценностной картине мире русского человека (например, Хи-

рурги – герои. Особая каста врачей; Несмотря на негативные отношения к врачам в сегодняшней ситуации, к хирургам всегда было особое уважение. Это, наверное, единственные врачи остались, которые реально спасают, а не гробят людей), подчеркивается динамичность образа хирурга, который сочетает в себе как архаические представления (врач-подвижник), так и современные тенденции (врач как высокооплачиваемый профессионал).

Анализ отзывов пациентов о работе хирургов позволил выявить обширную палитру характерных особенностей восприятия хирурга в русском языковом сознании, в частности, как спасителя, человека, обладающего божественным даром (*...мы видели, какие чудеса он творит; ...врач – это руки Божьи, исцеляющие людей*).

Анализ фразеологических единиц русского языка, прямо и опосредованно связанных с профессией врача, позволяет выявить национально-культурную специфику в осмыслении врачебной деятельности и представителей профессии. Отметим большое количество афоризмов и цитат признанных мудрецов о профессии врача, что подтверждает значимость концепта ВРАЧ в русском языковом сознании. Перспективным нам кажется анализ фразеологических единиц, связанных с деятельностью врача-хирурга. На предварительном этапе исследования было обнаружено, что типаж ВРАЧ-ХИРУРГ представлен в фразеологии русского языка довольно скудно и выражен через трансформацию уже существующих пословиц и поговорок в медицинском контексте (*Пока хирург семь раз отмерял, его сократили; Хирург – человек, заранее умывающий руки*). Однако обширный материал исследования может быть представлен шутками и анекдотами врачей-хирургов, распространёнными как в профессиональном сообществе, так и в обиходно-бытовом общении (*Высококвалифицированный хирург поможет плохо танцевать; хирургическое замешательство* и др.).

Таким образом, по нашему мнению, в русском языковом сознании сформирован лингвокультурный типаж ВРАЧ-ХИРУРГ, который можно рассматривать как самостоятельно существующий концепт в национальной языковой картине мира. Лингвокультурный типаж ВРАЧ-ХИРУРГ является перспективным объектом исследования, целью которого является выявление его понятийных, ценностных и образных характеристик, национально-культурных особенностей восприятия хирургов и ценностного отношения к профессии.

Литература

1. Абрамова Г.А. Медицинская лексика: основные свойства и тенденции развития: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01. / Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 2003. 44 с.
2. Болокова Н.К. Лингвокультурологический анализ концепта «врач/медик» (на материале русского и английского языков): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. / Краснодар, 2009. 150 с.
3. Голев Н.Д., Шпильная Н.Н. Обыденная медицинская коммуникация (виды дискурсивных практик) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 1. С. 128–137.
4. Голованова Е.И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. 2-е изд., исправл. и доп. М.: ООО «Изд-во «Элпис», 2008. 304 с.
5. Горяев Н.В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. URL: <http://www.slovorod.ru/etym-goryaev/index.html> (дата обращения 30.03.2022).
6. Майборода С.В. Речевые стратегии врача в условиях коллегиальной и авторитарной модели коммуникации доктора и пациента: схождения и противоречия: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Саратов, 2001. 254 с.
7. Майборода С.В. Медицинский дискурс: современные теоретико-методологические подходы и перспективы исследования // Коммуникативные исследования. 2017. № 1 (11). С. 63–74.
8. Психолингвистический толковый словарь русского языка / под ред. И.А. Стернина, А.В. Рудакова. Вып. 8. Синонимы. Ч. 1. Воронеж: ООО «РИТМ», 2019. 140 с.
9. Рощина А.А. «Китайский врачеватель» как лингвокультурный типаж // Известия ВГПУ. 2011. № 2. С. 35–38.
10. Степанова Е.С. Лингвокультурный типаж «земский врач» в медицинских мифах // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 1 (40). С. 234–243.
11. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. URL: <http://www.slovorod.ru/etym-chernykh/index.html>
12. Чигринова Е.А. Особенности объективации образа-стереотипа «хороший врач» в русскоязычных СМИ // МНКО. 2018. № 5 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-obektivatsii-obraza-sterootipa-horoshiy-vrach-v-russkoyazychnyh-smi>
13. Щербаетва А.А. Лингвокультурные типажы «учитель» и «врач»: общекультурные и индивидуально-авторские характеристики: на материале прозы А.П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2010. 22 с.
14. Этимологический словарь современного русского языка [Электронный ресурс] / сост. А.К. Шапошников. в 2 т. Т. II. (Н-Я) – М.: Флинта: Наука, 2010. 576 с. URL: <http://www.slovorod.ru/etym-shaposhnikov/index.html>

ВОПРОС О ТЕРМИНАХ-ЭПОНИМАХ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕРМИНОЛОГИИ ВОДНОГО ТРАНСПОРТА)

*Е.С. Рулевская (Москва)
Российский университет транспорта
yudina_44@mail.ru*

Аннотация: В данной статье рассматривается роль терминов-эпонимов на примере терминологии водного транспорта, а также причины терминологизации имени собственного. Затрагиваются проблемные вопросы, связанные с эпонимами – явлением, занимающим особое положение как в общей лексикологии, так и в терминоведении. Языковой материал (русские и английские термины) собраны при использовании метода сплошной выборки из текстов словарей и литературы.

Ключевые слова: термин-эпоним, антропоним, консубстанциональность, терминологизация, водный транспорт.

В современной языковедческой науке исследование терминов и терминосистем приобретает всё большую значимость. Роль терминологии в системе современного знания велика, поскольку в эпоху глобализации и цифровизации постоянно ощущается потребность новых и высокоэффективных инструментов общения для повышения качества любого вида коммуникации, в том числе – и в профессиональной.

Принцип антропоцентризма, который относится в наши дни к числу приоритетных принципов научного исследования в современной науке, акцентирует внимание на отношении человека к окружающему его миру. По мнению Е.С. Кубряковой, существует «тенденция поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках» [Кубрякова, 1995, с. 212]. Зачастую человек и его имя занимают центральное место в системе понятий, в том числе и в терминологии.

Следовательно, важно отметить существование такого явления, как термин-эпоним. Эпонимы являются культурно-исторической частью профессионального языка.

Первоначальное значение понятия «эпоним» было связано с названием божества, легендарного героя или реального человека, в честь которого получал своё имя какой-либо географический объект (город, река, гора, и так далее). Например, город Византий по легенде был осно-

ван древнегреческим героем Византом, сыном Посейдона. Или, например, город Киев был назван в честь легендарного князя Кия.

С течением времени количество явлений и понятий, для наименования которых использовались имена собственные, возрастало. Вследствие этого эпонимами чаще становились реальные, а не легендарные личности.

В эпоху великих географических открытий резко возросло количество географических объектов, требующих наименования.

Так, новые понятия стали называться по имени реальных людей: первооткрывателей, изобретателей, ученых, предпринимателей, владельцев или властителей.

Проблема терминологизации в последнее время все более привлекает внимание лингвистов. И хотя существует множество исследований по данному вопросу, многое по-прежнему остается нерешенным.

Изучение процесса терминологизации общеупотребительной лексики основывается прежде всего на семантике. Семантический аспект наименее разработан в общей теории терминоведения. Однако, он важен, так как, именно на основании семантического анализа можно установить содержательные различия между термином и общеупотребительным словом, провести параллель между термином и соотносимым с ним понятием, выявить причины многозначности, разграничить полисемию и омонимию в терминологии, рассмотреть этапы формирования терминологического значения.

По мнению К.В. Шалацкой, «специфика имен собственных и их отличия от общих названий настолько существенны, что ономастические исследования выделились в отдельный лингвистический раздел – ономастику, имеющую, как и другие науки, свою терминологическую систему» [Шалацкая, 2016, с. 100].

В лексике каждого национального языка имеется составная группа слов, получивших наименование ономастических (*топонимы, ойконимы, космонимы, зоонимы* и т.д.), центральной подгруппой в которой является список имен собственных, принадлежащих людям (антропонимы). Многие подобные антропонимы вошли в мировую и частную лингвокультуру как культурное наследие прошлых эпох.

Антропонимы проникают и в такую сферу, как терминоведение. По мнению Н.В. Новинской, «изучение терминов-эпонимов на фоне сходных по структуре, по способам образования, по функциональным характеристикам апеллятивных терминологических наименований позволяет оценить имена собственные (антропонимы) как потенциальный источ-

ник формирования номинативно значимых терминов, специфические черты которых не снижают их возможностей фиксировать, хранить и передавать научно-техническую информацию» [Новинская, 1989, с. 284].

Антропоним, будучи единичным именем собственным, идентифицирующим человека, в силу определенных речевых ситуаций способен утратить свою номинативную семантику (процесс десемантизации имени собственного) и перейти из ономастикона в терминологию (процесс терминологизации, появление термина-эпонима).

В результате действия процессов десемантизации и терминологизации меняется функциональная активность антропонима: термин-эпоним может утратить свою семантическую связь с именем и поэтому ослабить действие мемориальной функции.

Данные процессы придают антропониму-термину признак консубстанциональности: лексема, производная от антропонима, вступает в отношения омонимии, присутствуя одновременно и как имя собственное, и как термин (например, *Дизель* – имя собственное и *дизель* – термин водного транспорта).

Собранный нами материал в области терминологии водного транспорта, позволяет говорить о том, что имеется некоторое количество терминов, в основе которых лежат личности известных людей, чьи имена и фамилии послужили производящей базой для создания либо нарицательных общеупотребительных слов, либо специальных слов – терминов. Примерами могут служить:

Баббит. Данная лексема обозначает антифрикционный сплав на основе олова и свинца, который предназначен для заливки вкладышей подшипников скольжения, используемых в том числе и в судостроении. Но согласно справочной литературе, *Баббит* как имя собственное принадлежало американскому изобретателю Исааку Баббиту (1799–1862) [Какзанова, 2015, с. 19].

Кардан. Всем известный термин «*карданный механизм*» в своей структуре имеет имя собственное, принадлежавшее итальянскому математику, философу и врачу, Джероламо Кардано (1501–1576). Известно, что именно он предложил модель подвеса – прообраза карданного механизма [Блау, 2010].

Дизель. Данный тип поршневой двигателя внутреннего сгорания назван по имени немецкого инженера Рудольфа Кристиана Карла Дизеля (1858–1913) [Какзанова, 2015, с. 89].

Отметим, что данные термины-эпонимы выполняют мемориальную функцию.

В терминологии водного транспорта широко распространены термины, на эпонимный характер которых указывает их двусловная структура и орфография, требующая написание имени с большой буквы. Примерами могут служить названия современных якорей: *якорь Холла*, *якорь Денна*, *якорь Инглефильда*, *якорь Марреля*, *якорь Мартина*, *якорь Роджерса*, *якорь Сайкса*, *якорь Смита*, *якорь Дэнфорта*, *якорь Матросова*. Или, например, *рулевой привод Дэвиса*.

В своей повести «Мальчики с бантиками» В. С. Пикуль пишет: «Только здесь она беззвучно билась в пучках света. Старшина отцеливал ее на **клавишах Ратьера**, и рулевые по проблескам фонаря читали слова, а потом и целые фразы» [Пикуль, 1989, с. 115]. Можно предположить, что автор некорректно употребил термин-эпоним *клавиши Ратьера* вместо *лампа Ратьера*. Лампа Ратьера – лампа дневной сигнализации, в основе которой азбука Морзе. Отметим, что азбука Морзе также является термином-эпонимом, в основе которого имя американского изобретателя и художника Сэмюэля Финли Бриза Морзе (1791–1872).

Таким образом, создание словарей эпонимов является актуальной задачей в наши дни, поскольку словарь – это удобная форма фиксации человеческих знаний и традиции создания словарей имеют длинную историю. Но при этом необходимо заметить, что первые словари эпонимов появились лишь в середине XX века и имели характер узкоспециализированных справочных пособий (например, словарь медицинских терминов-эпонимов).

В настоящее время уже имеется незначительное количество эпонимных словарей, к числу которых относятся словарь-справочник М.Г. Блау [Блау, 2010], словарь Е.М. Какзановой [Какзанова, 2015], о котором так пишет Сорокина Э.А.: «выход в свет данного словаря – событие очень важное, поскольку затрагивает вопросы общего и частного языкознания, лексикологии, общей и частной ономастики, стилистики, лексикографии, терминоведения, терминографии, теории языка для специальных целей, теории и практики перевода, теории межкультурной коммуникации, лингвокультурологии» [Сорокина, 2015, с. 167].

Очевидным преимуществом многих терминов-эпонимов является их интернациональный характер:

- *Баббит* (рус.) – *babbit* (англ.) – *Babbit* (нем.);
- *Дизель* (рус.) – *diesel* (англ.) – *Dieselmotor* (нем.);

- *Кардан* (рус.) – *cardan* (англ.) – *Kardan* (нем.);
– *Азбука Морзе* (рус.) – *Morse code* (англ.) – *Morsealphabet* (нем.);

Однако, «перевод терминов, в состав которых входят эпонимы, труден и многогранен, что связано прежде всего с национальной спецификой. Очень часто личные имена опускаются, переводится лишь аппеллятивная основа без учета коннотации онима» [Дубских, 2020, с. 333].

Таким образом, в процессе изучения терминологии водного транспорта обнаружено явление, при котором имена некоторых изобретателей изменили свой статус имени собственного и стали функционировать в другом статусе (чаще всего – в статусе термина).

Процесс перехода имени собственного из одного статуса в другой интересен тем, что затрагивает существо таких явлений, как терминологизация и детерминологизация, консубстанциональность, полисемия и омонимия, семантизация и десемантизация лексем и многие другие. Итоги проведённого исследования позволяют утверждать, что терминологизация имён собственных приводит к проявлению омонимии и синонимии – явлений, которые считаются нежелательными в терминологиях, поскольку требуют дополнительного описания своего значения.

Литература

1. Блау М.Г. Судьба эпонимов: 300 историй происхождения названий: словарь-справочник / М.Г. Блау. 2010. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/fate-of-eponyms/index.htm>
2. Дубских А.И. Аспекты перевода эпонимов // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. 2020. С. 331–334.
3. Какзанова Е.М. Англо-русско-немецкий словарь интернациональных эпонимов: Название и происхождение. От А до Z / Е.М. Какзанова. М.: Галлея-Принт, 2015. 307 с.
4. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова, под ред. Ю. С. Степанова // Язык и наука конца XX века. 1995. С. 144–238.
5. Новинская Н. В. Эпонимические названия в составе современной русской терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Новинская Наталья Вениаминовна. М., 1989. 20 с.
6. Пикуль В.С. Мальчики с бантиками. М. 1989. 272 с.
7. Сорокина Э.А. Новое в отечественной лексикографии: агло-русско-немецкий словарь интернациональных эпонимов: название и происхождение. от А до Z / Э.А. Сорокина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. №5. С. 166–171.
8. Шалацкая К.В. Основная терминология исследования имен собственных / К.В. Шалацкая // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. С. 100–102.

РУССКИЙ ЯЗЫК В РОЛИ СРЕДСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ СФЕРЫ АВИАЦИИ В РК)

Суюнбаева А. Ж., Сарсенбаева А.Е. (Актобе)

*Военный институт Сил воздушной обороны Республики Казахстан
Altin_suenbaeva@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена использованию и функционированию языка в сфере авиации. В центре внимания профессиональное обучение в данной сфере, особенности функционирования языка, роль русского языка в профессиональной коммуникации, а также формирование профессиональной компетенции средствами русского языка, предполагающее дифференцированный подход к развитию коммуникативных умений и навыков обучающихся.

Ключевые слова: функционирование языка, профессиональная сфера, профессиональное общение, профессиональная сфера, коммуникативное пространство, макропосредник.

На всех этапах своего возникновения, функционирования и развития язык выступает как общественно-социальное явление. С точки зрения В.Д. Бондалетова, в языке все социально не только по своей природе, но и в том смысле, что он не мог ни возникнуть, ни функционировать, ни развиваться вне общества. В природе языка доминирующую роль играет его социальная сущность, при этом он представляет собой сложнейшее явление, нуждающееся в исследовании его связей с развитием человеческого мышления и общественного сознания. От этого и появляется необходимость изучения языка как многоаспектного феномена [Бондалетов, 1987, с. 16].

Е.И. Голованова в своих исследованиях в общем виде функционирования языка выделяет две основные сферы: сферу бытового, повседневного общения людей («ближний мир») и сферу профессионального общения («дальний мир»). Между этими сферами имеются принципиальные отличия. По определению ученого, «общение в быту, в повседневной жизни не носит вполне осознаваемого целенаправленного характера, это общение преимущественно включено в комплекс бытовых, повседневных отношений, направленных на поддержание и удовлетворение прежде всего социобиологических потребностей человека; данному общению человек учится постепенно, воспринимает его естественным образом. Общение в профессиональном коллективе институционально

включено в соответствующую деятельность, а значит, характеризуется целенаправленностью и в связи с этим имеет ряд ограничений в использовании языковых средств. Это социально-обусловленное и социально-ориентированное коммуникативное пространство. Профессиональная сфера общения в целом отличается строгой регламентацией и носит институтированный характер» [Голованова, 2008, с. 58].

Язык – это ключевое явление культуры, главный механизм национального единения, инструмент возникновения и развития нации как социальной структуры. В конечном счете, язык – это стержень национального государства. В странах, возникших на территории бывшего СССР, вопрос о языке является очень актуальным. Все эти страны объективно не могут обойтись без русского языка – как языка макропосредника и осуществляющего межнациональное общение этносов и национальных групп внутри страны, на международную арену, общения с соседями (и не только с Россией).

Современные тенденции развития авиационной организации государства, усложнение систем авиационной техники обуславливают усиление внимания к проблеме эффективного функционирования языка в сфере авиационной деятельности. Авиация – одна из самых технологически быстро развивающихся отраслей, эффективность которой зависит от профессионализма и квалификации авиационного персонала. Развитие широких международных контактов в наше время вызвало необходимость проведения новой языковой политики, необходимой для успешной реализации различных нововведений в сферах производства, науки и техники, при создании новых технологий в контакте с зарубежными коллегами.

Роль русского языка в сфере науки и техники в настоящее время чрезвычайно велика. На нем издаются научные и технические журналы, научные публикации на русском языке пользуются международным признанием. Большой интерес за рубежом вызывают работы на русском языке в таких технических областях, как разработка авиационной техники, аппаратов и приборов, оборудовании, радио-электротехники.

Конституция Казахстана объявляет государственным языком казахский язык. Однако в Конституции предусматривается также использование русского языка наряду с казахским (Конституция Республики Казахстан). В связи с конкретно-историческим развитием страны этническая общность русскоязычных групп населения долгое время доминировала в экономическом и социально-политическом отношениях. Поэтому несмотря на то, что русские по сравнению с казахами составляют

меньшинство (38% и 52%, остальные 10% представляют татары и другие национальные меньшинства), русский язык фактически стал доминирующим официальным языком. О его ведущей роли свидетельствует тот факт, что двуязычие в Казахстане развивается главным образом за счет усвоения русского языка казахами, 1/3 которых знает и использует этот язык.

В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык (Закон Республики Казахстан «О языке», ст. 5 гл. 1). Каждый гражданин Республики Казахстан имеет право на использование родного языка, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Государство заботится о создании условий для изучения и развития языков народов Казахстана. В местах компактного проживания национальных групп при проведении мероприятий могут быть использованы их языки (ст. 6 гл. 1). Данный законопроект о языках Казахстана является продуманным, научно обоснованным и соответствует мировому опыту многоязычных стран.

Практика показывает, что русский язык выступает макропосредником, связывающим мышление человека любой национальности с объективным смыслом самой сложной науки и законами разума. В различных научных технологиях, к примеру, в авиационной отрасли, в военных и аэрокосмических технологиях, на 10 слов казахского текста приходится только 5 исконно казахских слов, остальные – заимствованные из русского языка термины. Это означает, что казахский язык способен обслужить каждую науку лишь на 50% не только из-за недостаточного объема лексики, но и в связи с отсутствием определенных морфологических и синтаксических возможностей.

Вполне можно согласиться с мнением М.П. Алексева о том, что при рассмотрении соотношения государственного и официального языков «не всегда является благом гомогенность языков, так как близость отдельных языков друг другу, наоборот, нередко служила причиной их вражды <...>, особо действенное значение имеют здесь факторы принуждения или добровольности, которые нельзя понимать в абстрактном социально-этническом смысле, так как они обусловлены прежде всего исторически» [Алексеев, 1984, с. 6].

Общение на профессиональном уровне в отрасли авиации предполагает точное употребление терминов и знание стоящих за ними понятий. В данное время будущие авиационные специалисты (военные летчики, инженеры) по основным предметам получают знания на русском языке.

Именно в авиационной сфере государственный (казахский) язык не использовался, на наш взгляд, по следующим причинам: отсутствие в казахском языке научно-технической словарной базы в период 1930–1980-х годов в области авиации; сильное влияние русской технической составляющей языка, что сдерживало развитие соответствующего раздела казахского языка. В итоге потребности науки и технического описания изобретений инженерной мысли привели к формированию в русском языке функционально развитого научного стиля, позволяющего четко и определенно описать по-русски любые научные открытия и технические достижения [Гойхман, Надеина, 2003]. В данное время в Военном институте Сил воздушной обороны РК в программу ГОСО (Государственный общеобязательный стандарт образования) ввели изучение профессионального русского языка в неязыковых вузах.

В последние годы в наш вуз (ВИСВО) поступают выпускники национальных школ (с казахским языком обучения), их количество составляет почти 70%, а также абитуриенты из соседних республик: Киргизстана, Таджикистана (10%). В связи с этим, чтобы получить необходимые знания по профессии, они должны овладеть русским языком на профессиональном уровне. Для достижения успеха в профессиональной деятельности современному специалисту необходимо в совершенстве владеть навыками культуры речи, обладать лингвистической, коммуникативной компетенциями в профессиональном общении и иметь следующие качества:

- владение профессиональной терминологией и стилем профессиональной речи;
- умение следить за точностью, логичностью и выразительностью речи;
- умение определять цель и понимать ситуацию общения;
- умение направлять диалог в соответствии с целями профессиональной деятельности.

Таким образом, знание русского языка, владение лингвистической, коммуникативной компетенциями является необходимым инструментом, ключом к достижению профессионального успеха. Выбор будущей профессии, особенно авиационного специалиста (военного летчика) – серьезный и ответственный шаг в жизни человека, требующий от него основательной подготовки и глубоких знаний.

Исходя из того, что Республика Казахстан представляет собой многонациональное государство, в качестве одной из задач этнокультурного образования выдвигается задача формирования многоязычного инди-

вида, то есть подготовка граждан, способных эффективно общаться на родном, государственном и русском языках. Тем самым реализуются модели «двух лояльностей»: по отношению к собственной этнонациональной группе и по отношению к государству.

Литература

1. Алексеев М.П. Русский язык в мировом культурном обиходе // Вопр. языкознания. 1984. № 2.
2. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. – М.: Просвещение, 1987.
3. Голованова Е.И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус о языке. М: Элпис, 2008.
4. Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Речевая коммуникация: учебник. М., 2003.

Правовые источники

1. Закон Республики Казахстан «О языках в Республике Казахстан» от 11 июля 1997 года № 151 // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1997 (редакция от 10.07.2012).
2. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1996. № 4, ст. 217.

НЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ю.Н. Фатуева, Т.Г. Максимова (Нижний Новгород)

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
u-y-a@yandex.ru, maksimova.fr@mail.ru*

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию неологизмов современного английского языка, вошедших в язык в период пандемии Ковид-19 и отражающих жизнь в течение локдауна и после него, а также несвязанных с пандемией.

Ключевые слова: неологизмы современного английского языка, пандемия Ковид-19.

В XXI веке человечество привыкло жить в эпоху глобализации и стертости границ, как в политическом, так и в коммуникационном плане. Абсолютное большинство участников межкультурного общения признали важность приобщения к культуре страны, с представителями

которой участвуют в диалоге и стали формировать межкультурную компетенцию. Именно вопросы межкультурной компетенции, ее формирование и развитие были ведущими у специалистов, исследующих межкультурную коммуникацию (В.С. Библер, Т.Г. Грушевицкая, А.П. Садохин, С.Г. Тер-Минасова и др.)

Однако сегодня перед обществом стоят новые вызовы. Один из них – это жизнь в эпоху пандемии Ковид-19. В данной статье мы рассмотрим некоторые особенности межкультурной коммуникации в период пандемии.

С момента закрытия границ между странами в целом и «локдауном» отдельных регионов и городов общество достаточно быстро перевело коммуникацию из режима реального очного общения в дистанционный формат, используя при этом накопившийся технический потенциал современных средств. Следует отметить, что многие участники межкультурного взаимодействия уже имели опыт работы с различными программами, позволяющими общаться в режиме видеоконференций (Skype, Zoom, Discord и др.), поэтому для данного вида общения техническая сторона не была такой огромной проблемой как для абсолютного большинства населения нашей планеты.

В данной работе рассматриваются неологизмы современного английского языка, появившиеся в эпоху пандемии Ковид-19 и, как следствие их лингвистическая манифестация в указанной лингвокультуре, а также их перевод и отражение в культуре России. В нашей работе мы остановились именно на лексических репрезентантах изменения языка, так как они наиболее заметны и значимы. Изменения, происходящие в обществе, в наибольшей степени отражаются в лексической системе языка. С новыми реалиями появляются и новые лексические единицы. Неологизмы номинируют новые реалии, отражая национально-культурную специфику носителя языка.

Культура постоянно находится в развитии. Каждое ее изменение и преобразование неизменно находит свое отражение в языке этой культуры. Лексические единицы, являясь отражением происходящих исторических, политических, культурных процессов, позволяют отобразить языковую картину мира той или иной страны. Для адекватного межкультурного диалога знания образцов речевого поведения в коммуникации в стране является крайне необходимыми. Тем не менее, в настоящее время пандемия во многих странах имеет ряд одинаковых особенностей, что не могло не отразиться на словарном составе языка. Так, за первый год пандемии в языки многих стран мира вошли слова, называющие

вирус, описывающие симптомы заболевания, средства индивидуальной защиты. Следует отметить, что эти слова из медицинских терминов перешли в раздел общей лексики. Кроме медицинской терминологии в языки стали проникать слова, описывающие дистанционное общение и новый образ жизни.

Подчеркнем, что не каждое появляющееся в языке слово становится неологизмом. Н.М. Шанский определяет неологизмы как «новые лексические образования, которые возникают в силу общественной необходимости для обозначения нового предмета или явления, сохраняют ощущения новизны для носителей языка и которые еще не вошли в общелитературное употребление» [Шанский, 1964, с. 158]. Н.З Котелова основным определителем неологизма называет «время» и определяет неологизмы как новые слова по отношению к одному из предшествующих временных периодов [Котелова, 2015]. Мы в своей работе будем придерживаться определения И.В. Арнольд. Под неологизмами исследователь понимает «новые слова или фразеологические обороты, воспринимаемые говорящими как новые, и образующиеся с использованием словообразовательных моделей, свойственных данному языку» [Арнольд, 2012, с. 323–324].

За 2020–2021 год вошли в широкое употребление такие слова, как *lockdown* ‘локдаун’, *pandemic* ‘пандемия’, *coronaphobia* (intensified and persistent fears of contracting COVID-19 virus infection) ‘коронафобия’ (страх контакта с инфекцией вируса Ковид-19), *PPE* (personal protective equipment) ‘СИЗ’ (средства индивидуальной защиты), *over zoomed* (stressed by too many video calls) ‘испытывающий сильный стресс от слишком большого количества видеозвонков’, *zoombombing* (the act of someone taking part in a video conference to which they have not been invited, often with the intention of interrupting and annoying the people in the meeting) ‘зум-бомбинг’ / ‘зум-атака’ (проникновение в видеоконференцию без приглашения с целью прерывания встречи), *social-distancing* ‘социальное дистанцирование’, *covidiot* (someone ignoring public health advice) ‘ковидиот’ (тот, кто игнорирует СИЗы), *sanitizer/handsanitizer* ‘санитайзер’ / ‘дезинфицирующее средство для рук’, *covideoparty* (online parties via Zoom or Skype) ‘ковидеопати’ (встречи друзей посредством Зум или Скайп), and *covexit* (the strategy for exiting lockdown) ‘ковэкзит’ (стратегия выхода из локдауна), *covidivorce* ‘развод в результате домашнего «ареста covid», когда стороны понимают, что лучше всего разойтись’, *WFH* (working from home) ‘работа из дома, удаленно’ and *quaranteams* (online teams created during lockdown) ‘ка-

рантими' (он-лайн группы, созданные в период локдауна) [Merriam-webster: электронный ресурс].

Культура в наше время постоянно меняется и новые тенденции, появившиеся в одной стране, быстро находят популярность во многих других странах посредством их появления в новостных лентах различных источников. Данные изменения не могут оставаться без названия. Именно поэтому словари постоянно пополняются новыми словами.

Так, в 2022 году словарь Оксфорд обогатился следующими новыми словами [Oxford House: электронный ресурс]:

1. ***Virtualfashion*** – ‘виртуальная мода’ – «the design and sale of fashion clothing and accessories for virtual platforms and avatars» ‘дизайн и продажа одежды и аксессуаров для виртуальных платформ и аватаров’. Современная реальность такова, что сейчас некоторые модные бренды создают целые коллекции, которые только виртуальные. Так, итальянский модный дом Moschino создал коллекцию одежды только для аватаров для компьютерной игры Sims. Ср.: *I really love the new virtual fashion that you bought for your Sims avatars – it’s really cool!* (Мне реально нравится виртуальная модная одежда, которую ты купила для своих аватаров в Симс).

2. ***Metaverse*** – ‘метавселенная’ – «a virtual reality space in which users can interact with a computer-generated environment and other users» (виртуальное пространство, в котором люди могут взаимодействовать друг с другом с помощью технологий виртуальной реальности): *Yesterday he spent a five hours hanging out with friends in the metaverse* (Вчера он провел пять часов, болтая с друзьями в метавселенной).

3. ***Crowdfunding*** – ‘краундфандинг’ – «getting funding (e.g. for a new business) by asking for contributions from a large number of people, especially from the online community» ‘получение денег (например для нового бизнеса) путем сбора средств у большого числа людей через Интернет’: *Tom used a crowdfunding website to fund his new business and raised a lot of money* (Том использовал краундфандинг чтобы финансировать его новый бизнес, и он получил много денег).

4. ***Autonomous sensory meridian response (ASMR)*** – ‘Автономная сенсорная меридиональная реакция’ – «is a relaxing, often sedative sensation that people feel on their skin; often caused by sound» – ‘расслабляющие, часто успокаивающие ощущения, которые люди чувствуют кожей, часто вызываемые звуками’: *Ann usually listens to ASMR before she goes to bed. It’s so relaxing it helps her fall asleep.* (Анна обычно слушает

АСМР перед тем как пойти спать. Это очень расслабляет и помогает ей уснуть).

5. **Finfluencer** – ‘финансист’ – «a specific type of influencer who focuses on money-related topics» – ‘влиятельный человек, который дает советы по финансовым вложениям’: *A finfluencer helped me find out which are the best businesses to invest in this year* (Финансист помог мне найти бизнес для инвестиций в этом году).

6. **Gigworker** – ‘временный работник’, ‘гиг-работник’ – «a person who works temporary jobs typically in the service sector as an independent contractor or freelancer» ‘временный работник, обычно в сфере услуг, работающий по контракту или как фрилансер’: *Sam is a gig worker – sometimes he has multiple projects at once, and sometimes he doesn't have any work!* (Сэм – гиг-работник – иногда у него много проектов одновременно, а иногда нет никакой работы!).

7. **Co-working** – ‘коворкинг’ (сотрудничество) – «the act of workers from different companies coming together to share a space to work in» ‘организация труда людей из разных компаний в общем помещении, коллективный офис’: *I was tired of working alone so I joined a co-working space where I can work with other people in the same situation.* (Я устал работать один, поэтому я присоединился к коллективному офису, где я могу работать среди других людей в похожей ситуации).

8. **Staycation** – ‘стейкейшн’ – «a holiday in your home country rather than abroad» ‘отпуск, проводимый дома или в родной стране, а не за границей’: *This year we decided on a staycation as our trip abroad was cancelled!* (В этом году мы решили остаться дома, так как наша поездка за границу отменилась!)

Несмотря на повсеместные ограничения, связанные с пандемией, другие сферы культуры также продолжают развиваться. Рестораторы находятся в постоянном поиске новых вкусовых сочетаний, продвижения и привлечения клиентов. Словарь Cambridge говорит о следующих неологизмах в 2022 году [Cambridge Dictionary: электронный ресурс].

1. **Swicy**, что означает соус, обладающий сладким и острым вкусом одновременно. Данное слово было введено южнокорейской сетью ресторанов: *Our Swicy chicken is sweet, spicy and full of flavour!* (Наша пряная курочка сладкая, острая и ароматная!)

2. **Carnisplor** ‘канисплорер’, обозначающее человека, который дегустирует и подвергает различной кулинарной обработке такие части животного, которые раньше практически не употреблялись в пищу среди широкой массы людей (хвосты и внутренние органы). Данное слово

стали употреблять в Великобритании и США: *Don't be tempted to offer Sally and Jim chicken breast for dinner, they are carnivores and will not be impressed!* [Urban dictionary: электронный ресурс] (Не поддавайтесь искушению предложить Салли и Джиму куриную грудку на ужин, они каниспелоры и не будут впечатлены!)

3. **Seaganism** 'употребление в пищу только растительной пищи и морепродуктов'. **Seagans** 'приверженцы данной диеты': *Seagan diet sounds healthy – lots of fresh whole foods and omega 3s!* (Диета сиганов звучит здоровой – много свежих цельных продуктов и омега-3!) [Popsugar: электронный ресурс].

4. **Invasivorism** 'инвазивизм' «the practice of eating plants and animals that exist in large numbers and usually have a harmful effect on the environment» 'практика употребления в пищу растений и животных, существующих в большом количестве и обычно оказывающих вредное воздействие на окружающую среду': *Invasivorism seeks to fill plates with unwanted species.* (Инвазиворизм стремится заполнить тарелки нежелательными видами) [Cambridge Dictionary. Neologisms: электронный ресурс].

Следует отметить, что большинство неологизмов образованы с помощью слияния или сложения двух известных слов. Так, *metaverse* (от слов *meta* и *universe* – вселенная), *crowdfunding* (от слов *crowd* толпа и *unding* финансирование), *finfluencer* (от слов *financial* и *influencer*), *staycation* (от слов *stay* и *vacation*), *swicy* (от слов *sweet* и *spicy*).

Необходимо выделить тот факт, что в связи с глобальным распространением сети Интернет, многие новые слова и выражения, появившиеся в одной стране, мгновенно могут проникнуть в словарный обиход множества стран одновременно. Данная тенденция особенно характерна для слов, появляющихся в странах, где новостные сообщения очень развиты (США, Великобритания, страны Европы, бурно развивающиеся страны Азии). На русский язык многие неологизмы переводятся с помощью транскрипции или описательного метода.

Основываясь на вышеизложенном, можно сделать вывод, что образование новых слов с помощью элементов, уже имеющих в языке, определяло направление нового словообразования в современном английском языке. С развитием общества и различных глобальных изменений появляются новые слова и словосочетания их номинирующие.

Вошедшие в широкое употребление неологизмы входят в словарный состав языка, который находится в постоянном обновлении из-за быстрой смены предметов и объектов окружающей действительности.

Литература

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2012. 376 с.
2. Котелова Н.З. Избранные работы / Российская академия наук; Институт лингвистических исследований. СПб.: Нестор-История, 2015. 276 с.
3. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М., 1964. 423 с.
4. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionaryblog.cambridge.org/2022/03/07/new-words-7-march-2022/>
5. Cambridge Dictionary. Neologisms. URL: <https://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms/>
6. Merriam-webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/words-at-play/the-words-of-the-week-03-11-22>
7. Oxford House. URL: <https://oxfordhousebcn.com/en/8-new-english-words-you-need-for-2022/>
8. Popsugar. URL: <https://www.popsugar.com/fitness/What-Does-Seagan-Mean-180>
9. Urban dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=carnisplorer>

ГЛАГОЛЫ ЖАТИ¹⁻² И ИХ ОМОНИМИЧНЫЕ ПРОИЗВОДНЫЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XI–XVII ВВ.

Шелкова И.А. (Москва)

*Московский государственный университет геодезии и картографии
ishel@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена отраженной омонимии производных от глаголов *жати*¹, *жму* и *жати*², *жну*. Рассматриваются вопросы о совпадении времени функционирования омонимичных слов в языке, о соотношении словообразовательных значений производных омонимов, об исторических изменениях омогрупп.

Ключевые слова: омоним, омогруппа, значение, происхождение, производные, омонимические отношения, исторические изменения.

По мнению А.Н. Тихонова и А.С. Пардаева, «в русском языке в упорядочении омонимических отношений производных слов главную роль играют глагольные гнезда. ...Основным средством отражения омонимии, конечно, являются префиксы» [Тихонов, 1989, с. 56]. Данный тезис

сформулирован применительно к современному состоянию русского языка, но и при изучении отраженной омонимии в историческом аспекте очевидна важная роль приставочных глаголов в ее систематизации. Яркий пример такой омонимии в русском языке XI–XVII вв. представляют собой производные от глаголов *жати*¹, *жму* и *жати*², *жну*: исторические словари фиксируют 7 пар омонимичных глаголов, образованных от них. В это число помимо 6 пар приставочных образований входит омогруппа *жатися*¹ – 1) ‘сжеживаться, сжиматься всем телом’; 2) перен. ‘скушиться’ [СРЯ XI–XVII вв., 1978, с. 77] и *жатися*² – страд. к *жати*² ‘жать, жинать’ [СДРЯ, 1990, с. 234].

Исходные омонимы *жати*¹⁻² являются исконно славянскими словами, но восходят к разным корням, совпавшим в звучании вследствие монофтонгизации дифтонгоидов: *жати*¹ – 1) ‘сдавливать, стискивать’; 2) ‘быть тесным’; 3) ‘давить для выделения жидкости’ – из общеслав. *žęti от индоевр. *gem-: *gom-, а *жати*² ‘срезать под корень стебли хлебных злаков’ – из общеслав. *žęti (← *genti) от индоевр. *g^uen- ‘ударять’, ‘бить’ [Черных, 1999, с. 292-293]. Именно поэтому омонимия не полная, а частичная. В древнерусском языке у глаголов совпадали формы инфинитива (*жати*¹⁻²), супина (*жатъ*¹⁻²), аориста (*жахъ*¹⁻² и т. д.), будущего сложного I (*иму / начну / хочу жати*¹⁻² и т. д.), а также причастия прошедшего времени с суффиксом -л- (*жалъ*¹⁻² и т. д.) и словоформы, имевшие в своем составе такие причастия: перфект (*есмь жалъ*¹⁻² и т. д.), плюсквамперфект (*бѣахъ жалъ*¹⁻² и т. д.), будущее сложное II (*буду жалъ*¹⁻² и т. д.), сослагательное наклонение (*бѣахъ жалъ*¹⁻² и т. д.); в современном русском языке совпадают формы инфинитива, прошедшего времени, будущего времени и сослагательного наклонения. Формы же настоящего времени (а в древнерусском языке и простого будущего), а также повелительного наклонения всегда различались: *жьму* – *жьну* и т. д.; *жьми* – *жьни* и т. д.

Оба омонимичных глагола встречаются в «Пандектах Никона Черногольца» XIV в. (*жмаше своѣ тѣло. и работаше – не могу бо чюже(г) тернья жати* [СДРЯ, 1990, с. 234]). Однако глагол *жати*, *жну* и производные от обоих омонимов отмечаются в более ранних памятниках: *послахъ вы жатъ* (Остромирово Евангелие, 1057 г.) [Срезневский, 1893, стб. 846]; *не съжьми руки своя отъ него* (Пандекты Антиоха Черноризца, XI в.) [СРЯ XI–XVII вв., 1999, с. 116] и др. Это свидетельствует о том, что сосуществование в языке глаголов *жати*¹ и *жати*² началось уже в XI в. (а возможно, и раньше).

Для омогрупп, состоящих из приставочных производных от *жати*¹⁻², также были характерны реальные омонимические отношения, то есть члены этих омогрупп функционировали в языке одновременно, порой даже в одном и том же памятнике, как, например, *пожати*¹⁻² в Злато-струе XII в.: *Не пожьма дълго язвы* [Срезневский, 1902, стб. 1079] – *Ѓидеть, не пожьнь ничьто же* [Срезневский, 1902, стб. 1080].

Отдельно сто́ит остановиться на омогруппе *жатися*¹⁻². Глагол *жатися* от *жати*, *жну* отмечен в «Тринадцати словах Григория Богослова» XIV в. [СДРЯ, 1990, с. 234], а *жатися* от *жати*, *жму* – в «Старинных сборниках русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII-XVIII столетий» и «Рукописи о конских заводах в 74 главах» XVIII в. [СРЯ XI-XVII вв., 1978, с. 77]. Относительно этой омогруппы представлялось бы более точным говорить о потенциальной омонимии; однако в «Словаре русского языка XVIII в.» [СРЯ XVIII в., 1992, с. 99] и «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля [Даль, 2008, с. 528] отражен глагол *жаться* от *жать*, *жну*, что позволяет всё же предположить его существование в период после фиксации в «Тринадцати словах Григория Богослова», а значит, и реальную омонимию с *жатися*, *жмусь*.

При этом едва ли можно говорить об одновременном присутствии в языке всех анализируемых омогрупп. Так, сосуществование глаголов *изжати*¹⁻² относится к XIV–XV вв., тогда как омонимические отношения *выжати*¹⁻² начинаются с XVII в., а *нажати*¹⁻², по-видимому, с XVIII в. Представим в таблице данные о времени функционирования в языке каждого из рассматриваемых слов.

Таблица 1

Время существования омонимов в языке

Век \ Омоним	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII
<i>жати, жму</i>								
<i>жати, жну</i>								
<i>жатися, жмуся</i>								
<i>жатися</i> от <i>жати, жну</i>								
<i>выжати, выжму</i>								
<i>выжати, выжну</i>								

<i>изжати,</i> <i>изожму</i>								
<i>изжати,</i> <i>изожну</i>								
<i>нажати,</i> <i>нажму</i>								
<i>нажати,</i> <i>нажну</i>								
<i>пожати,</i> <i>пожму</i>								
<i>пожати,</i> <i>пожну</i>								
<i>сжати,</i> <i>сожму</i>								
<i>сжати,</i> <i>сожну</i>								
<i>ужати,</i> <i>ужму</i>								
<i>ужати,</i> <i>ужну</i>								

Интересно также проследить соотношение значений приставок, при помощи которых от *жати*¹⁻² образовывались омонимичные глаголы. Представим в таблице значения приставок в каждой такой паре глаголов.

Таблица 2

Значения приставок

	<i>жати, жму</i>	<i>жати, жну</i>	Совпаде- ние
<i>выжати</i>	<u>извлечение, опустоше- ние</u> (<i>выжми</i> <i>всквозь</i> <i>плат</i> – «Травник» в переводе Николая Любечанина, XVII в. ~ 1534 г.; <i>выжать</i> <i>воду</i> – «Чин мастерству», XVII в. [СРЯ, 1976, с. 202])	<u>извлечение, опустоше- ние</u> (<i>жито</i> <i>выжато</i> – акты Свирского мона- стыря, 1631 г. [СРЯ, 1976, с. 202])	+
<i>изжати</i>	<u>опустошение</u> (<i>гроздь</i> <i>взях</i> и <i>ижжахъ</i> <i>въ</i> <i>чаию</i> – Палея толковая,	<u>извлечение, опустоше- ние</u> (<i>ижнете</i> <i>жатву</i> <i>вашу</i> – Библия Геннади-	+

	1477 г. ~ XIII в. [СРЯ, 1979, с. 156])	евская 1499 г. [СРЯ, 1979, с. 156])	
<i>нажати</i>	<u>накопление</u> (нажать из <i>напутника соку</i> – «Книга охотничей регул», XVIII в. ~ XVII в. [СРЯ, 1983, с. 87])	<u>накопление</u> (<i>мы нажали двадцать копень</i> – из переписки А.И. Безобразова, 1687г. [СРЯ, 1983, с. 87])	+
<i>пожати</i>	<u>действие в течение которого времени</u> (<i>руку ево поцеловаль и пожать</i> – «Житие протоппа Аввакума», 1673 г. [СРЯ, 1990, с. 95])	<u>полный охват объекта действием</u> (<i>Не пожьитьте класа не уже съзрьгъши</i> – «Сказание о Борисе и Глебе» по Успенскому сборнику XII–XIII вв. [СРЯ, 1990, с. 95])	–
<i>сжати</i>	<u>совмещение, уплотнение, уменьшение в пространстве</u> (<i>крьпко съжем ю</i> [ризу] – Житие Стефана Пермского, написанное Епифанием Премудрым, XV–XVI вв. ~ XV в. [СРЯ, 1999, с. 116])	<u>устранение чего-то с поверхности чего-то</u> (<i>вельти его</i> [хлеб] сжати – арзамасские поместные акты, 1606–1614 гг. [СРЯ, 1999, с. 116])	–
<i>ужати</i>	<u>добыча, получение, накопление</u> (ужми соку чесноковаго – лечебник, XVIII в. ~ XVII–XVIII вв. [СРЯ, 2019, с. 239]); <u>полный охват объекта действием</u> (ужать <i>згло воскъ</i> ‘размят’ – Пандекты Антиоха Черноризца, XI в. [СРЯ, 2019, с. 239])	<u>накопление</u> (<i>овса ужато было 56 копень</i> – копии с царских грамот, 1596 г. [СРЯ, 2019, с. 239]); <u>присвоение чужого, удаление, устранение</u> (<i>ниву ужнетъ</i> – «Материалы для истории русской покаянной дисциплины», XVI в. [СРЯ, 2019, с. 239])	+–

Итак, соотношение значений приставок в парах омонимов могло быть различным (полное совпадение, частичное совпадение или несовпадение).

Из 8 рассматриваемых здесь омогрупп бесспорно сохранились в современном русском языке 5: *жать*¹⁻², *выжать*¹⁻², *нажать*¹⁻², *пожать*¹⁻²,

*сжать*¹⁻². Интересно, что О.С. Ахманова рассматривает *нажать* ‘надавить’ и *нажать* ‘накопить выжимая’ как омонимы: «**Нажать**¹ [*на*¹ + *жать*¹] англ. push, press... **Нажать**² [*на*² + *жать*¹] англ. make / produce by pressing» [Ахманова, 1986, с. 148], тогда как в толковых словарях дается многозначное слово [БТСРЯ, 2008, с. 580; МАС, Ушаков: электронный ресурс]. Отношения между *нажать*¹, *нажму* и *нажать*², *нажму* определяются при помощи терминологии А.Н. Тихонова и А.С. Пардаева как внутрignetздовая омонимия, тогда как их отношения с *нажать*, *нажну* представляют собой омонимию межгнетздовую. Сложнее обстоит дело с исторической судьбой омогруппы *жатися*¹⁻²: сохранился глагол *жатся*, *жмусь*, но лишь в некоторых словарях (без примеров) отражен его омоним *жатся* от *жать*, *жну*, не употребляемый в формах 1-го и 2-го лица [МАС, Ушаков: электронный ресурс]; сравним: *жатва жнется грозная!* (В.В. Вересаев, «Аполлон и Дионис», 1914) [НКРЯ: электронный ресурс]. По-видимому, с оговорками можно признать эту омогруппу также сохранившейся в языке.

Омогруппа *ужати*¹⁻² разрушилась: словари современного русского языка фиксируют только *ужать*, *ужму* ‘сжимая, уменьшить’ [БТСРЯ, 2008, с. 1377; МАС, Ушаков: электронный ресурс]; как видим, значение глагола трансформировалось (ср. *ужати*, *ужму* – 1) ‘размять’; 2) ‘выжать, добыть выжиманием’ [СРЯ, 2019, с. 239]). Исчезла омогруппа *изжати*¹⁻² (в русском языке XIX в. еще присутствовал глагол *изжимать* / *изжать* ‘выжимать или выгнетать, выдавливать’ [Даль, 2008, с. 22], к настоящему времени утраченный).

П.Я. Черных называет омонимическое отгалкивание возможной причиной исчезновения глагола *жать*, *жму* из некоторых живых славянских языков [Черных, 1999, с. 293]. Однако в русском языке оба исходных глагола (и большинство их омонимичных производных) сохранились. Среди факторов, способствовавших этому, следует назвать не только употребительность глаголов *жати*¹⁻² и образованных от них, но и частичный характер лексической омонимии.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь омонимов русского языка. Изд. 3-е, стереотипное. М.: Русский язык, 1986. 448 с.
2. Большой толковый словарь русского языка. / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2008. 1536 с.
3. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. Т. 1. / В.И. Даль. 5-е изд., стереотип. М.: Русский язык – Медиа; Дрофа, 2008.

4. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. Т. 2. / В.И. Даль. 5-е изд., стереотип. М.: Русский язык – Медиа; Дрофа, 2008.
5. НКРЯ – Национальный корпус русского языка URL: <http://search.ruscorpora.ru>
6. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. <http://feb-web.ru>.
7. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 7. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1992. – 264 с.
8. СДРЯ – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Том III. М.: Русский язык, 1990. 511 с.
9. СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 3. / Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Наука, 1976. 288 с.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. / Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Наука, 1978. 392 с.
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. / Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Наука, 1979. 360 с.
12. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. / Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Наука, 1983. 328 с.
13. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 16. / Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Наука, 1990. 295 с.
14. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 24. / Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Наука, 1999. 254 с.
15. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 31. / Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: ЛЕКСРУС, 2019. 392 с.
16. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1, ч. 2. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893. 1420 стб.
17. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2, ч. 2. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1902. 1802 стб.
18. Тихонов А.Н., Пардаев А.С. Роль гнезд однокоренных слов в системной организации русской лексики. Ташкент: Фан, 1989. 144 с.
19. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935-1940. URL: <http://feb-web.ru>.
20. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т. 1. М.: Русский язык, 1999. 624 с.

ОБРАЗЫ КРУГОВОГО ДВИЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Д. Ю. Шидловская (Санкт-Петербург)
Санкт-Петербургский государственный университет
shidlovska.diana@gmail.com

Аннотация: В статье представлены результаты исследования английских фразеологических единиц, актуализирующих образы кругового движения. Устанавливаются особенности образной репрезентации движения по траектории (полу)окружности, выявляется роль данного концепта в осмыслении человеком окружающей действительности.

Ключевые слова: фразеология, семантика, фразеологическая единица, круговое движение, метафора.

Настоящая статья посвящена исследованию особенностей фразеологической репрезентации движения по кругу. Актуальность исследования определяется необходимостью реконструкции наиболее значимых фрагментов картины мира. Движение входит в число универсальных концептов, изучение которых является одним из приоритетных направлений в современной лингвистике. Научная новизна работы состоит в том, что фразеологические образы кругового движения, представленные в рамках английской лингвокультуры, ранее не подвергались детальному изучению. Материалом для исследования послужили фразеологические единицы (далее ФЕ) с глаголами *turn* 'повернуть', *roll* 'катиться' и сочетаниями глаголов движения (*go* 'ходить, идти', *come* 'приходить') с предлогом *around* 'вокруг'.

Семантический анализ показал, что ФЕ, в основе которых лежат образы движения по кругу, могут давать характеристику различным качествам человека, а также описывают окружающие его предметы и явления, происходящие с ним жизненные ситуации. Кроме этого, рассматриваемые кинестетические единицы участвуют в репрезентации следующих концептуальных областей: «социально-трудовая деятельность», «эмоции человека», «поведение человека», «межличностные отношения», «физиологические процессы».

11 ФЕ вербализуют разнообразные жизненные события, дают описание предметам и явлениям окружающей действительности. Большинство из них выражают изменение ситуации или качественной характеристики предметов: *turn something on its head* 'поставить с ног на голо-

ву’, *turn the tide* ‘изменить течение событий’, *turn to dust* ‘разрушить что-либо’, *have turned the corner* ‘выйти из опасного положения’, *turn something topsy-turvy* ‘переворачивать вверх дном; навести беспорядок’ и т. д. Основным средством концептуализации трансформационных процессов является метафора КРУГОВОЕ ДВИЖЕНИЕ – ЭТО ИЗМЕНЕНИЕ СОСТОЯНИЯ. В некоторых ФЕ данная модель сочетается с другими метафорами движения. Например, в выражении *turn something topsy-turvy* компонент *topsy-turvy* ‘вверх дном’ на уровне внутренней формы (далее ВФ) реализует семантический признак «характер движения». Следовательно, определенная манера движения служит источником описания конкретного характера изменения, что можно представить в виде модели ХАРАКТЕР ДВИЖЕНИЯ – ЭТО ХАРАКТЕР ИЗМЕНЕНИЯ.

Кроме этого, результирующее состояние предмета может метафорически осмысляться как ориентир движения. Например, в ФЕ *turn to dust* заложен образ направленного движения субъекта, где компонент *dust* ‘пыль, прах’, ассоциирующийся с разрушением и/или крахом, на уровне ВФ реализует сему «цель перемещения».

Метафора кругового движения позволяет вербализовать представления о возвращении в первоначальное состояние: КРУГОВОЕ ДВИЖЕНИЕ – ЭТО ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ. Данная модель фиксируется в ФЕ *the wheel has come /turned full circle* ‘вернуться на круги своя’, *come/go/turn full circle* ‘вернуться в первоначальное состояние после периода изменений’.

Сфера трудовой деятельности представлена 10 ФЕ. Здесь образы кругового движения конструируют стереотипные ситуации, отражающие готовность человека к работе: *roll up one’s sleeves* ‘приступить к делу’; *turn one’s hands to something* ‘взяться за работу’.

Так, в ФЕ *roll up one’s sleeves* движение по кругу, вербализованное глаголом *roll* ‘катиться’, участвует в формировании ментального образа закатывания рукавов.

В ФЕ *turn one’s hands to something* движение по траектории полуокружности концептуализирует смену положения рук в направлении чего-либо. В контексте культуры соматизм *hand* ‘рука’ является первым инструментом труда и реализует символическое значение «орудия всех орудий» [Аристотель, 1981, с. 440].

Представленные выше ФЕ, по нашему мнению, образованы на основе метонимии, так как между ВФ ФЕ и их актуальным значением устанавливаются отношения концептуальной смежности.

Круговое движение отождествляется с выполнением бесполезной, непродуктивной работы (*go (a)round in circles* ‘топтаться на месте’, *chase/be chasing one’s tail* ‘заниматься бесполезной работой’, быть занятым’), используется как метафорическое средство выражения континуальности (*keep the ball rolling* ‘продолжать делать что-либо’).

Кроме этого, ментальные репрезентации кругового движения способствуют созданию зооморфной метафоры, которая содержится в следующих ФЕ, описывающих характер деятельности человека: *run/rush around like a blue-arsed fly* ‘быть очень занятым, бегать как угорелый’, *chase/be chasing one’s tail* ‘заниматься бесполезным работой, быть занятым’, *run around like a chicken with its head cut off* ‘делать много дел за короткий промежуток времени вследствие тревоги’. Зооморфная метафора также обнаруживается в ФЕ *go belly up* ‘обанкротиться’.

В образной репрезентации эмоционально-волевой сферы участвуют 8 ФЕ, в основе которых лежат образы движения, актуализирующие стереотипные бытовые ситуации (*drive someone around the bend* ‘выводить из себя’, *go round the twist* ‘спянуть’, *twist the knife* ‘сыпать соль на рану’); библейские мотивы (*turn to ashes in one’s mouth* ‘разочароваться в чем-либо, избавиться от иллюзий’); мистические представления (*turn/roll (over) in one’s grave* ‘разозлиться; расстроиться’).

Мотивировка ФЕ *drive someone around the bend, go round the twist* затемнена. Существуют предположения, что ВФ данных единиц связана с морской тематикой или является аллюзией на динамический образ движения к психиатрической больнице, ассоциирующейся с деструктивными эмоциональными состояниями. Также возможно, что в рассматриваемых единицах содержится метафора изменения пространственного положения пути, посредством которой осмыслиется переход из одного эмоционального состояния в другое.

В ФЕ *twist the knife* причинение эмоционального ущерба метафорически структурируется в терминах физического насилия. Чувство разочарования, вербализованное ФЕ *turn to ashes in one’s mouth*, описывается посредством метафорического библейского образа яблока Содомы, которое выглядело красивым и аппетитным на вид, но во рту превращалось в пепел.

Эмоции человека связаны с различными психофизиологическими реакциями. Например, плач сравнивается с выливанием воды при открытии системы водоснабжения (ФЕ *turn on the waterworks* ‘заливаться слезами’); смех осмысливается через гиперболический образ субъекта,

катающегося в приступе смеха между рядами в (кино)театре (*be rolling in the aisles* ‘кататься со смеху’).

Поведенческая сфера репрезентирована 6 ФЕ. Так, смена поведенческих и нравственных установок вербализуется ФЕ *turn over a new leaf* ‘исправиться, начать новую жизнь’, *poachers turned gamekeepers* ‘менять свои убеждения на противоположные’, в основе которых лежит метафора КРУГОВОЕ ДВИЖЕНИЕ – ЭТО ИЗМЕНЕНИЕ (ПОВЕДЕНИЯ).

Демонстрация высокого статуса, а также расточительство в кинестетической картине мира концептуализируется в форме динамической ситуации (буквально) разбрасывания собственного веса или денег вокруг себя: ФЕ *throw one's weight around* ‘подавлять своим авторитетом’, *throw (one's) money/cash around* ‘сорить деньгами’. В составе ФЕ *throw one's weight around* субстантивный компонент *weight* ‘вес’, вероятно, указывает на ранее распространённое представление о связи избыточной массы тела с богатством и крепким здоровьем.

ФЕ *turn and rend someone* ‘проявлять враждебность’ основана на зоморфной метафоре и репрезентирует агрессивное поведение индивида. На уровне ВФ движение по кругу, вербализованное глаголом *turn* ‘вернуться’, актуализирует изменение положения тела животного в пространстве. Источником происхождения данной ФЕ является Библия (см. [Matthew 7:6]).

Фразеологические образы кругового движения дают характеристику внешним и внутренним качествам человека. Например, высокое материальное положение представлено в терминах движения и пространства: *be rolling in it* ‘купаться в деньгах’. Можно предположить, что местоимение *it* ‘оно’ является средством эвфимизации концепта MONEY ‘ДЕНЬГИ’.

Представления о трусости воплощаются в образе животного, поворачивающего хвостом, чтобы убежать от опасности: *turn tail (and run)* ‘броситься наутек’. Значение данной ФЕ формируется на основе зоморфной метафоры.

Проявление отрицательных черт характера в поведении добродушных и терпеливых людей интерпретируется как поворот червя: *the worm turns/has turned* ‘терпение лопнуло’. В семантической структуре рассматриваемой единицы можно выделить метафорическую модель КРУГОВОЕ ДВИЖЕНИЕ – ЭТО ИЗМЕНЕНИЕ (ПСИХИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ). Образ червя несет преимущественно отрицательные коннотации, поскольку связан с болезнями, упадком, страдани-

ями и деградацией людей [Райкен, Уилхойт, Лонгман, 2005, с. 1306–1307].

Круговое движение конструирует представления о появлении неприятного человека в поле зрения наблюдателя, что отражено в ФЕ *turn up like a bad penny* ‘свалиться как снег на голову’. Семантика данного выражения базируется на метафорической модели КРУГОВОЕ ДВИЖЕНИЕ – ЭТО ПОЯВЛЕНИЕ и метафоре *объективизации*. Термин «объективизация» введен автором настоящей работы для описания процесса переноса наименования с неодушевленного объекта на одушевленный.

Представления о мужестве и стойкости воплощаются в метафорическом образе уклонения от ударов. Данное действие осуществляется субъектом по круговой траектории: *roll with the punches* ‘приспособляться к трудным ситуациям’.

Милосердие, жертвенность интерпретируются через библейский образ человека, подставляющего вторую щеку для удара: *turn the other cheek* ‘подставить другую щеку’. Как и в предыдущем случае, круговое движение характеризует положение тела человека в пространстве.

Фразеологической номинации подвергается и область межличностных отношений. Движение по кругу моделирует *стереотипные ситуации* официального приема (*roll out the red carpet for someone* ‘встречать важного гостя’), *архетипические образы* казни (*turn the screw on someone* ‘оказывать давление на кого-либо’); *изменение положения тела в пространстве* (*turn a blind eye/deaf ear/back* ‘закрывать глаза на что-либо, игнорировать’); *наблюдения за животным миром* (*run rings around/round someone* ‘иметь преимущество перед кем-либо, заткнуть за пояс’), что способствует созданию зооморфной метафоры.

В кинестетической картине мира физиологические процессы, актуализируемые образами кругового движения, весьма немногочисленны и представлены лишь 2 ФЕ: *turn to jelly* ‘почувствовать внезапную слабость’; *turn someone’s stomach* ‘вызывать тошноту’. В ФЕ *turn to jelly* движение по кругу описывает изменение физиологического состояния организма, а в ФЕ *turn someone’s stomach* характеризует ощущения, основанные на телесном и чувственном опыте человека.

В статье рассмотрены особенности фразеологической репрезентации кругового движения. Исследование показало, что данный тип движения описывает различные сферы социальной и личной жизни человека, участвует в моделировании бытовых стереотипных ситуаций, религиозно-мистических представлений, эмпирических знаний человека. При этом ситуации движения по круговой траектории не только способ-

ствуют формированию метафорических моделей и образов, но и сами могут подвергаться переосмыслению. Анализ семантики кинестетических ФЕ показал, что рассматриваемый тип перемещения осмысляется как качественное изменение или превращение. Вместе с тем круговое движение также может обозначать возвращение в исходное состояние, подчеркивать континуальность, непрерывность какого-либо действия. Помимо собственно движения, образному переосмыслению также могут подвергаться и другие семантические компоненты динамической ситуации, что было показано в ряде примеров.

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что концепт кругового движения характеризуется энантиосемическим смысловым содержанием. С одной стороны ему свойственны постоянство и устойчивость, с другой стороны – изменчивость и дискретность.

Литература

1. Аристотель. Собрание сочинений в 4-х томах / И.Д. Рожанский. М.: Мысль, 1981. Т. 3. 613 с.
2. Райкен Л., Уилхойт Д., Лонгман Т. Словарь библейских образов / Л. Райкен., Д. Уилхойт, Т. Лонгман. СПб.: Библия для всех, 2005. 1424 с.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ОБ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ РОССИИ XX ВЕКА

***Н.В. Шутёмова** (Санкт-Петербург)*

*Санкт-Петербургский государственный университет
n.shutemova@spbu.ru*

Аннотация: Объектом исследования является аксиологичность искусствоведческого дискурса. Цель состоит в изучении способов реализации категории оценки в искусствоведческом энциклопедическом дискурсе. Материалом исследования служат статьи об изобразительном искусстве России XX века, содержащиеся в энциклопедии «Британника». Выявляются субъекты, объекты, виды оценки, ее динамика. Описывается ведущий принцип ее систематизации – хронологический. Прослеживается взаимосвязь оценки объектов искусства с оценкой исторического контекста.

Ключевые слова: категория оценки, англоязычный искусствоведческий энциклопедический дискурс, искусство России XX века, энциклопедия «Британника».

Энциклопедический искусствоведческий дискурс является видом энциклопедического дискурса, с одной стороны, и искусствоведческого – с другой. Он нацелен на системную, емкую и краткую репрезентацию научного знания об объекте описания, выполняя информативную функцию. В то же время в нем выражается и закрепляется оценка объекта, что реализует функцию формирования общественного мнения. Сопряжение данных функций обуславливает тесное переплетение таких свойств искусствоведческого энциклопедического дискурса, как информативность, концептуальность, точность, ясность, краткость, аксиологичность. При этом если оценка одних этапов в развитии национальных культур и мирового искусства может являться общепризнанной и в этом смысле универсальной, то оценка других становится предметом полемики. Ее анализ позволяет, на наш взгляд, проследживать процесс осмысления сущности художественных объектов, с другой – формировать представление о ценностных предпочтениях самих субъектов оценки. Теоретическую базу исследования составили труды в области аксиологии [Арутюнова, 1999, Баженова, 2003, Петухова, 2017, Хомякова, 2020] и эстетики как философской науки [Каган, 1997], при этом мы опираемся на определение категории оценки как «совокупности разноразноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи» [Баженова, 2003, с. 139]. Рассмотрим, каким образом в одной из основных англоязычных энциклопедий «Британника» репрезентируется оценка многогранного изобразительного искусства России XX века, отразившего контрастные периоды национальной и мировой истории.

В энциклопедии данная тематика рассматривается в контексте общей статьи о России Russia в разделе Cultural life, который включает подраздел The arts. Оценка изобразительного искусства вписывается в общий контекст оценки литературы, музыки, исполнительского искусства и кинематографии России, рассмотрение которых, за исключением последнего, охватывает период XIX–XX веков.

Субъектом оценки выступает редакция энциклопедии в целом в лице коллективного автора и ряда отдельно обозначенных авторов, являющихся профессорами университетов Великобритании и США. В качестве объекта оценки при освещении изобразительного искусства России

XX века выступают его этапы, персоналии художников, произведения искусства, художественные течения и используемые ими техники. Систематизация информации и оценка этих объектов следуют хронологическому принципу, при этом выделяются следующие этапы:

- начало XX века – 20-е годы,
- 20-е годы,
- 30-е – 50-е годы,
- 60-е – 90-е годы.

Оценка этапов производится в сопоставительном ключе в сравнении с предыдущими этапами и другими видами искусства, в частности с литературным процессом в России XX века: «*As with literature, there was a burst of creativity in the visual arts in the early 20th century, with Russian painters playing a major role in the European art scene*» [The visual arts: электронный ресурс].

Анализируемый энциклопедический материал содержит разные виды оценок: этапы получают как рациональную, так и эмоциональную оценку, позитивную или негативную, при преобладании позитивной оценки первого, второго и четвертого этапов и негативной – третьего. Наиболее развернутую характеристику получает первый этап, в отношении которого отмечается международное признание российских художников и позитивно оценивается креативность искусства России, что эксплицировано, например, в приведенном выше контексте посредством экспрессивного словосочетания *a burst of creativity* ‘взрыв креативности’, в котором существительное *burst* репрезентирует идею внезапности и высокой степени интенсивности проявления внутренних сил.

Также в энциклопедической статье подчеркивается поиск новых эстетических принципов, формирование и развитие новых течений, в частности примитивизма, символизма, абстракционизма: «*This period was marked by a turning away from realism to primitivism, Symbolism, and abstract painting*» [Там же].

В поле позитивной оценки попадает и мастерство таких художников, как Василий Кандинский, Казимир Малевич, Владимир Татлин, Марк Шагал. В живописи В. Кандинского акцентируется лиризм абстракций. В работах К. Малевича подчеркиваются новаторские исследования геометрических абстракций. В творчестве В. Татлина отмечается прорывной выход за пределы традиционных представлений об архитектуре, отказ от прошлого и устремленность в утопическое будущее, основанное на научно-техническом прогрессе. В работах М. Шагала выделяется поэтичность и причудливость, обусловленная авторской мифологией, а

также уникальность и невозможность отнесения к тому или иному течению.

Аналогичным образом репрезентируется позитивная оценка продолжающихся экспериментальных поисков периода 20-х годов, прежде всего в рамках конструктивизма, мысль о доминировании которого репрезентируется посредством формы превосходной степени сравнения (*the most noteworthy movement was Constructivism*) [Там же]. При этом выделяются такие творческие персоналии, как Владимир Татлин, Эль Лисицкий, Александр Родченко. Объектом позитивной оценки становится и прикладной аспект творчества художников. Также в поле объектов позитивной оценки вошли ключевые работы неконструктивистов: Павла Филонова и Марии Эндер.

Третий период (конец 20-х – 50-е годы) получает негативную рациональную и эмоциональную оценку, объектом которой становится соцреализм, связываемый в статье с давлением на художников (*the same pressures*), их изоляцией (*isolated*), забвением (*forgotten*), заменой другими именами. Негативная оценка не только эксплицируется посредством лексики соответствующей негативной семантики, но и актуализируется посредством интенсификаторов (*increasingly, almost completely*) [Там же]. Одним из основных средств выражения негативной эмоциональной оценки произведений, созданных в этот период, являются эпитеты, репрезентирующие мысль о бесконечном множестве однотипных работ, а также произведений, изображающих повседневную жизнь в розовом цвете.

Оценка четвертого этапа, описывающего переходный период от 60-х годов до начала XX века, характеризуется сопряжением позитивной и негативной рациональной и эмоциональной оценки. Ее объектом становятся такие персоналии, как Э. Неизвестный, И. Кабаков, М. Шемякин, Э. Булатов, В. Комар, А. Меламид. В динамике оценки можно проследить градацию от гибридной биполярной рационально-эмоциональной негативно-позитивной оценки художественных тенденций к преимущественно рационально и эмоционально позитивной, при этом новые и старые художественные техники оцениваются в противопоставлении друг другу при импликации позитивной и негативной оценки соответственно.

В целом исследование позволило выявить ведущую роль хронологии в систематизации оценки в энциклопедических искусствоведческих материалах, их интертекстуальность, мультимодальность, взаимосвязь с оценкой исторических событий и личностей, преобладание положи-

тельного отношения к экспериментальным эстетическим поискам как проявлению креативности.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. Изд. 2-е, испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Баженова Е.А. Категория оценки / Е.А. Баженова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука. 2003. С. 139–146.
3. Каган М.С. Эстетика как философская наука / М.С. Каган. СПб.: ТОО ТК «Петрополис». 1997. 544 с.
4. Петухова Т.И. Аспекты оценочной интерпретации в англоязычном искусствоведческом дискурсе / Т. И. Петухова // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXX. С. 283–286.
5. Хомякова Е.Г. Лингвистический анализ оценки в англоязычном искусствоведческом дискурсе / Е.Г. Хомякова // Общество. Среда. Развитие. 2020. № 4. С. 3–7
6. The visual arts // Britannica. URL: <https://proxy.library.spbu.ru:2573/place/Russia/The-visual-arts>

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-012-00276.

АВТОРЫ

Аверкина Светлана Николаевна, профессор кафедры литературы народов мира Нижегородского лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, доктор филологических наук; e-mail: averkina.svetlanalunn@mail.ru

Аль-Кадим Мохаммед Убайд Хашим, аспирант Южно-Уральского государственного университета; e-mail: moh.rossy@yahoo.com

Берендяев Максим Викторович, доцент кафедры технологий и автоматизации перевода в бюро переводов «АКМ-Вест» Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова; e-mail: m.berendyaev@narfu.ru

Бушуева Людмила Александровна, профессор кафедры зарубежной лингвистики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор филологических наук; e-mail: sebeleva@yandex.ru

Воскресенская Наталья Александровна, заведующий кафедрой зарубежной лингвистики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат филологических наук; e-mail: voskresenskaya@flf.unn.ru

Голованова Елена Иосифовна, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета, доктор филологических наук; e-mail: terminolog2011@rambler.ru

Дмитриева Анастасия Максимовна, аспирант кафедры зарубежной лингвистики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; e-mail: deseql@gmail.com

Дьяконова Евгения Александровна, экстерн кафедры общего языкознания и стилистики филологического факультета; e-mail: happybusiness@yandex.ru

Егорова Виктория Николаевна, преподаватель кафедры зарубежной лингвистики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; e-mail: viktorija-egorova@yandex.ru

Епимахова Александра Сергеевна, доцент кафедры технологий и автоматизации перевода в бюро переводов «АКМ-Вест» Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук; e-mail: a.epimahova@narfu.ru

- Епифанова Валентина Валерьевна**, старший преподаватель Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук; e-mail: valentyana4@yandex.ru
- Зинцова Юлия Николаевна**, доцент кафедры теории и практики немецкого языка Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, кандидат филологических наук; e-mail: zintsova@mail.ru
- Ибраимова Азалия Едигеевна**, аспирант кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: azaliya.i@gmail.com
- Иванова Татьяна Владимировна**, доцент кафедры русского языка и культуры речи Саратовской государственной юридической академии, кандидат филологических наук; e-mail: tania.iwanova@mail.ru
- Коканова Елена Сергеевна**, заведующий кафедрой технологий и автоматизации перевода в бюро переводов «АКМ-Вест» Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук; e-mail: e.s.kokanova@narfu.ru
- Кристиано Никола Отелло**, преподаватель кафедры зарубежной лингвистики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; e-mail: kristiano@flf.unn.ru
- Куликов Николай Юрьевич**, доцент кафедры технологий и автоматизации перевода в бюро переводов «АКМ-Вест» Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова; e-mail: n.kulikov@narfu.ru
- Лоханов Всеволод Сергеевич**, преподаватель кафедры зарубежной лингвистики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; e-mail: Styx123@mail.ru
- Максимова Татьяна Геннадьевна**, старший преподаватель кафедры зарубежной лингвистики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат филологических наук; e-mail: maksimova.fr@mail.ru
- Малышева Татьяна Сергеевна**, доцент кафедры зарубежной лингвистики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат педагогических наук; e-mail: t.s.malysheva@flf.unn.ru
- Мамонова Наталья Васильевна**, доцент кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета, кандидат филологических наук; e-mail: nat2.mv@gmail.com

- Матвеева Ирина Владимировна**, доцент кафедры теории и практики немецкого языка Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, кандидат филологических наук; e-mail: iramatweewa@yandex.ru
- Морженкова Наталья Викторовна**, профессор кафедры английской филологии РГГУ, доктор филологических наук; e-mail: nataliamorzhenkova.gmail.com
- Постникова Светлана Васильевна**, профессор кафедры зарубежной лингвистики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор филологических наук; e-mail: svetpost11@mail.ru
- Рогова Маргарита Юрьевна**, магистрант кафедры английского языка для приборостроительных специальностей МГТУ им. Н.Э. Баумана; e-mail: rogoва.margo_rita@mail.ru
- Ростовцева Светлана Андреевна**, старший преподаватель кафедры восточных и романо-германских языков Челябинский государственный университет; e-mail: rostovs79@mail.ru
- Рулевская Елена Сергеевна**, ассистент кафедры «Лингвистика» Российского университета транспорта; e-mail: yudina_44@mail.ru
- Саможенов Сергей Николаевич**, доцент кафедры теории и практики немецкого языка Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, кандидат филологических наук; e-mail: sesam2301@yandex.ru
- Сарсенбаева Айгул Елеуовна**, преподаватель кафедры государственного языка Военного института Сил воздушной обороны им. Дважды Героя Советского Союза Т. Бигельдинова (Республика Казахстан); e-mail: Altin_suenbaeva@mail.ru
- Сорокина Эльвира Анатольевна**, профессор кафедры английской филологии МГОУ, доктор филологических наук; e-mail: ellasor@mail.ru
- Суюнбаева Алтынтул Жакиповна**, доцент кафедры государственного языка Военного института Сил воздушной обороны им. Дважды Героя Советского Союза Т. Бигельдинова (Республика Казахстан), кандидат филологических наук; e-mail: Altin_suenbaeva@mail.ru
- Таскаева Анна Вячеславовна**, заведующий кафедрой иностранных языков Уральского государственного института искусств имени П.И. Чайковского, кандидат филологических наук; e-mail: taskaeva_anna@bk.ru

Фатуева Юлия Наилевна, доцент кафедры зарубежной лингвистики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат педагогических наук; e-mail: u-y-a@yandex.ru

Шелкова Ирина Александровна, доцент кафедры лингвистики Московского государственного университета геодезии и картографии, кандидат филологических наук; e-mail: ishel@mail.ru

Шидловская Диана Юрьевна, аспирант кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: shidlovska.diana@gmail.com

Шутемова Наталья Валерьевна, профессор кафедры английской филологии и лингвокультурологии СПбГУ, доктор филологических наук; e-mail: n.shutemova@spbu.ru

Научное издание

**ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ:
ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ
И ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

*Сборник статей
Печатается в авторской редакции*

Издательство Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского
603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Подписано в печать 00.04.2022. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 7,9. Тир. 100. Зак. 702.

Отпечатано в типографии
Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского.
603000, Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37.